

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. К. ГЕРЦЕНА

В. С. ЖЕКУЛИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЛАНДШАФТОВ

(КУРС ЛЕКЦИЙ)

НОВГОРОД 1972

Материалы подготовлены на кафедре географии
Новгородского государственного педагогического института

Комментарий к электронной копии.

Номера страниц источника проставлены в квадратных скобках [ ] на последней строке страницы копии.

В фигурных скобках { } размещены примечания, добавленные при OCR.

Качество рисунков(карт) в источнике неудовлетворительное. Рис.1—3, 5 найдены полностью соответствующими рисункам из книги В. С. Жекулин «Историческая география: предмет и методы», Л., 1982. Обозначения в легенде карты на рис. 5. даны по изд. 1982 года. Рис. 4 отрисован вручную, возможны мелкие неточности. Рис. 6 в источнике отсутствует, для удобства пользования источником добавлен из изд. 1982 года.

Автор OCR: Bewerr

Электронная копия сделана с издания:

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ЖЕКУЛИН

Историческая география ландшафтов

Тех. редактор *Л. П. Гречина* Корректор *С. В. Добролюбова*

ОД—00147 Сдано в набор 27-ХІІ-71 г. Подп. к печати 10-V-72 г. Зак. 6593, тир. 800.

Объем 14,5 п. л. Бумага 60x84

Боровичская городская типография ул. А. Кузнецова, 37

ВВЕДЕНИЕ

Историческая география ландшафтов — новая наука, расположенная на грани между географией и историей. Она изучает историю развития и изменения географических комплексов (геокомплексов) земли за историческое время. Изменение естественных и возникновение новых геокомплексов связано главным образом с хозяйственной деятельностью населения, поэтому одной из основных задач науки является исследование истории освоения населением ландшафтов земли. Влияние человека на природу всегда зависело от способа производства материальных благ и было неодинаковым в разные периоды исторического времени. В результате многовекового воздействия населения на земле сформировались различные по степени переработки человеком и генезису геокомплексы — окультуренные, измененные, техногенные и другие. Однако особенности этих геокомплексов зависят также от характера природного ландшафта. Поэтому, говоря об изменении геокомплексов, следует подчеркивать роль взаимодействия географической среды и населения в этом процессе.

Для того, чтобы изучать историю изменения и освоения ландшафтов, нужно быть достаточно компетентным в области как естественных (ландшафтоведение, палеогеография), так и общественных наук (история, история экономики, география населения, топонимика и другие).

Сама постановка задач исторической географии ландшафтов стала возможной после разработки учения о географических ландшафтах и методики физико-географического районирования. Работы Л. С. Берга, С. В. Калесника, Н. А. Солнцева, А. Г. Исаченко, Н. А. Гвоздецкого, Н. И. Михайлова, В. С. Преображенского, В. Б. Сочавы, Ф. Н. Милькова, К. И. Геренчука, В. И. Прокаева и других, посвященные изучению различных проблем географического комплекса, оказали тем самым косвенное воздействие на формирование новой науки. Дело в том, что во многих работах достаточно убедительно подчеркива- [3]

лась мысль о том, что каждая единица физико-географического районирования, каждый геокомплекс возник в результате длительной истории. Пожалуй, нет в Советском Союзе географа, который с радостью бы не подписался под крылатыми словами Л. С. Берга: «Понять данный ландшафт можно лишь тогда, когда известно, как он произошел и во что он со временем превратится»¹. Но «понять» ландшафт не просто. Для этого требуются усилия различных наук, в том числе и исторического ландшафтоведения. Именно в процессе реализации задач, кратко, но емко сформулированных Л. С. Бергом, историческое ландшафтоведение приходит в соприкосновение с другими науками географического и исторического циклов. Ландшафтоведение современности дает историку-ландшафтоведу объект изучения — географический комплекс (ландшафт, ландшафтный округ, ландшафтную провинцию и т.п.). Кроме того, эта наука должна вооружить исследователя сведениями о современном состоянии природы комплекса — данными об измененности как отдельных компонентов природы (рельефа, почв, растительности и др.), так и ландшафта в целом. К сожалению, ландшафтоведы далеко не всегда конкретно оценивают современное состояние природы комплекса и степень его освоенности человеком. Таким образом, приступая к изучению истории ландшафта, необходимо знать, во что он «превратился».

Предметом изучения палеогеографии, по К. К. Маркову, является история развития современной природы земной поверхности². Но в понятие поверхности входит ландшафт, т.е. палеогеография включает историческое ландшафтоведение. Однако такой вывод был бы поспешным. Палеогеография исследует общие тенденции развития природы и ландшафтов за всю историю существования земли. Очевидно, что эта наука должна ответить на вопрос, как произошел естественный ландшафт и каковы его основные направления природного развития. Думается, что по своему существу палеогеографической является и проблема спонтанного развития геокомплексов в разные геологические и исторические периоды.

¹ Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза. М., 1947, стр. 21.

² К. К. Марков. Палеогеография. М., 1960, стр. 5.

В историческое время человек стал мощным фактором, воздействующим на природу земли и, в частности, на географические комплексы.

Поэтому у нас есть все основания говорить о новом этапе в истории ландшафтов, а следовательно, и о новой науке, изучающей исторический процесс изменения и освоения геокомплексов.

Структура современного ландшафта издавна освоенной области земли представляет собой сложное гетерогенное историческое образование, состоящее из компонентов и морфологических единиц, измененных в разной степени. Но человек не только изменял естественные, но и создавал новые антропогенные геокомплексы. К их числу можно отнести оазисы и «одичалые» каналы в пустыне, леса в степной зоне, города и обширные массивы сельскохозяйственных земель, водохранилища и другие. Все эти комплексы имеют структуру различной сложности и таксономически относятся к комплексам разных рангов — ландшафтам, урочищам, подурочищам, фациям.

Для того, чтобы изучать изменения естественных и возникновение новых геокомплексов, приходится использовать самые разнообразные способы и материалы: летописи, грамоты, старинные карты, статистические отчеты, данные из топонимики, лексики и другие. Очевидно, что специфика этих материалов требует специальной подготовки исследователя, владеющего методикой как ландшафтного исследования, так и способами изучения исторических документов.

Таким образом, историческая география ландшафтов имеет свои отличные от других наук задачи и свои способы исследования.

Теперь можно уточнить предмет нашей науки.

Историческая география ландшафтов изучает историю развития и изменения природных и антропогенных геокомплексов за историческое время, возникших в результате взаимодействия географической среды и населения.

Исследование проблем исторического ландшафтоведения позволяет углубить наше понимание исторического процесса изменения природы и тем самым ввести необходимое звено в цепь рассуждения Л. С. Берга о цели ландшафтного изучения.

Ретроспективный ландшафтный анализ позволяет уточнить наши представления о структуре и возрасте

геокомплексов, историческом процессе их изменения и освоения человеком, антропогенной дифференциации географической среды, реакции природы прошлого на хозяйственные преобразования и т.п. Таким образом, появляется возможность дать более объективную характеристику современного состояния географической среды. Все эти вопросы имеют не только теоретическое, но и большое прикладное значение.

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы перед географами поставлена задача осуществить «разработку научных основ охраны и преобразования природы в целях улучшения естественной среды, окружающей человека, и лучшего использования природных ресурсов».

В этой связи весьма актуальными являются задача конструктивной географии, сформулированные И. П. Герасимовым еще в 1966 г.³ Большие надежды возлагают географы на деятельность специального комитета Географического Общества СССР по проблеме «Взаимодействие человека и географической среды».

Изучение различных аспектов проблемы взаимоотношения общества и географической среды является одной из основных задач ассоциации географических наук на современном этапе. В. Б. Сочава считает, что стержневое направление географии должно изучать «комплексные проблемы взаимоотношения человеческого общества с территориальными особенностями природной среды»⁴.

Говоря о взаимодействии общества и географической среды, следует иметь в виду, что последняя сильно изменена, «очеловечена», населением за длительный период хозяйственного развития. Поэтому разработка вопросов конструктивной географии невозможна без учета исторических изменений геокомплексов земли.

Исследованию взаимной связи истории людей и истории природы классики марксизма придавали большое значение, причем, с одной стороны, природа рассматривалась как условие материальной жизни общества на определенном историческом этапе, а с другой — убедитель-

³ И. П. Герасимов. Конструктивная география; цели, методы, результаты. Изв. ВГО, вып. 5, 1966.

⁴ В. Б. Сочава. География и экология. Докл. инстит. геогр. Сибири и Д. В. вып. 29, Иркутск, 1971, стр. 43. [6]

но подчеркивалось большое преобразующее влияние человека на природу.

Природа и история, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, это не две обособленные друг от друга «вещи», человек «имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю»⁵. Нельзя приблизиться к пониманию истории, «исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и промышленность»⁶. Таким образом, в основе истории людей находится их отношение к природе. Современная природа земли испытала сильное воздействие человека. По этому поводу Ф. Энгельс писал следующее: «Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвлением земного шара»⁷. Все высказанные предварительные соображения о сущности исторической географии ландшафтов необходимо иметь в виду при оценке вклада различных ученых в развитие этой науки⁸.

Содержанием книги является переработанный и дополненный курс лекций, прочитанный автором на естественно-географическом факультете Новгородского государственного педагогического института.

В существующих учебных пособиях по физической и экономической географии вопросам влияния населения на географическую среду и историческим изменениям ландшафтов уделяется недостаточное внимание. Поэтому в учебный план целесообразно вводить спецкурсы по историко-географической проблематике.

Историческая география ландшафтов — плохо разработанная отрасль знания, поэтому автор наряду с общи-

---

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. 3, стр. 43.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Сочинения, т. 2, стр. 166.

⁷ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 14. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 357).

⁸ Мы ставим знак равенства между названиями науки — «историческая география ландшафтов» или «историческое ландшафтоведение». Первое более точно отражает смысл науки и указывает на ее принадлежность к исторической географии, второе — короче и удобнее в обращении. [7]

ми положениями науки привел примеры исследовательской работы по историко-ландшафтному изучению Новгородского края. Древней Новгородской земле принадлежат яркие страницы русской истории, хорошо отраженные в многочисленных документальных источниках. В курсе лекций были использованы составленные нами по архивным данным и другим источникам историко-ландшафтные, ландшафтно-топонимические и другие карты, а также кадастр геокомплексов Новгородской области. [8]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Проблемы и методы

I

РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫХ ИДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУКАХ

1. ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫЕ ИДЕИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ

У исторического ландшафтоведения нет длительной истории. В настоящее время мы присутствуем при становлении этой науки. Поэтому лучше говорить не об истории исторического ландшафтоведения, а о тех предпосылках, которые обусловили ее возникновение.

Историки раньше географов подошли к мысли о необходимости изучать историю природы сопряженно с историей общества. Это не является случайным. Историки XVII—XVIII вв. были одновременно и географами, поэтому в исторических сочинениях нередко содержались сведения о лесистости, оврагообразовании, развевании песков и других природных явлениях. Конечно, не всегда эти факты правильно истолковывались, но сама постановка вопроса, безусловно, заслуживает того, чтобы о ней говорить, как об определенной предпосылке к возникновению исторического ландшафтоведения.

Историки всегда перед географами имели то преимущество, что они владели обширным фактическим материалом, который наряду с другими освещал вопросы исторического изменения природы. Кроме того, весьма заманчивой была идея связать исторические события с особенностями географической среды. Правда, это нередко приводило к детерминистским построениям, далеким от истинной науки. Но на этом мы остановимся позднее. Сейчас важно подчеркнуть, что интерес историков к ландшафтам [9]

и природе вообще был не случайным — он поддерживался открытием новых исторических фактов, требующих своего объяснения.

Среди исторических исследований наибольший интерес представляют работы по исторической географии, которая издавна формировалась как наука, всесторонне изучающая географию (в том числе и физическую) прошлых эпох.

Основоположником исторической географии в России являлся историк и географ В. Н. Татищев (1686—1750). В своей работе «Предложения о сочинении истории и географии российской» он, в частности, писал: «Гистории ж всякия хотя действия и времена от слов имеют нам ясны представить, но где, в каком положении или расстоянии, что учинилось, какия природные препятствия к способности тем действиям были, також, где который народ прежде жил и ныне живет, как древние города ныне имеются и куда перенесены, оное география и сочиненные ландкарты нам изьясняют; и тако история, или деесказания и летописи, без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут»¹.

Таким образом, наряду с другими стояла задача изучения природных факторов («препятствий») развития экономической жизни.

В своем знаменитом «Лексиконе» В. Н. Татищев уточняет задачи исторической географии: «География Историческая или Политическая, описует пределы и положения, имя, границы, народы, переселения, строения или селения, правление, силу, довольство и недостатки, и оная разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую»².

В этом определении отсутствуют указания на значение природы в историческом процессе, но зато подчеркивается мысль о связи исторической географии с географией современной.

На связь между этими двумя науками указывал М. В. Ломоносов, который писал, что наряду с историей нужна «древняя география с нынешнею снесенная». Последняя

¹ Попов Н. А. Татищев и его время. Приложения. М., 1861, стр. 664.

² В. Н. Татищев. Лексикон российской, исторической, географической, политической, гражданской. Часть II, СПб, 1793 стр. 39.

помогает понять, «что видимые телесные на Земли вещи и весь мир» претерпели «великие... перемены»⁸.

Первое обстоятельное изложение задач исторической, географии принадлежит Л. Майкову. По мнению этого ученого, «историческая география неизбежно должна выйти за пределы простого описания и, пользуясь разнообразными материалами общего землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его — народов. Она должна обнаружить, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней, и насколько эти условия способствовали развитию там социальности, или же послужили препятствием для успехов народной цивилизации. Вместе с тем, историческая география должна изобразить и воздействие человека на природу, его борьбу с нею, формы этой борьбы, то есть разные виды культуры, которой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела, и, наконец, результаты ее для населения»⁴.

Определение задач исторической географии, по Л. Майкову, является типичным и для других историко-географов и историков. В его работе приводятся данные об изменении лесистости в пределах Русской равнины. Безусловный интерес представляет мнение Л. Майкова о том, что «ссылками на исторические свидетельства нельзя доказать, что в древности лесная растительность в южно-русских степях была особенно обильна»⁵.

Необходимо подчеркнуть стремление Л. Майкова рассматривать историческую географию как науку о взаимоотношении человеческого общества и географической среды. Особенно привлекает включение в историческую географию естественно-научных проблем.

М. К. Любавский считает определение задач исторической географии Майкова «прекрасным» и вместе с тем «идеальным». В своем учебном курсе исторической географии России он видит задачи науки в изучении размещения населения в разные исторические периоды, его состава, промышленности жителей и т.п. Проблемы исто-

³ М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950, стр. 396.

⁴ Л. Майков. Заметки по географии древней Руси. 1874, стр. 17, 18.

⁵ Там же, стр. 28.

рической географии рассматриваются им в связи с историей колонизации. Задачей этой науки является также «выяснение влияния внешней природы на человека»⁵.

В курсе подробно излагается вопрос о соотношении леса и степи. С. М. Середонин так же, как и Л. Майков, считает, что задачей исторической географии является изучение проблем взаимоотношения человека и природы в прошлые исторические периоды. Однако в своем курсе исторической географии России он опирается на более узкое определение задач этой науки, которая изучает «прежде всего распределение славянских племен по восточно-европейской равнине, затем образование русского народа, дальнейшее колонизационное движение его, распадение на отдельные ветви. Она определяет границы Русского государства в разные эпохи его существования (Русь IX в., X в., XI в. и сл.), также границы составных частей государства (земель, волостей, княжений, губерний, уездов); указывает местоположение пунктов, замечательных в историческом отношении и упоминаемых в источниках, а равно и направление путей (колонизационных, торгово-промышленных и военных). Наконец, она изучает народности, с которыми приходилось сталкиваться русскому племени в его уже долгой исторической жизни (финны, тюрки, литва и др.), причем, конечно, историческая география подробнее должна останавливаться на народностях, не имевших своей истории (печенеги, половцы, весь, мордва, югра, а не шведы, германцы, греки, поляки); изучает, далее, историческая география климатические и географические условия, в которых жил русский народ»⁷. Определение предмета исторической географии, данное С. М. Середониным, весьма полно характеризует проблемы исторической географии в понимании представителей исторического направления не только дореволюционного, но и современного времени.

В приведенных определениях подкупает постановка общей весьма значительной задачи исторической географии — изучение взаимоотношения между человеком и природой в разные исторические периоды. В исследовании этой проблемы подчеркивается естественно-научный аспект. По вместе с тем весьма заметны детерминистские

⁶ М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, стр. 5—6.

⁷ С. М. Середонин. Историческая география. СПб, 1916, стр. 1—2.

тенденции в подходе к этой проблеме. Особенно ярко последние проявились в так называемой «теории бродяжничества русского населения», основоположником которой являлся С. М. Соловьев (1900 г.). В своих работах — «Начало Русской земли» (1900) и «История России с древнейших времен»⁸ — он усиленно проводит мысль о том, что необъятные просторы русского государства выработали у русских людей стремление к перемещению, «бродяжничеству».

Необоснованность этой теории достаточно убедительно показана в работах советских историков.

Отметим, что вопрос о перемещении населения имеет непосредственное отношение к некоторым проблемам исторического ландшафтоведения, в частности, к вопросу о возрасте освоенных ландшафтов.

В начале главы нами была высказана мысль о том, что историки XVIII в. много места в своих работах уделяли географии. Интерес к изучению некоторых географических вопросов не пропал и в XIX в. В этом отношении представляет интерес структура Курса русской истории В. О. Ключевского. Первые лекции курса были посвящены характеристике природных условий России (рельеф, геологическое происхождение, почвы, ботанические пояса и другие). В специальных разделах курса излагаются вопросы влияния природы на историю народа, а также воздействие человеческого общества на некоторые природные процессы — оврагообразование, развевание песков⁹.

Таким образом, в дореволюционной русской исторической географии достаточно отчетливо проявляется стремление включать в эту науку проблемы исторического изменения природы. Правда, внимание историков привлекал ограниченный круг вопросов (изменение лесистости, оврагообразование, обмеление рек и некоторые другие) .

После Великой Октябрьской социалистической революции историческая наука в целом и ее отдельные дисциплины, в частности, историческая география (в понимании историков), прочно встали на позиции исторического материализма. В разработке теоретических вопросов советской исторической географии особенно большое значение имели работы В. К. Яцунского (1955, 1957 и др.).

⁸ «История России с древнейших времен» издавалась с 1851 по 1879 гг.

⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. I, М., 1956, стр. 71—73.

Ему принадлежит следующее определение задач этой науки: «Марксистская историческая география на основе периодизации, принятой в исторической науке, должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие названной периодизации отрезки времени»¹⁰.

Вслед за другими учеными В. К. Яцунский дает широкое и узкое определение задач науки. В широком смысле историческая география — это наука о взаимоотношении человека и природы. В план историко-географической характеристики включаются следующие вопросы: 1. Физико-географический ландшафт данной эпохи; 2. Население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории; 3. География производства и хозяйственных связей; 4. География внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий»¹¹.

Таким образом, В. К. Яцунский определяет задачи исторической географии в духе лучших традиций дореволюционной науки, не повторяя ошибок, присущих последней.

Однако В. К. Яцунский, исходя из неточного тезиса о медленном изменении природы в историческое время, суживает задачи исторической географии. Задача ее «сводится главным образом к изменению в историческом прошлом в географии населения, географии хозяйства и географии политической»¹².

В отличие от своих предшественников В. К. Яцунский в своих конкретных исследованиях не рассматривает вопросы влияния человека на природу и в небольшой степени исследует проблему влияния географической среды на историческое развитие общества.

Научное значение исторической географии определяется В. К. Яцунским следующим образом:

«Историческая география дает конкретную пространственную локализацию исторического процесса и тем самым способствует теоретизации и углублению наших представлений о многих сторонах исторического процесса, а также позволяет уловить и объяснить ряд местных особенностей в его развитии»¹³.

¹⁰ В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 10.

¹¹ В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 10.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 39.

Сам по себе этот тезис, не вызывающий по существу никаких возражений, оказал плохую услугу исторической географии. К ней стали относить все работы, в которых в той или иной степени осуществляется пространственная локализация исторических или историко-экономических событий. Например, в обстоятельной сводке И. П. Шаскольского к исторической географии относятся работы по топографии городов и технике обработки почвы в Восточной Европе, работы о битве новгородцев у «Игнача креста» и движении и географии хлебных цен в Русском государстве в XVI в., исследования о лесистости и торговле и т.п.¹⁴. Естественно, что автору не удалось упомянуть многих ученых, работы которых в неменьшей степени, чем названные, относятся к компетенции исторической географии в традиционном понимании задач этой науки. Да ведь это и невозможно сделать. Каждый археолог или историк сельского хозяйства локализует добытые научные сведения на географической карте точно так же, как это делают топонимисты, статистики и представители многих других научных направлений, связанных с изучением исторического материала.

Дополняя и уточняя классификацию историко-географических наук В. К. Яцунского, И. П. Шаскольский подразделяет историческую географию на следующие дисциплины: историческую физическую географию, историческую географию населения, историческую этническую географию, историческую географию городов и сельских поселений, историческую топографию городов, историческую экономическую географию, историческую политическую географию¹⁵.

Задачей исторической физической географии является «исследование физико-географического ландшафта прошедших эпох и его изменение за исторический период времени, а также влияние природных условий на историческую и политическую географию на каждом этапе развития данной страны, области и т.п.»¹⁶.

В целом подобное определение задач исторической физической географии возражений не вызывает. Другое дело, что автор и сам сомневается, следует ли относить эту науку к исторической географии, которая в своей ос-

---

¹⁴ И. П. Шаскольский. Историческая география. В кн. «Вспомогательные исторические дисциплины». Л., 1968.

¹⁵ Там же, стр. 97—98.

¹⁶ Там же, стр. 97.

нове является исторической дисциплиной? Историческая физическая география по материалам и по своим задачам принадлежит к естественным наукам. Подобный взгляд, на историческую физическую географию не является новым, еще раньше его высказывали В. С. Жекулин (1965) и Л. А. Гольденберг (1967). Последний очень определенно говорит о неподготовленности историков к исследованию историко-ландшафтных проблем. Автор делает вывод: «Физическая география оказалась наиболее уязвимым звеном в цепи доказательств, что историческая география — это историческая отрасль знания, изучающая всю географию прошлых эпох. Изучение в целом конкретной географии прошлых эпох не может явиться предметом исторической географии, как науки гуманитарного цикла»¹⁷. Правда, Л. А. Гольденберг допускает возможность использования для целей исторической географии результатов физико-географических исследований, проводимых представителями естественных наук.

Таким образом, всем ходом своего рассуждения Л. А. Гольденберг исключает из определения науки проблемы исторической физической географии и предлагает следующую дефиницию: «Историческая география — историческая дисциплина, изучающая историко-экономическую (население и хозяйство) и историко-политическую географию прошлого человечества во взаимосвязи с физико-географической обстановкой»¹⁸.

Взгляды Л. А. Гольденберга представляются более последовательными, чем взгляды И. П. Шаскольского. В рассуждениях последнего о предмете и задачах исторической географии имеется два противоречия: во-первых, с одной стороны, признается, что историческая география является пограничной наукой между историей и географией, а с другой — утверждается, правда с оговоркой, что она относится к области исторических знаний и поэтому вопросы изучения природы прошлого следует исключить из ее компетенции. Во-вторых, с одной стороны, дается широкая постановка задач исторической физической географии (см. цитату выше), а с другой — задачи ее суживаются до изучения природных изменений естественными методами исследования. Создается впечатле-

¹⁷ Л. А. Гольденберг. С. А. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в. Докт. дисс. М., 1967, стр. 19—20.

¹⁸ Там же, стр. 21.

ние, что И. П. Шаскольский пытался совместить с теоретическими построениями В. К. Яцунского все конкретные исследования, которые, по его мнению, относятся к исторической географии. Сила научного авторитета В. К. Яцунского оказала большое влияние на определение задач и методов исторической географии, содержащихся в различных справочных и энциклопедических изданиях.

Например, в «Краткой географической энциклопедии» (т. II, стр. 158) историческая география рассматривается как «историческая дисциплина, изучающая конкретную географию прошлого той или иной страны или территории».

Более пространное определение задач исторической географии содержится в Энциклопедическом словаре географических терминов. Историческая география, по этому источнику, исследует географию и географические проблемы прошлых исторических эпох, т.е. она является отраслью исторических знаний. Историческая география включает историческую физическую географию, историю географии населения, историю географии хозяйства, историческую политическую географию¹⁹.

К сожалению, более подробно задачи исторической физической географии не раскрываются, поэтому вполне очевидным делается недостаток в определениях: неясно, на каком основании историческая физическая география — естественная наука — относится к истории — гуманитарной науке. Этот недостаток, типичный для многих определений исторической географии и берущий свое начало от В. К. Яцунского, основывается на неправильном тезисе о том, что классификация историко-географических наук должна повторять классификацию географических наук. Ну, а поскольку историческая физическая география представлена в классификации единственной наукой естественного цикла, она искусственно «пристегивается» к гуманитарной исторической географии. Повторяю, что такой вывод напрашивается, если мы будем искать аналогию между соответствующими разделами исторической географии и географии современности. Однако подобная аналогия является невозможной уже хотя бы потому, что

---

¹⁹ Энциклопедический словарь географических терминов. М., 1968, стр. 151.

исторический материал в силу своей специфичности не дает таких возможностей для географического анализа, какие имеются при изучении современных географических объектов и явлений. Современные географические дисциплины имеют больше идейного единства, чем внешне аналогичные разделы историко-географического описания. С другой стороны, исторические источники содержат большую информацию комплексного характера, позволяющую успешно заниматься синтезом географических явлений исторического прошлого.

Выше высказанное имеет прямое отношение к исторической физической географии. Если задачи этой науки видеть только в изучении исторических изменений природы, обусловленных естественными процессами развития, то ее, безусловно, следует относить к группе естественных наук. Однако многие историко-географы видят задачи исторической физической географии не только в изучении природных изменений, но и в исследовании вопросов влияния природы на общество и общества на природу. При таком подходе к этой науке исторические документы станут наряду с фактами природной географии основным материалом исследования. Таким образом, становится очевидным, что историческая физическая география занимает пограничное положение между естественными и общественными науками. Другие дисциплины историко-географического цикла относятся к общественным наукам и используют преимущественно гуманитарные методы исследования. В целом историческая география со всеми ее подразделениями относится к пограничной науке между географией и историей. Любопытно, что именно к такому выводу приходят и все историки, пишущие о предмете исторической географии, но вслед за признанием пограничного положения науки обычно следует вывод о ее принадлежности к истории. Такая непоследовательность, вероятно, объясняется отсутствием достаточно четкого понятия — «пограничная наука».

Таким образом, можно констатировать, что большинство историко-географов ратуют за разработку историко-физико-географических проблем, включая в число их и проблему взаимоотношения общества и природы. Однако широкая постановка проблем науки не подкрепляется конкретными исследованиями в этой области, и до настоящего времени результаты научной работы являются весьма скромными. [18]

Можно согласиться с Л. А. Гольденбергом, не разделявшим оптимизма В. К. Яцунского по поводу современного состояния исторической географии в целом.

Наряду с историко-географами изучением отдельных вопросов, смежных с проблемами исторической физической географии, занимаются историки. Например, видный советский историк В. Т. Пашута, анализируя факторы, влияющие на голод в Древней Руси, писал: «До недавних лет изучение исторической роли естественно-географической среды находилось в забвении»²⁰. Наряду с другими причинами голода автором отмечаются естественно-географические причины. Но особенно в близкое соприкосновение с вопросами физической географии приходят историки сельского хозяйства. Различные модификации систем земледелия, вопросы типологии и продуктивности земель и другие нельзя рассматривать без учета ландшафтных условий исторического прошлого. К сожалению, последние лишь в малой степени привлекаются для обоснования различного уровня развития сельского хозяйства в разных районах. Следует подчеркнуть, что изучение истории землепользования позволяет понять важнейшие аспекты проблемы взаимоотношения общества и природы.

Вообще историки часто явно недооценивают влияние ландшафтных условий на исторический процесс, главным образом, на экономику прошлых эпох. Например, при изучении экономики Новгородской земли XV—XVI вв. статистические выкладки нередко делаются по пятинам и погостам без учета физико-географических различий. Хорошо известно, что все пятины, за исключением Бежецкой, начинались от Новгорода, т.е. погосты различных пятин находились в пределах одних и тех же природных округов и ландшафтов. Это обстоятельство в значительной степени обесценивает обстоятельную работу А. М. Гневушева²¹.

Особенно важно учитывать различия в природных условиях при нередко практикуемом в исторических исследованиях выборочном изучении отдельных административных единиц (погостов, волостей, уездов и т.п.), так

²⁰ В. Т. Пашута. Голодные годы в Древней Руси. Ежегодник по аграрн. истории Вост. Европы, 1962, Минск, 1964, стр. 62.

²¹ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915.

как последние очень часто не соответствуют природным выделам. Для получения более объективных показателей при таком изучении возможны две параллели сравнений — сравнение погостов, имеющих относительно однородные природные условия при различии их экономического уровня или сравнение погостов в целом одинакового хозяйственного развития, но различающихся друг от друга в ландшафтном отношении.

В. Н. Вернадский в своем интереснейшем исследовании о Новгородской земле пытался учитывать природные условия при выборе погостов для изучения. Однако он, к сожалению, не сделал никаких выводов о влиянии природных условий на степень экономического развития различных районов Новгородской земли²².

Археологи по сравнению с историками в большой степени используют в своих работах материалы о природе прошлых эпох. Однако особенности географической среды рассматриваются только в связи с жизнью первых обитателей нашей планеты (палеолит, мезолит, неолит). Что же касается более поздних периодов человеческой истории, то они обычно изучаются без связи с природными условиями и это несмотря на то, что археология в целом «помолодела». Правда, следует упомянуть попытку связать распространение новгородских сопок VII—IX вв. с особенностями современного почвенного покрова²³. На почвенную карту северо-западной Европы нанесены могильники, состоящие из сопки, курганов и жальников, могильники, насчитывающие четыре и более сопки, одиночные сопки и группы из двух-трех сопки. Наилучшими почвами для земледелия считаются дерново-слабо- и среднеподзолистые и типичные слабо- и среднеподзолистые. В качестве малопригодных или непригодных для земледелия почв рассматриваются типичные сильноподзолистые, подзолы и дерново-сильноподзолистые. Кроме того, на карте обозначены без оценки их земледельческого значения дерново-карбонатные, перегнойно-карбонатные, аллювиально-луговые и другие почвы пойменных и надпойменных террас.

В. В. Седов делает вывод, что «почвенная карта северо-западной части Восточной Европы поясняет, что районами концентрации как населения XIX — начала XX в.,

²² В. И. Вернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961.

²³ В. В. Седов. Новгородские сопки. М., 1970.

так и населения времени сооружения сопок были участки, наиболее пригодные для занятий земледелием²⁴. Сам по себе этот вывод является безусловно правильным, но он отнюдь не вытекает из анализа почвенной карты. Главный недостаток такого сопоставления заключается в том, что современная оценка почв не совпадает с той оценкой, которую давали земле древние земледельцы. Об этом, в частности, можно судить по материалам Новгородских писцовых книг и древних грамот. Древние земледельцы оценивали почвы, главным образом, исходя из их механического состава, с которым была связана степень трудности обработки земли. При этом преимущество всегда отдавалось почвам илистым и легкого механического состава. Что же касается типа и фазы почвообразовательного процесса, то они особой роли не играли. Кстати, потенциально наиболее плодородными почвами на Северо-Западе являются дерново-карбонатные. Дерново-слабо и среднеподзолистые почвы имеют антропогенное происхождение. Они образовались позднее в результате длительного процесса окультуривания, в котором приняли участие и древние земледельцы. Наконец, последнее замечание: нельзя сравнивать весьма схематичную почвенную карту, на которой в результате генерализации не показаны многие разновидности почв, с картой местонахождения сопок, привязанных к конкретным природным урочищам и к почвенным разностям, не показанным на карте. Разный масштаб генерализации не позволяет получить объективную картину сопоставления археологических и почвенных данных.

Возражая против методики сопоставления археологической и почвенной карт, примененной в работе В. В. Седова, необходимо указать на плодотворность историко-ландшафтного метода в археологических исследованиях.

Важным элементом последнего является составление ландшафтно-археологических карт, на которых местоположение могильников сопоставляется с данными о природных ландшафтах, урочищах и других морфологических единицах. Если бы В. В. Седов сопоставил карту распространения новгородских сопок с ландшафтной картой, то он получил бы более аргументированные выводы о связи древних славянских поселений с особенностями географической среды.

---

²⁴ Там же, стр. 9

Вместе с тем следует отметить, что сама постановка археологами проблемы связи древностей с природными условиями, безусловно, окажет плодотворное влияние на развитие исторического ландшафтоведения.

2. ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫЕ ИДЕИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ

Руководящей идеей исторического ландшафтоведения является идея развития и изменения географического комплекса. В своем обзоре мы остановимся на следующих аспектах развития этой идеи в трудах географов и представителей смежных наук: естественные и антропогенные изменения в ландшафтных компонентах и комплексах, культурные и измененные ландшафты как результат взаимодействия общества и природы.

Естественно-исторические изменения ландшафтных компонентов

Идея развития всегда находилась в центре научных концепций многих представителей естественных наук. Обстоятельный обзор взглядов по проблеме развития природного ландшафта выполнил А. Г. Исаченко²⁵. В сводке изложены взгляды дореволюционных и советских географов и представителей смежных наук вплоть до 1955 г. При этом А. Г. Исаченко основное внимание уделил принципиальной стороне вопроса о развитии компонентов и связи с эволюцией географического комплекса в целом. Не видя необходимости в повторении ставших уже известными положений о развитии ландшафта, мы в иллюстративных целях свели взгляды ученых о развитии комплекса в следующую таблицу (см. таблицу).

Ф. Н. Мильков выделяет четыре «основных источника развития ландшафтных комплексов: климатогенный, тектогенный, биогенный, антропогенный»²⁶. В настоящее время все авторы признают саморазвитие географического комплекса, протекающее в рамках, ограниченных внешними условиями. Очень хорошо о сущности эволюции геокомплекса в связи с развитием компонентов сказал

²⁵ А. Г. Исаченко. Основные вопросы физической географии. Л., 1953. Работа снабжена обширной библиографией.

²⁶ Ф. Н. Мильков. Основные проблемы физической географии. М., 1967., стр. 140.

Движущие силы развития ландшафта

Ведущие компоненты развития			
Рельеф	Климат	Растительность	Почвы
А. И. Краснов, 1893, 1894 г.	Л. С. Берг, 1911, 1913, 1947 г.	И. К. Пачосский, 1891, 1915, 1917 г.	Г. Н. Высоцкий, 1906 г.
И. М. Крашенинников, 1923, 1927, 1939 г.	А. А. Григорьев (климат + рельеф), 1916 г.	В. Р. Вильямс, 1914 г., В. Н. Сукачев, 1942, 1944	А. А. Роде, 1947 г.
А. Н. Пономарев, 1937 г.	Б. Б. Польнов (климат + рельеф), 1925 г.	Б. Н. Городков, 1946 г.	

А. Г. Исаченко: «Но в то же время развитие любого из компонентов ландшафта неотделимо от движения комплекса в целом. Особенностью этих компонентов является то, что они развиваются как звенья географического комплекса, а последний развивается как единая материальная система; в этом и состоит сущность «географического процесса», т.е. сущность развития географического комплекса»²⁷.

Историческое время — это относительно короткий период развития земли (в некоторых районах около 10 тыс. лет), в течение которого роль разных факторов эволюции в различных регионах проявилась неодинаково. В подвижных областях земли большое, часто определяющее влияние на развитие геокомплекса оказывают неотектонические движения. Так, в районе эпицентра землетрясения поднятие земной коры за короткий промежуток времени (несколько месяцев) достигает +60 мм. Но и, казалось бы, незначительные дифференцированные тектонические движения на равнинах (до 7—10 мм) оказывают влияние на формирование речных долин, скорость образования болот, оврагообразование и т. п.

Вопрос о роли тектоники в процессе формирования ландшафтов освещается в специальной главе книги Ф. Н. Милькова. Правда, он рассматривает влияние тектонического фактора эволюции в промежуток времени, значительно превышающий исторический период.

²⁷ А. Г. Исаченко. Основные вопросы физической географии. Л., 1953, стр. 177.

Большие успехи в настоящее время достигнуты в изучении климатических ритмов. Особенно большое значение имеют работы А. В. Шнитникова, доказавшего существование многовековых циклов (1500—2000 лет) и подробно изучившего внутривековые колебания озер в связи с изменениями климата²⁸. М. С. Эйгенсоном установлены ритмы солнечной радиации продолжительностью в 3,5—6, 30—50, 160—180 лет и другие²⁹.

Ф. Ф. Давитая отмечал, что климат существенно меняется по десятилетиям, что оказывает влияние как на другие компоненты природы, так и на хозяйственную деятельность человека³⁰.

Кроме того, об изменениях климата за историческое время писал И. Е. Бучинский³¹, А. А. Борисов³² и другие. О ритмике природы земли в целом в связи с климатическими изменениями писал Г. К. Тушинский³³. Таким образом, к настоящему времени накопилось большое число работ, посвященных изучению исторических изменений климата

За историческое время происходили и существенные изменения в гидросфере. Очень впечатляющими являются количественные величины, характеризующие скорость водообмена в гидросфере. Так, водная масса Мирового океана полностью обновляется за 2600 лет, водная масса рек — за 3,3 года, водная масса подземных вод в зоне активного водообмена — за 330 лет, общая масса льда — за 10000 лет³⁴.

Т. Д. Резниченко и С. Д. Резниченко пришли к выводу, что за 4,5 тыс. лет происходила неоднократная и периодическая перестройка речной сети земли «то с ориентацией в сторону полюсов, то с противоположной ориентацией — в сторону экватора»³⁵.

Общеизвестными являются факты о колебании за историческую эпоху уровня Каспийского моря, многих озер,

²⁸ А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. Записки ГО СССР, т. 16, Новая серия, М.—Л., 1957.

²⁹ М. С. Эйгенсон. Физико-географический прогноз. В кн. Советская география в период строительства коммунизма. М., 1963.

³⁰ Ф. Ф. Давитая. Климатические нормы и взаимосвязь различных природных факторов. Метеорология и гидрология, № 3, 1966.

³¹ И. Е. Бучинский. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.

³² Л. Л. Борисов. О колебаниях климата Крыма за историческое время. Изв. ВГО, № 6, 1956.

³³ Г. К. Тушинский. Космос и ритмы природы Земли. М., 1966.

³⁴ М. И. Львович. Водные редурсы земного шара и их будущее. Изв. АН СССР, № 6, 1967, стр. 33.

³⁵ Т. Д. Резниченко. О некоторых закономерностях в разв. земли, в кн. Земля во Вселенной. М., 1964, стр. 226.

изменения направления течения среднеазиатских рек и многие другие.

Спонтанные процессы почвообразования изучаются со стороны следующих аспектов: скорости протекания частных процессов (выветривание различных горных пород, выщелачивание карбонатов и другие) и формирования нормальной развитой почвы. Установлено, что поверхность кислой изверженной породы делается измененной через 400 лет, на карбонатных породах через 250—500 лет образуется слой мелкозема в 2,5 см³⁶. В. В. Добровольский приводит данные Н. И. Горбунова (1960) о скорости почвообразования на лавах вулканов, извержения которых происходили в историческое время. Оказалось, что на лаве трехсотлетнего возраста образовался слой из продуктов выветривания мощностью в 0,5—1,0 см, а на лаве, возраст которой был 1000 лет, сформировалась нормальная почва, мощностью 30—40 см.

А. А. Роде, ссылаясь на материалы Гансена, приводит следующие данные о скорости почвообразования на дюнах острова Воллин: на дюнах трехсотлетнего возраста мощность горизонта А₂ составляла 9 см, на дюнах возраста 300—1700 лет — 20 см, на дюнах возраста 5000—7000 лет — 30 см. Наконец, Тамм, по мнению А. А. Роде, с достаточной точностью установил, что на террасах Балтийского моря за 1000—1500 лет «развивается подзолистая почва, которая не отличается сколько-нибудь существенно от почв значительно более древних»³⁷.

В литературе известны факты и более быстрого образования почв. Например, В. В. Докучаев в 1883 г. на стенах Старо-Ладужской крепости описал хорошо сформированную почву 700-летнего возраста³⁸.

Л. И. Иозефович определил возраст приазовского чернозема, образовавшегося в локальных условиях ракушечной косы, в 200—300 лет³⁹.

³⁶ В. В. Добровольский. География почв. М., 1968, стр. 176.

³⁷ А. А. Роде. Почвообразовательный процесс и эволюция почв. М., 1947, стр. 128.

³⁸ В. В. Докучаев. Лекции о почвоведении. Избранные сочинения, т. III, М., 1949.

³⁹ И. Н. Гусева, Ю. Г. Саушкин. Отражение динамики явлений в комплексных географических атласах. В сб. Проблемы тематического картографирования, Иркутск, 1970, стр. 26. [25]

За историческое время наблюдалось три типа смены растительного покрова:

а) Смены, связанные с изменением внешних условий, главным образом, климата.

Применение спорово-пыльцового метода позволило исследовать различные типы этих смен. Для исторической географии ландшафтов наибольший интерес представляют изменения в растительном покрове, которые произошли в голоцене. Для страны в целом эти данные обобщены в обстоятельной работе М. И. Нейштадта⁴⁰, кроме того, появились многочисленные исследования по отдельным районам. Наибольшее значение, конечно, имеют работы, посвященные позднему голоцену.

б) Смены, обусловленные антропогенными влияниями. Они, главным образом, изучались лесоведами и геоботаниками в связи со сменами коренной растительности вторичной, облесением вырубок, заболачиванием суходолов, образованием лугов, облесением песков, степным лесоразведением и т.п. Всем этим вопросам посвящена большая литература, указанная в руководствах по геоботанике, лесоводству, болотоведению, биоценологии.

в) Смены, связанные с естественным развитием растительного покрова. Такие смены изучены очень плохо, так как трудно, исследуя спонтанное развитие, исключить влияние человека. Теоретически естественные смены можно изучать при следующих условиях: при «угасании» одного сообщества и возникновении на его месте другого (метод реликтов), при зарастании естественно образуемых новых местообитаний, при зарастании озер и заболачивании суходолов. Скорость большинства естественных смен очень незначительна. Так, например, П. Д. Ярошенко отмечает, что реликтовые рододендроники Центрального Закавказья угасают с третичного времени до наших дней в связи с усилением континентальности климата⁴¹.

Третичные реликты до наших дней сохранились на возвышенностях лесостепной зоны Европейской территории СССР. На Северо-Западе до сих пор не завершено угасание лесостепных видов, не закончилось вытеснение дуба елью.

За историческое время известны случаи зарастания озер и заболачивания суходолов. Но быстроту этих про-

⁴⁰ М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

⁴¹ П. Д. Ярошенко. Геоботаника. М.—Л., 1961, стр. 219.

цессов не следует преувеличивать: процесс формирования узлового сообщества (а не кратковременной группировки) является длительным и не вполне изученным со стороны степени интенсивности процесса.

Более быстрые смены растительных группировок наблюдаются на новых местообитаниях, но последние естественным путем на равнинах образуются весьма редко и большую площадь не занимают.

Очевидно, что еще сложнее обстоит дело с изучением истории биоценозов. Она тесно связана с системой растительных сообществ, находящихся в определенных взаимоотношениях как с животными организмами, так и со средой. Описывая влияние временного фактора в сукцессиях на систему экологической регуляции, Е. Одум приводит следующие факты: в условиях первичной сукцессии (сукцессии, которая начинается на лишенном жизни месте) на песчаных дюнах или молодых потоках лавы сообществу требуется 1000 лет для того, чтобы мог возникнуть климакс⁴². Вторичные сукцессии (сукцессии, которые начинаются на месте старых сообществ, т.е. в условиях благоприятного питательного режима) протекают гораздо быстрее: на вырубках или заброшенных пашнях требуется 200 лет, чтобы в условиях влажного умеренного климата могло бы восстановиться лесное сообщество. Но строго говоря, вторичные сукцессии не характеризуют спонтанное развитие биоценоза, так как условиями предполагается предварительное влияние человека. Это следует иметь в виду при сравнении значения временного фактора.

Наиболее интересные наблюдения над историей биоценозов в СССР проводятся преимущественно в аридных областях. Так, например, комплексные исследования ботаников, зоологов и почвоведов АН СССР позволили изучить стадии в развитии биоценозов среднеазиатских такыров⁴³. Д. Н. Кашкаров выделил ритмы в колебаниях численности животных биоценозов. Периодичность колебаний составляет 9—11 лет⁴⁴.

Вообще следует заметить, что данных о скорости спонтанного развития фитоценозов, зооценозов, биоценозов в науке накопилось немного. Таким образом, даже краткий

⁴² Е. Э. Одум. Экология. Перевод с англ. М., 1968, стр. 105.

⁴³ Л. Е. Родин, Голлербах М. М. Биогеноценозы такыров и их генезис. Вопросы ботаники, т. 2, М.—Л., 1954.

⁴⁴ Д. Н. Кашкаров. Основы экологии животных. Л., 1964.

обзор работ убеждает нас в возможности и необходимости изучения спонтанного развития отдельных ландшафтных компонентов в исторический период. Наибольшие результаты следует ожидать от исследования компонентов, развитие которых протекает независимо от деятельности человека. К их числу относятся тектонические процессы, климатические изменения и связанные с ними изменения в гидросфере. Развитие этих компонентов в течение исторического времени дает как бы общий фон тех природных изменений, на котором развиваются антропогенные процессы и явления.

Слабая изученность естественных процессов развития природных комплексов объясняется не непониманием физико-географами важности этой проблемы, а трудностью ее, обусловленной, главным образом, вмешательством человека в спонтанное развитие комплексов. Можно вообще выразить сомнение в целесообразности постановки этой проблемы в хорошо освоенных районах земли. Конечно, это ни в коем случае не относится к изучению отдельных, частных по отношению к геокомплексу, процессов естественного развития природы.

Важность изучения естественного развития природы в течение исторического времени признается всеми географами. Она тесно связана с вопросами динамики ландшафтов. Но обзорных работ по этим вопросам немного. К их числу следует отнести интересную работу И. Н. Гусевой и Ю. Г. Саушкина, на которую мы уже ссылались выше.

Вопросы исторического изменения природы не находят достаточного отражения как в общих теоретических работах, так и в учебных пособиях по физической географии для вузов. Так, например, в «Основах динамической географии» В. И. Орлова (М., 1969) вопрос об историческом развитии как ландшафтных компонентов, так и комплексов в целом почти совершенно обойден вниманием.

Антропогенные изменения ландшафтных компонентов

Исторический период — время активного вмешательства населения Земли в природные процессы, протекающие на ее поверхности. В настоящее время в связи с угрожающим состоянием ряда природных ресурсов проблеме воздействия человеческого общества на природу посвящена обширная литература. Общие аспекты этой [28]

проблемы в увлекательной форме изложены в книгах Д. Л. Арманд, Ж. Дорста и других⁴⁵.

Рельеф вместе со слагающими его породами справедливо считается фундаментом ландшафта. Но «прочность» его относительна и не повсеместна.

За историческое время в отдельных районах произошли заметные изменения в рельефе, связанные с деятельностью человека. В. Г. Бондарчук в учебном курсе геоморфологии наряду с другими выделяет антропогенные формы рельефа, которые объединяются в следующие культурные геоморфологические ландшафты:

а. Сельскохозяйственный — «выравненные участки земной поверхности с однообразным микрорельефом вспаханных полей».

б. Ирригационный — комплекс форм, связанный с сооружением оросительных или осушительных систем (каналы, плотины, водохранилища и т.п.).

в. Горнопромышленный — карьеры, терриконы, насыпи железнодорожных путей и другие.

г. Оборонный — крепостные сооружения прошлого: земляные валы, курганы; формы, созданные последними войнами — противотанковые рвы, воронки от разрывов снарядов, подземные убежища и другие.

Выделение особого типа рельефа — антропогенного — заслуга В. Г. Бондарчука. Однако автору при описании сельскохозяйственного рельефа уместно было сделать акцент на эрозионных формах (оврагах, балках, бедленде и др.).

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что большая часть оврагов образовалась в историческое время. По свидетельству Д. Л. Арманд, колхозы Средне-Русской и Приволжской возвышенностей за первые десять лет своей работы потеряли в результате развития оврагов до 10% пашни и сенокосов⁴⁷. Очень интенсивно образование оврагов происходило после 1861 г., когда в результате отмены крепостного права крестьяне получили много неудобных земель на склонах. Ф. Н. Мильков приводит данные Ф. А. Щербины (1893) о развитии оврагов в пореформенный период: оказалось, что за четверть века площадь эродированных земель в запад-

⁴⁵ Д. Арманд. Нам и внукам. М., 1966. Дорст Ж. До того как умрет природа. Перевод с франц. М., 1968.

⁴⁶ В. Г. Бондарчук. Основы геоморфологии. М., 1949, стр. 290—293.

⁴⁷ Д. Арманд. Нам и внукам. М., 1966, стр. 37.

ных уездах Воронежской губернии возросла на 71,3%, а в Нижнедевицком уезде она почти удвоилась⁴⁸.

Д. Л. Арманд получил очень интересные данные о скорости прироста длины оврагов в одном из районов Приволжской возвышенности. Сравнение материалов по разным периодам дало следующие результаты: 1805—1865 гг. — 4,5 м/г, 1865—1937 — 3,8 м/г, 1937—1948 — 1,1 м/г.⁴⁹ Количество примеров, свидетельствующих о широком проявлении эрозии, можно было бы увеличить, вспомнив при этом о колоссальных разрушениях сельскохозяйственных земель в капиталистических странах, в частности, в США, где освоение новых западных районов сопровождалось катастрофическими явлениями эрозии почв.

Человек также оказал влияние на образование эоловых (при уничтожении растительности закрепленных песков), термокарстовых (при усилении таяния вечной мерзлоты), биогенных и других форм рельефа. Очевидно, что в разных районах земли в связи с особенностями как природных условий, так и характера деятельности населения образуются разные сочетания антропогенного рельефа.

Ландшафтное значение антропогенных форм нельзя не дооценивать. Большие по площади территории, занятые горнопромышленным рельефом или бедлендом, составляют литогенную основу целых географических ландшафтов. Обычно антропогенные формы соответствуют фациям, урочищам и комплексам урочищ.

С быстро протекающими геоморфологическими процессами связаны динамические явления в геоконплексах.

По сравнению с другими ландшафтообразующими факторами климат так же, как и тектоника, менее всего подвержен конструктивным антропогенным изменениям. Имеющиеся в литературе данные позволяют говорить о влиянии на климат крупных городов и оазисов. Как известно, более загрязненная атмосфера города по сравнению с окрестностями влияет на уменьшение часов солнечного сияния. Москва в холодные месяцы теряет 24% солнечного сияния, в Ленинграде в среднем число часов

⁴⁸ Лесостепь и степь Русской равнины, М., 1956, стр. 225.

⁴⁹ Д. Л. Арманд. Развитие эрозионных процессов на Приволжской возвышенности. В кн. Сельскохозяйственная эрозия и новые методы ее изучения. М., 1958. [30]

солнечного сияния на 120—160 часов в год меньше, чем в окрестностях. Суммарная радиация в Ленинграде на 50—60% меньше радиации в его окрестностях (Воейково).

Хотя город получает радиации меньше, чем окрестности, он в среднем имеет более высокие температуры воздуха, так как роль обогревателей играют многочисленные отопительные системы и энергетические установки. Разница между средними годовыми температурами воздуха в городе и за городом обычно колеблется около 1° (Париж — 0,8, Вена — 0,5, Берлин — 0,5°). В Ленинграде различие между температурой города и окрестностей около 1°, в Москве — 1,4°. По свидетельству Т. В. Покровской и А. Т. Бычковой, японские ученые установили зависимость между величиной города и среднегодовой температурой: в их стране миллион жителей поднимает температуру на 0,5°, 4 миллиона — на 1°, 9 миллионов — на 1,5°⁵⁰. Кроме того, в городе чаще, чем в окрестностях, образуются туманы и облака, имеется своеобразный ветровой режим.

Отсутствие климатических показателей, характеризующих климат физико-географического района (ландшафта), не позволяет сопоставить климат города с климатом единиц физико-географического районирования. Но общая картина изменений, вероятно, соразмерна с климатическими особенностями единиц среднего масштаба (ландшафтов, комплексов урочищ).

Необходимо отметить принципиальное различие между ландшафтной ролью антропогенного рельефа или антропогенного климата: первый создает измененную основу ландшафта, влияя тем самым на буферные свойства других компонентов, второй же (климат города) сам является следствием антропогенных изменений ландшафта, т.е. возникновения и роста города. Создание специфического городского климата — результат усиленной урбанизации, которая является характерной особенностью XX столетия. В отличие от крупных городов большие оазисы существуют в течение многих веков. По свидетельству Н. А. Гвоздецкого, климат оазисов отличается

---

⁵⁰ Ф. В. Котлов. Изменение природных условий территории Москвы. М., 1962, стр. 21—23. Т. В. Покровская, А. Т. Бычкова. Климат Ленинграда и его окрестностей. Л., 1967, стр. 123—125. [31]

от климата окружающих пустынь: летом в оазисах холоднее на 3°, а зимой теплее на 0,2—0,4°⁵¹.

XX век — время грандиозного гидростроительства, крупного преобразования речной сети. Искусственно созданные и постоянно регулируемые человеком водохранилища представляют собой целые географические ландшафты (Рыбинское, Московское, Цимлянское и др. водохранилища). Небольшие водохранилища, пруды, каналы и т.п. соответствуют более мелким комплексам — урочищам, группам урочищ.

Воздействие водохранилища на природу окружающих территорий является примером вторичного антропогенного влияния — искусственно созданный ландшафт преобразует окружающие природные и уже измененные геокомплексы. Объектами подобных исследований должны являться наиболее старые наши водохранилища — Московское и Рыбинское.

В современных ландшафтах нередко можно видеть следы прошлых преобразовательных мероприятий речной сети — каналы, некоторые из которых превратились в речки, старые заиленные пруды, спрямленные русла рек и т.п.

Современные почвы не только являются средством производства, но и продуктом длительного человеческого труда. Важнейшее качество почвы — плодородие «вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»⁵². Нет, пожалуй, другого такого компонента ландшафта, который бы так ярко отражал особенности производственной деятельности населения в прошлые исторические периоды, как почвы. Системы земледелия, сменявшие друг друга на протяжении исторического времени, оказали сильное влияние на почвы, следы которого не изгладились до наших дней. Современные технические возможности делают почвы хорошо управляемым компонентом ландшафта. Однако это делает почвы беззащитными при их неразумном использовании. По этому поводу В. А. Ковда писал: «Почвы планеты создавались тысячелетиями и в условиях, которые ныне уже исчезли; разрушение

⁵¹ И. Л. Гвоздецкий, Н. И. Михайлов. Физическая география СССР. М., 1963, стр. 122.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, М., 1955, стр. 175.

почв происходит от ошибок человека всего лишь за несколько лет»⁵³.

Общеизвестны различия между культурной и естественной почвой. Отметим только, что есть все основания наряду с природными почвообразовательными процессами выделять антропогенный процесс.

Антропогенными являются староорошаемые почвы оазисов, плантажированные почвы виноградников Крыма, дерново-слабоподзолистые почвы Северо-Запада и другие.

Большие площади окультуренных или сильно измененных почв соизмеримы с понятиями почвенный район или географический ландшафт. В результате длительной селекционной работы на земле возникли новые типы растительных сообществ — культурные фитоценозы, с которыми связаны и определенные группы животных организмов. Культурные биоценозы пока еще изучены недостаточно. П. Д. Ярошенко приводит слова известного энтомолога Г. Я. Бей-Биенко, который весьма пессимистично характеризует успехи ученых в этой области науки: «Мы можем найти подчас весьма детальные характеристики таких биоценозов, как сухая тундра на Шпицбергене, заросли арктической ивы в Гренландии, прерии в Канаде и пр. и вместе с тем не найдем даже краткой биоценологической характеристики посевов основных сельскохозяйственных культур»⁵⁴.

В староосвоенных районах земли растительность так же, как и животный мир издавна и глубоко изменены человеком. Поэтому есть все основания выделять геоботанические районы с культурной или измененной растительностью. Сельскохозяйственные угодья всегда являются показателями степени современной освоенности территории.

Большие территории заняты временными растительными ассоциациями, образовавшимися на месте лесных вырубок, заброшенных пашен и сенокосов. Эти виды сообществ в условиях постоянных антропогенных влияний часто из временных превращаются в долговременные или даже постоянные.

⁵³ В. А. Ковда. Почвенный покров и влияние на него человека. В сб. Очередные задачи биогеоценологии и итоги работ биогеоценологических стационаров. Л., 1971, стр. 10.

⁵⁴ П. Д. Ярошенко. Геоботаника. М.—Л., 1961, стр. 319.

Примерами их являются мелколесья из серой ольхи, березы, осины и других пород. Очевидно, что изучение подобных насаждений, в частности их классификация, должно быть иным, чем исследование неизменных фитоценозов. Таким образом, все компоненты ландшафта в большей или меньшей степени изменились под влиянием хозяйственной деятельности населения. Масштабы этих изменений таковы, что позволяют сравнивать единицы районирования окультуренных и неизменных территорий.

Воздействие человека на отдельные компоненты природы приводит к антропогенной дифференциации ландшафтообразующих факторов.

Культурные и измененные геокомплексы.

Если изменены отдельные компоненты ландшафтов, то, очевидно, должен быть изменен и комплекс в целом. Однако ландшафт представляет собой значительно более сложную в структурном отношении систему, нежели его составные части — геоморфологический комплекс, почвенный комплекс и т.п. Отдельные элементы структуры могут быть изменены в разной степени.

Большинство географов признает существование ландшафтов, измененных в процессе хозяйственной деятельности населения, хотя конкретных работ как по отдельным районам, так и по стране в целом написано очень мало. Научная постановка проблемы культурного ландшафта в нашей стране принадлежит Ю. Г. Саушкину. Еще в 1946 г. он писал, что «культурным ландшафтом надо называть всякий природный ландшафт, в котором взаимные связи элементов природной среды изменены человеческой деятельностью. Изменения эти могут быть сравнительно невелики, или наоборот очень сильны, но стоит только нарушить количественные соотношения и взаимные связи элементов природы географического ландшафта, как меняется структура ландшафта, а с ней — и он сам»⁵⁵.

Культурный ландшафт, по Ю. Г. Саушкину, представляет собой сложное историческое образование, в котором отразились следы прошлых эпох, поэтому процесс реконструкции прежних ландшафтов состоит в снимании, «слой за слоем» исторических напластований»⁵⁶.

⁵⁵ Ю. Г. Саушкин. Культурный ландшафт. Вопросы географии, сб. 1, М., 1946, стр. 97.

⁵⁶ Там же, стр. 102.

В 1951 г. Ю. Г. Саушкин уточняет определение культурного ландшафта: «культурный ландшафтом называется такой ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему труда человеческого общества так изменило соотношение предметов и явлений природы, что ландшафт приобрел новые, качественно иные, особенности по сравнению с прежним, естественным, своим состоянием»⁵⁷. При этом, как указывается далее, ландшафт не перестал быть природным, так как он «продолжает развиваться по законам природы»⁵⁸. Изучение культурных ландшафтов имеет практическую необходимость, так как человеку приходится обычно преобразовывать природу, уже измененную прошлыми поколениями людей. Уже тогда Ю. Г. Саушкин упрекал физико-географов за их невнимание к проблемам культурного ландшафта.

Сравнивая определения культурного ландшафта 1946 и 1951 гг., нетрудно заметить, что первое относилось к геокомплексам, измененным в разной степени, а второе — только к преобразованным (культурным) ландшафтам. Статьи Ю. Г. Саушкина появились в тот период, когда начали бурно развиваться ландшафтные исследования. Но, к сожалению, идеи культурного ландшафта не получили большого практического развития в конкретных работах, хотя декларативно они признавались всеми географами.

Очевидно, что уже само признание культурного ландшафта предполагает сравнение его с ландшафтом «некультурным», естественным. Поэтому классификация ландшафтов, измененных в процессе хозяйственной деятельности населения, имеет принципиальное значение для определения степени и характера влияния человеческого общества на географические комплексы. В литературе имеется несколько попыток классификации измененных ландшафтов. Одна из первых принадлежала В. Л. Котельникову, который выделял неизменные, слабо измененные, среднеизмененные, сильноизмененные и преобразованные ландшафты⁵⁹.

⁵⁷ Ю. Г. Саушкин. К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства. Вопросы географии, сб. 24, М., 1951, стр. 289.

⁵⁸ Там же, стр. 289.

⁵⁹ В. Л. Котельников. Задачи советского ландшафтоведения в связи с участием географов в выполнении сталинского плана преобразования природы. Вопросы географии, сб. 23, М., 1950. [35]

Д. В. Богданов, кроме первобытных и слабоизмененных, выделяет культурные и преобразованные культурные ландшафты. Различие между последними видами заключается в степени преобразования и управления ландшафтом. Преобразованный культурный ландшафт управляется сознательно на высоко научной основе «неантагонистическим человеческим коллективом»⁶⁰.

С. В. Калесник, критически рассмотрев существующие классификации измененных ландшафтов, разделил их на группы:

1. Первобытные, которые не посещались или изредка посещались человеком.

2. Измененные, т.е. «подвергнутые большему или меньшему, обычно одностороннему, но всегда стихийному, неорганизованному воздействию человеческого общества, особенно значительному при капитализме»⁶¹.

3. Преобразованные, т.е. «подвергнутые коренному, многостороннему и притом планомерному изменению в условиях социалистического общества»⁶².

Преобразованные ландшафты, по мнению С. В. Калесника, являются новым объектом исследования физической географии.

Очевидно, что все выделенные С. В. Калесником типы ландшафтов существуют в природе, но они, конечно, не исчерпывают всего разнообразия измененных ландшафтов. Например, среди измененных комплексов наряду со стихийно возникшими имеются ландшафты, сформировавшиеся в результате ослабленного воздействия человека.

Указанная классификация напоминает ранее опубликованную систематику ландшафтов З. Пассарге, который выделял природные, расхищенные и культурные ландшафты⁶³.

Несколько иная классификация измененных человеком комплексов была независимо друг от друга разработана автором и И. М. Забелиным.

---

⁶⁰ Д. В. Богданов. Культурные ландшафты долин северо-западного Памира и возможности их преобразования. Вопросы географии, сб. 24. М., 1951, стр. 305.

⁶¹ С. И. Калесник. Основы общего землеведения. М., 1955, стр. 425.

⁶² Там же.

⁶³ О. Н. Казакова. Основные проблемы географии и ландшафтоведения в ГДР, ФРГ, Швейцарии и Австрии. Вестник ЛГУ № 24, Л., 1965, стр. 99.

При изучении «заозерных» ландшафтов Северо-Запада все урочища были разделены на следующие группы:

а. Естественные — неизменные или слабоизмененные человеком.

б. Антропогенные — возникшие в результате деятельности человека, не имеющей характера целенаправленного изменения.

в. Антропогенно-естественные, возникшие под влиянием человека, но потом развивающиеся как естественные (например, пойменные луга).

г. Антропогенные восстанавливаемые — находящиеся в процессе своего восстановления⁶⁴,

д. Окультуренные — возникшие и развивающиеся под влиянием целенаправленной деятельности населения.

В дальнейшем приведенная классификация урочищ была подкреплена идеей о характере взаимосвязи между био- и геоценозами в измененном комплексе. Для естественных урочищ характерны неопределенно длительные связи между био- и геоценозами, нарушаемые только в результате внешних воздействий. Антропогенно-естественные комплексы характеризуются долговременными, антропогенные восстанавливаемые — кратковременными связями между био- и геоценозами. Наконец, в окультуренном (преобразованном) урочище человек создает длительные связи между преобразованными компонентами ландшафта⁶⁵.

И. М. Забелин все ландшафты земли разделяет на природные и антропогенные. Среди последних он различает природно-антропогенные и культурные. Под культурными ландшафтами понимаются комплексы, «сознательно созданные человеком для удовлетворения тех или иных человеческих потребностей»⁶⁶.

И. М. Забелин, полемизируя с другими авторами, совершенно справедливо замечает, что ландшафты различной степени измененности могут быть образованы в разные эпохи. Но он не прав, отрицая наличие в ландшафтах «следов» прошлых общественно-исторических формаций. Влияние последних было опосредствованным — через отношение человека к природе в связи с особенностями технологического воздействия населения на

⁶⁴ В. С. Жекулин. Типы озерных ландшафтов Северо-Запада РСФСР. Автореферат канд. диссертации. Л., 1958.

⁶⁵ В. С. Жекулин. К вопросу о методике изучения структуры ландшафтов в целях типологии. Географический сборник, № 6, Львов, 1961.

⁶⁶ И. М. Забелин. Теория физической географии. М., 1959, стр. 265.

ландшафты. В дальнейшем мы будем иметь повод проиллюстрировать это положение примерами из исторической географии ландшафтов Северо-Запада. В теоретическом плане очень хорошо об этом писал Р. М. Кабо: «Признание той бесспорной истины, что общественный человек в процессе своей хозяйственной деятельности, а также своим расселением, оказывает воздействие на окружающую его географическую среду, следует развить далее до признания того, что каждая среда в преобразованном виде отображает основные свойства общества. Тот облик, который придает общество окружающей его местности, сильно зависит от типа его воздействия на географическую среду. Каково общество, каковы условия его материальной жизни, — таково его отражение на видоизмененной человеком природе»⁶⁷.

Возвращаясь к систематизации ландшафтов по степени переработки их человеком, следует вкратце остановиться на таксономическом ранге измененных комплексов. Из литературы трудно сделать какие-либо определенные выводы по этому поводу, так как термин «ландшафт» обычно употреблялся в качестве синонима географического комплекса.

Очевидно, что комплексы, имеющие относительно простую географическую структуру, испытывают под влиянием человека более глубокую перестройку своей системы, чем комплексы более высокого таксономического ранга. Следует применительно к систематике геокомплексов различать два понятия — антропогенное происхождение и антропогенное изменение.

Антропогенными преимущественно являются комплексы относительно простой структуры — фации, подурочища, урочища, местности. Реже приходится говорить о ландшафтах, имеющих антропогенную структуру. Примерами последних являются крупные оазисы, значительные по площади водохранилища, города. Применительно к более крупным единицам физико-географического районирования — ландшафтам, ландшафтным (природным) округам, провинциям и др., лучше использовать понятие «изменение природы» или «освоение территории».

При изучении ландшафтов Северо-Запада и Севера русской равнины нами использовалась следующая сопод-

---

⁶⁷ Р. М. Кабо. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии. Вопросы географии, сб. 5, М., 1947. [38]

чиненность понятий, характеризующих степень переработки человеком географических единиц: освоение территории — для ландшафтов, изменение комплекса — для групп урочищ, испытавших однотипное преобразование структуры, антропогенное изменение (происхождение) — для урочищ и фаций.

Все измененные в разной степени территории образуют в своей совокупности понятие современной географической среды. Мы подчеркиваем — «современной географической среды», так как в нашу эпоху людей повсеместно окружают ландшафты в большей или меньшей степени видоизмененные населением как в настоящее время, так и в прошлые эпохи. Географическая среда исторического прошлого могла в первоначальный период освоения территории включать и неизменные ландшафты, которые в зависимости от характера хозяйственной деятельности населения переходили в группы измененных, окультуренных и др. геокомплексов.

Относительно содержания понятия «географическая среда» в нашей литературе проводилась дискуссия, сводившаяся главным образом к выяснению вопроса — следует ли включать в географическую среду население вместе с результатами его хозяйственной деятельности? Утвердительно на этот вопрос отвечает В. А. Анучин, который защищает позиции единой географии. Он писал, что «будучи внешним фактором, целенаправленно изменяющим остальную природу, человечество одновременно является и особой составной частью географических условий, в которых происходит это изменение природы»⁶⁸. Далее прямо указывается, что географическая среда состоит из общественных (общество) и естественных (природа) элементов.

Таким образом, волей или неволей законы общественного развития переносятся на часть природы — географическую среду.

Большинство географов, как известно, не разделяет взглядов В. А. Анучина. Наиболее солидную аргументацию выставил против научной позиции В. А. Анучина С. В. Калесник⁶⁹. Географической средой С. В. Калесник

⁶⁸ В. А. Анучин. Теоретические проблемы географии. М., 1960, стр. 119.

⁶⁹ С. В. Калесник. Проблема географической среды. Вестник ЛГУ, в. 12, 1968. С. В. Калесник. Общие географические закономерности земли. М., 1970.

называет часть природного окружения человеческого общества, «с которой человеческое общество находится в данный момент в непосредственном взаимодействии, т.е. которая ближайшим образом связана с его жизнью и производственной деятельностью... Поэтому к географической среде следует относить не только нетронутые человеком естественные элементы ландшафтной оболочки земли, но и те измененные им естественные элементы, которые сохранили и свои типологические аналоги в девственной природе, и способность к саморазвитию»⁷⁰. Здесь не вполне ясно, что вкладывает С. В. Калесник в понятие «естественные элементы»? Если имеются в виду ландшафты, то тогда не понятно, почему в географическую среду не попадают культурные (преобразованные) геокомплексы, которые далеко не всегда сохранили свои аналоги в девственной природе. Едва ли в природе мы найдем ландшафты, подобные чайным плантациям влажных субтропиков Кавказа, расположенным на искусственно террасированных склонах гор, или польдерам Нидерландов. Очевидно, что саморазвитие культурных ландшафтов регулируется человеком, что в целом не противоречит развитию в ландшафте природных процессов.

С. В. Калесник в цитированной выше работе подчеркивает, что стремление рассматривать природу и общество в единстве является вполне законным, поскольку географическая среда — это среда их взаимодействия. Он резонно замечает, что «включение общества в понятие географической среды не нужно уже потому, что «единство окружения, и окружаемого рождается в ходе их взаимодействия, а не путем включения одного в состав другого»⁷¹. Таким образом, не включая в географическую среду население земли, мы относим к ней результаты его деятельности — измененные и преобразованные ландшафты.

Изучение взаимодействия природы и общества в рамках, очерченных географической средой, является одной из задач географии. Эта общая задача исследования цементирует географические науки, и прежде всего физическую и экономическую географию, в единую систему. Конкретных работ, посвященных анализу взаимодействия природы и общества, очень мало. Первая попытка

---

⁷⁰ С. В. Калесник. О некоторых недоразумениях в теории советской географии. Изв. ВГО, вып. 1, 1971, стр. 36.

⁷¹ Там же.

подобного рода принадлежит Ю. Г. Саушкину, в работе которого приведены удачные примеры комплексного географического анализа отдельных районов СССР⁷².

Сравнительно недавно была издана монография П. Н. Пилатова, в которой проблема взаимоотношения человеческого общества и природы рассматривается на примере степной зоны СССР⁷³. По поводу последней работы следует сделать следующее замечание: научная постановка проблемы представляется совершенно законной, но методика ее разработки вызывает возражения. П. Н. Пилатов пытался решить поставленную задачу путем привлечения одних литературных источников, которые преследовали иные цели. Исследование проблемы взаимоотношения природы и общества неизбежно предполагает разработку нового подхода к изучаемым явлениям, использование первоисточников (архивных, статистических и других материалов), проведение полевых наблюдений по иной программе.

В фокусе взаимодействия природы и населения находятся культурные (преобразованные) ландшафты. В литературе почти отсутствуют попытки их классификации. Ю. К. Ефремов выделяет на Земле «сферу культурного ландшафта», которая представлена двумя взаимно проникающими друг в друга вариантами — техносферой и агросферой⁷⁴. Первая представляет собой «совокупность всех вторжений человека в неживую природу», а вторая — «включает преимущественно результаты влияния человека на живую природу». Агросфера отличается от техносферы меньшей зависимостью от общественных законов и, наоборот, в ней большую роль играют законы естественные. Если исключить понятие «сферы», которое здесь попросту неуместно, то окажется, что культурные ландшафты по своему происхождению можно разделить на два класса — техногенные и агрокультурные. Если понятие агрокультурного ландшафта не требует особых разъяснений, то по поводу техногенных комплексов можно сказать следующее: техногенные ландшафты являются крайним выражением преобразованного

⁷² Ю. Г. Саушкин. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского союза. М., 1947.

⁷³ П. Н. Пилатов. Степи СССР как условие материальной жизни общества. Ярославль, 1966.

⁷⁴ Ю. К. Ефремов. Ландшафтная сфера и географическая среда. Сб. Природа и общество. М., 1968, стр. 96—97.

геокомплекса, они располагаются в местах активной промышленной деятельности населения, а также в городах. Учение о городских ландшафтах является частью общего направления географической науки, изучающей культурные ландшафты Земли. Напомним, что у истоков городского ландшафтоведения в нашей стране находится В. В. Покшишевский⁷⁵.

Историческим аспектам проблемы взаимодействия общества и географической среды посвящены интересные работы Л. Н. Гумилева. Он развивает концепцию взаимосвязи этноса и ландшафта и рассматривает историческую географию как народоведение. Под этносом понимается «устойчивый коллектив особей, противопоставляющих себя всем другим коллективам и имеющим внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную»⁷⁶.

Этнос является, с одной стороны, — «производным от исторического процесса, а с другой — через добывание пищи (хозяйство) связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался»⁷⁷. В этой работе Л. Н. Гумилев рассматривает историческую географию как науку «о послеледниковом ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором»⁷⁸.

Таким образом, историческая география, в понимании Л. Н. Гумилева, является наукой, изучающей историю народов сопряженно с историей природы. Особенно ярко эта идея проявилась в книге о Хазарии⁷⁹.

Отмечая большое своеобразие работ Л. Н. Гумилева, следует, однако, взять под сомнение попытку сопоставить дефиниции ландшафта и этноса, так как любой этнос — это коллектив, а следовательно понятие общественное. Структура общественных и естественных образований является принципиально различной, а следовательно и трудно сопоставимой.

Приведем примеры некоторых конкретных исследований, в которых рассматриваются вопросы исторических изменений геокомплексов. В целом таких работ

⁷⁵ В. В. Покшишевский. О некоторых задачах комплексных физико-географических исследований городов. Вопросы географии, сб. 28, 1952.

⁷⁶ Л. Н. Гумилев. Этнос и ландшафт. Изв. ВГО, № 3, Л., 1968, стр. 194.

⁷⁷ Л. Н. Гумилев. По поводу предмета исторической географии. Вестник ЛГУ, № 18, 1965, стр. 113.

⁷⁸ Там же, стр. 115.

⁷⁹ Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966.

очень мало. В 1950 г. Ф. Н. Мильков опубликовал монографию о лесостепи Русской равнины, в которой специальную главу посвятил вопросам воздействия человеческого общества на ландшафт лесостепи. История воздействия человека на природу рассматривается по периодам: палеолит, неолит, бронзовый и железный век, феодализм, капитализм, современная эпоха⁸⁰. Автор, используя опубликованные источники, дает в целом краткую характеристику природных изменений, не «привязанных» к конкретным географическим комплексам.

Подробное исследование о влиянии хозяйственной деятельности человека на ландшафты Горьковского правобережья принадлежит А. Т. Харитонычеву. В работе наряду с общими вопросами методики исследования освещаются проблемы воздействия человека на природу в начальный период заселения, в XVI—XVII вв., в период Генерального межевания, в XIX — начале XX в.⁸¹ Несомненной заслугой автора является широкое и умелое использование архивных документальных источников, обстоятельное изложение проблем истории заселения Горьковского правобережья. Наиболее существенным недостатком работы является отсутствие ландшафтного подхода в исследовании исторического процесса изменения природы. Для того, чтобы оставаться на позициях географии, автору следовало бы в качестве основного объекта изучения взять геокомплекс и последовательно проследить историю его освоения и изменения во времени.

Значительно более «географичной» является кандидатская диссертация С. В. Трохимчука. В ней наряду с обстоятельной ландшафтной характеристикой весьма подробно изложена история комплексов Стрыйско-Санской Верховины, причем автор в своем исследовании дошел до конкретных ландшафтов и их морфологических единиц⁸². В работе выделяются три степени антропогенной измененности геокомплексов — сильноизмененные, среднеизмененные и слабоизмененные.

В диссертации Л. Н. Пушковой описывается изменение отдельных природных компонентов Москворецко-

⁸⁰ Ф. Н. Мильков. Лесостепь Русской равнины. М., 1950.

⁸¹ А. Т. Харитонычев. Роль хозяйственной деятельности человека в изменении ландшафтов Горьковского правобережья. Горький, 1960.

⁸² С. В. Трохимчук. Изменение ландшафтов Стрыйско-Санской Верховины в Украинских Карпатах за историческое время. Канд. дисс. на украинск. яз., Львов, 1968.

Окской равнины под влиянием хозяйственной деятельности человека. После краткой общей физико-географической характеристики следуют главы: история заселения и изменение почвенно-растительного покрова, изменения в животном населении района под влиянием деятельности человека, изменение природных вод и проблемы преобразования водных систем южного Подмосковья, основные направления антропогенных изменений рельефа Москворецко-Окской равнины⁸³. Актуальность проблем, исследуемых в работе, сомнений не вызывает. Однако игнорирование автором способов историко-ландшафтного изучения не позволило вскрыть «цепочку» взаимосвязей между сопряженно изменяющимися компонентами природы.

Выводы автора построены главным образом на основании литературных источников; материалы писцовых книг, Генерального межевания и другие используются недостаточно. Исторические изменения природы иллюстрируются схемой изменения структуры земельного фонда части Коломенского района на конец XIX и на 1965 г. Очень сомнительными кажутся выводы Л. Н. Пушковой по поводу широкого распространения в Подмосковье в конце XVI в. переложной системы земледелия. В исследованной автором части Коломенского уезда на пашни и перелог приходилось 45,9% земли, причем на перелог — 35,4 %⁸⁴. Напомним, что конец XVI в. был отмечен кризисными явлениями в экономике, что сопровождалось повсеместным сокращением пашенных земель.

По подсчетам Я. Е. Водарского, «порозжие» (бесхозные) поместно-вотчинные земли составили в Московском районе к первой половине XVII в. 33%, в Калужском — 32%, в Орловском — 23%, в Новгородском — 77% и т.п.⁸⁵ Таким образом, перелог, зафиксированные писцами в XVI в., представляют собой не что иное, как недавно заросшие пашни.

---

⁸³ Л. Н. Пушкова. Изменение природных условий Москворецко-Окской равнины под влиянием хозяйственной деятельности человека. Канд. дисс. М., 1969.

⁸⁴ Там же, стр. 52.

⁸⁵ Я. Е. Водарский. К вопросу о запустевании пашенных земель в России в первой половине XVII в. Тезисы док. XII сессии межреспубл. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. [44]

Следовательно, в настоящее время появляются географические работы, посвященные историческим изменениям природы различных территорий. Не имея возможности остановиться на всех исследованиях, мы хотели бы подчеркнуть следующее: во-первых, успех сопутствовал тем географам, которые, хорошо овладев историческим, материалом, остались на позициях физической географии, и, во-вторых, структура историко-ландшафтной характеристики до настоящего времени остается неразработанной.

На современную экономику оказывают влияние не естественные, а уже измененные человеком компоненты, географической среды. Эта мысль реализуется И. С. Мирзоевым на примере Азербайджана⁸⁶. Автор анализирует антропогенные изменения в рельефе, климате, гидрографии за период XIX и истекшей части XX вв.

Однако наряду с аналитическим исследованием влияния отдельных измененных компонентов на хозяйство необходимо комплексное изучение взаимодействия: географический комплекс — экономика. Каждый природный компонент (например, антропогенный рельеф) оказывает не только прямое, но и косвенное воздействие на хозяйство через другие элементы структуры.

3. О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Историческая география как наука о различных аспектах взаимоотношения населения и природы в прошлые исторические периоды получила широкое развитие за границей. Это неудивительно, так как идеи единой географии являются господствующими во многих странах. Сопряженное изучение природы и населения не противоречит материалистической науке, если имеется в виду исследование реально существующих взаимных связей между обществом и географической средой. Однако с идеями единой географии нередко связывается перенесение законов природы на общество и, наоборот, — общественных закономерностей на природу. При этом материалистические воззрения на природу сочетаются с идеалистическими построениями. Такое противоречие во

---

⁸⁶ И. О. Мирзоев. Антропогенные изменения в природе Азербайджана и их воздействие на хозяйство. Автореферат канд. дисс. Баку, 1970.

взглядах характерно для многих зарубежных ученых, в частности для такого выдающегося географа конца XVIII — начала XIX вв., как К. Риттер. Последний очень образно описывает исторический процесс изменения природы: «Подобно пространствам и временам изменялись на земле также и многие формы и образования (от подземных поднятий, извержений, обвалов, землетрясений, наводнений), многие роды вещества (от выветривания и гниения), многие составы и их отношения. Самые резкие формы сделались менее неприступными, многие уничтожены, изменены, обойдены, перейдены; прорваны... многие вещества дознаны в своей пользе, употреблены в дело, переделаны, уменьшились или прибавились (наносные почвы, чернозем, торфяные копи)... Многие организмы либо вовсе исчезли, или уменьшились в числе, или из одних мест оттеснены в другие»⁸⁷.

К. Риттер справедливо считал, что география «не может обойтись без исторического элемента, если хочет быть истинною наукою о земных пространственных отношениях, а не отвлеченной бледною копию местности»⁸⁸. Таким образом, «случайную историческую примесь» необходимо «резко отличить от исторического (необходимого) элемента в науке земледения, элемента, который везде проявляется не праздным, но деятельным, условливающим ее явления»⁸⁹.

Идея связи природы и населения нашла отражение в работе Джорджа Перкинса Марша (1864), Натаниэла Шейлора (1891, 1905) и других. Человек, по мнению Марша, повсюду прежде всего выступает «как разрушающий деятель. Где он не ступит, гармонии природы заменяются дисгармонией, нарушаются пропорции и приспособления, обеспечивающие прочность существовавших порядков...»⁹⁰. Автор приводит факты больших изменений природы, происшедших под влиянием человека. Например, в главе «Физический упадок территории Римской империи и других частей Старого Света» Марш пишет: «Огромные леса исчезли с горных откосов и вер-

⁸⁷ К. Риттер. Об историческом элементе в науке земледения. «Магазин земледения и путешествий», т. II, М., 1853, стр. 490.

⁸⁸ Там же, стр. 482.

⁸⁹ Там же, стр. 503.

⁹⁰ Георг Марш. Человек и природа или влияние человека на изменение физико-географических условий природы. Перев. с англ., СПб., 1866, стр. 39.

шин, перегной листьев и пней, плодородная почва нагорных пастбищ, окаймлявших и пересекавших лес, чернозем нагорных полей, — все это смыто водой; там, где были роскошные поемные луга, теперь бесплодная равнина, потому, что не существуют более водоемы и резервуары, снабжавшие водой древние каналы и, наконец, изсякли даже самые ключи...»⁹¹.

Главная причина упадка «заключается в невежественном небрежении человека к законам природы, в войнах, в гражданской и церковной тирании и злоупотреблениях»⁹².

Многообразие исторически сложившихся аспектов исследования взаимоотношения природы и населения привело к чрезвычайно широкому толкованию задач исторической географии современными зарубежными учеными.

Например, А. Кларк считает задачей этой науки «любое изучение географии прошлого, или географических изменений во времени... независимо оттого, будет ли это изучением культуры или физических или биологических условий и каким бы оно ни было ограниченным по теме или по площади»⁹³. Наряду с другими, весьма разнохарактерными проблемами, задачей исторической географии является изучение «изменившихся» ландшафтов.

Английский историко-географ Смит выделяет три направления в современной исторической географии Англии и США:

1. Изучение истории изменений ландшафта под воздействием человека на природу.
2. Историческая география как наука, реконструирующая географию прошлого.
3. Исследование географических изменений во времени⁹⁴.

Чрезвычайно широкое понимание исторической географии в зарубежном мире нашло отражение в Программе XXII Международного географического конгресса в Канаде. Тематика включает доклады по следующим проблемам: исследование новых территорий и прогресс в съемке и картировании, исследование развития урбанизации, промышленности и транспорта, изменение природной среды человеком, региональные палеогеографические

⁹¹ Там же, стр. 3—4.

⁹² Там же, стр. 5.

⁹³ А. Кларк. Историческая география. В кн. Американская география. М., 1957.

⁹⁴ Цитирую по Л. А. Гольденбергу. Указ. соч.

исследования и реликтовые свойства ландшафта, эволюция восприятия и его влияние на использование ресурсов, изучение процессов миграции и колонизации, демографические изменения в прошлом, влияние культуры и технологии на формирование сельского ландшафта, методология сбора, обработки и передачи материалов исторических источников⁹⁵.

Широкая проблематика является не столько следствием распространения многочисленных научных направлений, сколько результатом весьма разносторонней деятельности отдельных ученых.

Для представителей английской историко-географической школы характерно хорошее знание источников, стремление картографически отобразить динамику изучаемых явлений. Следует отметить, что документальный подход к истории изучаемых явлений берет свое начало от Н. Дарби, которому принадлежит географическая интерпретация многих старинных документов Англии. В послевоенные годы в Англии повышается интерес к историко-географическим проблемам Восточной Европы, в частности СССР.

Результаты историко-географических исследований широко используются для составления комплексных и экономико-географических характеристик хозяйства в целом и его отдельных отраслей. Например, в книге Э. Хигби делаются историко-географические сравнения о размещении населения в разные периоды, рассматривается история землепользования, анализируется влияние человека на формирование Кукурузного пояса США⁹⁷.

В структуру комплексных монографий нередко входят в качестве самостоятельных разделов главы, посвя-

---

⁹⁵ XXII Международный географический конгресс. Изв. АН СССР, № 4, 1970.

{ ⁹⁶ — пропущена в источнике }

⁹⁷ Э. Хигби. География сельского хозяйства США. Перев. с англ., М., 1961.

ценные истории освоения территории населением и развитию культурного ландшафта. Например, У. Визли в своей работе о Балтетальской юре остановился на следующих вопросах: палеогеография и природа, история освоения и развитие культурного ландшафта по периодам: римское время, эпоха переселения народов, феодальное и новое время, характеристика хозяйства. История освоения территории иллюстрируется картами 1500, 1850, 1900 и 1950 гг.⁹⁸

В работах иностранных ученых нередко подчеркивается практическая значимость историко-географических исследований, причем наибольшее значение придается региональному анализу. Это, по нашему мнению, является следствием прежде всего большого внимания, которое уделяется в странах Западной Европы и США проблемам землепользования.

Прикладное значение исторических методов исследования географических явлений хорошо показал М. Флипонно: «Между тем если истории принадлежит главная роль в объяснении современных особенностей любого географического комплекса, то эта дисциплина помогает также выявить тенденции развития и руководить принятием решений, которые могут повлиять на будущее страны. История, как чисто теоретическая и объективная наука, вносит ценный вклад в географию, науку прикладную»⁹⁹.

Французская высшая географическая школа умело сочетает историческую подготовку географа-эксперта (т.е. работающего в экономике) с подготовкой его по прикладным дисциплинам. Для педагогической деятельности готовятся специалисты широкого профиля — географы-историки.

Таким образом, в зарубежной географии имеется некоторый опыт организации историко-географических исследований, который необходимо у нас использовать.

---

⁹⁸ По О. Н. Казаковой. Указ. соч.

⁹⁹ Мишель Флипонно. География и практика. Перев. с французск., М., 1964., стр. 230.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Предпринятый обзор литературы прежде всего свидетельствует о том, что историческое ландшафтоведение не оформилось как наука, хотя историко-ландшафтные идеи неоднократно высказывались историками, историко-географами и географами различных специальностей.

Неоправданно малое внимание историко-ландшафтным проблемам уделяют и физико-географы. До сих пор многочисленные ландшафтные карты областных атласов, диссертаций и монографий отражают только естественную, неизменную человеком природу. Элементы из истории освоения территории иногда обнаруживаются на исторических и экономических картах географических атласов, но они не «привязаны» к конкретным географическим комплексам и часто представляют, по выражению Риттера, «случайную историческую примесь». Даже многотомные географические издания «Советский Союз», «Природные условия и естественные ресурсы СССР», серия кратких монографий об основных физико-географических районах Советского Союза и другие не содержат почти никаких сведений об исторических изменениях географических ландшафтов. Последние отсутствуют и в уникальном картографическом произведении — Физико-географическом атласе мира (М., 1964).

Такое невнимание географов к проблемам исторической географии является следствием разрыва между историей и географией, который наметился в конце XIX — начале XX вв. Можно согласиться с Л. Е. Иофой по поводу объяснения причины такого разрыва — влияние кантианской и неокантианской философии с их разделением пространства и времени.

С этого времени «среди географов прочно утвердилось мнение, что география изучает только современность в противоположность истории, изучающей прошлое; история как бы монополизировала время, а география пространство. О географии стали говорить как о последней странице истории, т.е. разделение между географией и историей стали проводить не по объекту исследования, а по временному признаку»¹⁰⁰.

Пропасть, разделяющая историю и физическую географию, увеличивалась в связи с боязнью части геогра-

¹⁰⁰ Л. Е. Иофа. О значении исторической географии. «География и хозяйство», сб. 11, М., 1961, стр. 97. [50]

фов использовать данные общественных наук для объяснения современного состояния природных условий и ландшафтов. Конечно, нельзя недооценивать актуальность проблемы спонтанного развития как отдельных ландшафтных компонентов, так и комплексов в целом, но по этому поводу следует заметить, что, во-первых, эти вопросы более компетентно решаются представителями частных географических дисциплин, и, во-вторых, результаты антропогенных изменений значительно более ощутимы для современного человека, нежели естественные процессы развития комплекса.

Деятельность географов по изучению исторических аспектов взаимодействия природных и антропогенных факторов, в результате которого и сформировались современные ландшафты большинства районов земли, не получила освещения в географической литературе.

Одной из причин недостаточного развития в стране историко-географических исследований является слабость исторической подготовки выпускников географических факультетов университетов и педагогических институтов. Как известно, учебными планами курсы исторической географии не предусмотрены.

Проведенный автором в 1969 г. анкетный опрос сотрудников многих университетов и пединститутов показал, что даже в качестве факультативного курса эта дисциплина нигде не изучается. Задачи исторической географии часто смешиваются с задачами истории географии.

В стране фактически отсутствуют кадры историко-географов. Проблемами этой науки занимаются главным образом историки, а также, походя, специалисты других дисциплин: экономико-географы, топонимисты, зоологи, ботаники, физико-географы. Отсутствие необходимого сотрудничества между представителями различных наук, занимающихся отдельными вопросами исторической географии, приводит к нерациональной трате сил и времени ученых.

Негативное отношение части географов к проблемам исторической географии проявляется в организационной деятельности: на географических съездах, как правило, не находится места для докладов по историко-географической тематике, при Центральной организации отсутствует секция исторической географии, тематические сборники издаются весьма редко, специальные научные конференции не организуются¹⁰¹. На международные

географические конгрессы Национальный комитет советских географов представляет весьма ограниченное число докладов по историко-географической проблематике. Все это свидетельствует о том, что историческую географию едва ли можно отнести к числу процветающих наук.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в последнее время интерес к исследованию историко-ландшафтных проблем, несомненно, повышается. Видимо, это является следствием постепенного распространения идей конструктивной географии.

---

¹⁰¹ Наибольшую активность проявляют ученые Московского филиала ГО СССР, в котором в течение многих лет плодотворно работал крупнейший историко-географ В. К. Яцунский. {Указание на ссылку в тексте источника отсутствует} [52]

II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЛАНДШАФТОВ. ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Место исторической географии ландшафтов (исторического ландшафтоведения) в системе историко-географических наук

Из обзора литературы по проблемам исторической географии, сделанного в предыдущей лекции следует, что эта отрасль знания в ее современном состоянии представлена системой наук. В этой системе можно выделить 4 главных научных направления:

1. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина.

Она занимается изучением местонахождения поселений, памятников различных исторических событий, границ государств, театров военных действий, путей сообщения, древней топографией городов и другими вопросами, имеющими для исторической науки немаловажное, но все-таки вспомогательное значение. Это, безусловно, историческая наука, достигшая серьезных успехов. По нашему мнению, не следует относить к исторической географии работы, в которых географический аспект имеет подчиненное значение. Например, классическая работа М. Н. Тихомирова является исторической, а не историко-географической по своим задачам¹. С другой стороны, снискавшая всеобщее признание монография А. Н. Насонова относится к исторической географии в самом традиционном понимании задач этой науки².

2. Историческая география как наука, изучающая экономическую географию прошлых исторических периодов. Это географическое направление науки, разрабатываемое совместными усилиями историков и экономико-географов. Последнее опубликованное определение этой науки при-

¹ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962.

² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1961.

надлежит П. В. Гуревичу и Д. М. Пинхенсону. По мнению этих авторов, «предметом исторической экономической географии являются тенденции, закономерности и проблемы пространственного распределения производительных сил в прошлом, последовательный ход становления современного размещения населения и производства, территориального разделения труда, системы экономических районов и связей»³.

3. Историческая география как наука, изучающая историю народов сопряженно с историей развития географической среды. Это по сути дела археолого-этнографическое направление в исторической географии. В основном оно представлено исследованиями, проведенными в аридных областях СССР (работы Л. Н. Гумилева, С. П. Толстова и др.).

4. Историческая география как наука об истории развития и изменения географической среды и ландшафтов. Это направление представлено двумя дисциплинами:

а. Общей исторической физической географией (историческим землеведением), которая изучает вопросы развития и изменения за историческое время взаимосвязанных компонентов ландшафтной оболочки земли.

б. Региональной исторической физической географией (исторической географией ландшафтов или историческим ландшафтоведением). Историческая физическая география в отличие от других направлений является естественно-научной дисциплиной. Однако это не мешает ее представителям широко использовать гуманитарные способы исследования (изучение разнообразных исторических документов, данных топонимики и других).

Таким образом, историческая география так же, как география современности, представляет систему наук, занимающих промежуточное положение между историей и географией. Единство системы историко-географических наук определяется, во-первых, существованием некоторых общих задач исследования, к которым прежде всего следует отнести проблему взаимодействия общества и природы в разные исторические периоды, и, во-вторых, широким использованием общих исторических материалов,

---

³ П. В. Гуревич, Д. В. Пинхенсон. О путях усиления историко-географической подготовки будущего учителя. Матер. V съезда ГО СССР по проблемам географического образования. Л., 1970. [54]

первичная обработка которых проводится одинаковыми способами.

Итак, историческая география является пограничной отраслью знания. Из этого, конечно, не следует, что она изучает какие-то особые «пограничные» законы. Законы развития общества используются как в географии, так и в истории. Они определяют специфику исторического процесса и поэтому широко применяются в исторической географии. Что же касается законов развития природы, то они лежат в основе физико-географических наук, не применяются в истории и используются только в одном естественно-научном направлении исторической географии. Таким образом, специфика пограничного положения исторической географии заключается в необходимости использования как общественных, так и естественных законов и закономерностей. Например, исследование проблем взаимодействия общества и природы, с одной стороны, предполагает изучение закономерностей развития производительных сил общества, а с другой стороны — необходимо выяснить истинную роль географической среды в развитии общества (по отдельным историческим периодам), а для этого нужно знать закономерности эволюции географической среды.

Очевидно, что задачи исследования определяют особенности методики изучения, принятой в исторической географии. Овладение этой методикой непосильно «чистому» историку или «чистому» географу. Обычно разнообразные историко-географические проблемы исследуются либо географами-историками (физико-географами или экономико-географами, получившими специальную историческую подготовку), либо историко-географами (историками различных периодов, компетентных в вопросах географии). Вряд ли нужно говорить о необходимости специальной подготовки в вузах специалистов этого профиля. Такая подготовка проводится в Англии в Лондонском университете.

Для географии современности большое значение имеет своевременное и глубокое решение историко-географических вопросов.

Применительно к экономической географии это уже убедительно показал И. А. Витвер⁴. Относительно физи-

---

⁴ И. А. Витвер. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963. О большом значении исторической географии писал также Л. Е. Иофа — см. цитиров. выше работу. [55]

ческой географии по этому поводу можно сказать следующее: серьезная постановка проблем конструктивной географии невозможна без учета степени и характера преобразования в прошлом географической среды и ее отдельных участков — ландшафтов. Особенно это важно делать при создании ландшафтных моделей в староосвоенных районах страны.

Каких бы ни придерживались мы взглядов на предмет исторической географии, очевидно, что задачи этой науки принципиально отличаются от задач истории географии. Последняя изучает вопросы географического изучения земли и формирования географии как науки. Различие задач исследования, конечно, не исключает того, что эти науки нередко пользуются одним и тем же материалом. Однако интерпретация этого материала является различной.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

Итак, историческое ландшафтоведение (историческая география ландшафтов) является естественно-научным направлением исторической географии. Вполне законным является вопрос: следует ли вообще выделять исторические разделы науки из современного ландшафтоведения? На этот вопрос следует ответить утвердительно, так как специфика исследования настолько велика, что требует особой подготовки специалистов. В этом отношении можно провести аналогию с взаимоотношением палеогеографии и физической географии. Историческое ландшафтоведение — промежуточное звено в системе взаимосвязанных наук: палеогеография — историческая физическая география (и историческое ландшафтоведение) — физическая география современности (включая ландшафтоведение).

Критерием, разграничивающим историческое ландшафтоведение от ландшафтоведения современности, следует считать время и методику исследования. Ландшафтоведение изучает современные геокомплексы и их динамику, пользуясь методами физико-географических исследований. Историческое ландшафтоведение изучает исторический процесс изменения географических ландшафтов, доводя его до современной эпохи, при этом оно использует преимущественно историко-географические мате-

риалы. Это различие можно проиллюстрировать следующим примером. Изучение современного влияния водохранилищ на геокомплексы — задача ландшафтоведения. Но если водохранилище образовалось давно (например, в начале XX в.) и требуется оценить его общее влияние на природу, то здесь большую помощь могут оказать историко-ландшафтные исследования. Ведь в данном случае прежде всего необходимо установить степень прошлого (до постройки водохранилища) изменения природы и лишь потом, пользуясь методикой сравнения историко-ландшафтных карт, можно будет сделать выводы о результатах вторичного воздействия человека на ландшафт. С подобным положением мы столкнулись при оценке влияния строительства Волховской ГЭС на природу приильменских геокомплексов.

Сам факт некоторого «перехлеста» задач исторического и современного ландшафтоведения ничего необычного в науке не представляет. Вспомним, что в прошлом делом археологии было изучение начальных этапов человеческой истории, когда вещественные материалы служили единственными источниками исторического познания. В настоящее время археология «помолодела», она смело вторгается в средние века, хорошо отраженные в письменных памятниках.

Сделанный выше обзор литературных источников убедил нас в том, что хотя понятие ландшафта нередко фигурировало в историко-географических работах, задачи исторического ландшафтоведения в течение долгого времени оставались неопределенными. Впервые предмет этой науки был сформулирован Л. С. Бергом в 1948 г. в публичной лекции. Он писал, что «географические аспекты подлежат непрерывным изменениям... Поэтому наши описания всегда относятся к настоящему моменту. Описание же прежних географических аспектов составляет предмет исторической географии, если рассматриваются аспекты исторического прошлого, или палеогеографии, имеющей дело с доисторическими географическими аспектами»⁵.

Как нетрудно заметить, под дефиницией исторической географии скрывается наука, которую более правильно называть историческим ландшафтоведением. К сожалению

---

⁵ Л. С. Берг. Достижения советской географии. Л., 1948, стр. 21.

нию, Л. С. Берг не остановился более подробно на задачах этой науки.

Роль человеческой деятельности в формировании ландшафтов исторического прошлого подчеркнул С. В. Калесник: «В последнее время из палеогеографии постепенно выделяется историческая география, т.е. наука об изменениях ландшафтов за историческое время, происходивших при участии и под все возрастающим влиянием на ландшафты человеческого общества»⁶. Здесь особенно важно отметить мысль о возможности быстрых изменений в ландшафтах. В другой работе С. В. Калесник, классифицируя географические науки, относит историческую географию к группе естественных наук⁷.

Предлагаемое нами определение предмета исторического ландшафтоведения дополняет дефиницию С. В. Калесника в двух отношениях: во-первых, в него включается понятие антропогенных геокомплексов на том основании, что последние возникают и развиваются только в историческое время, т.е. они являются важнейшими объектами изучения этой науки. Во-вторых, нами подчеркивается мысль о том, что в историческое время геокомплексы формируются в результате взаимодействия географической среды и населения. Нам представляется недостаточным ограничиться в определении только указанием на влияние населения на геокомплексы, ведь технология производства, определяемая уровнем развития производительных сил, зависит также от характера природных условий, испытывающих спонтанное развитие. Рассмотрение только одной стороны процесса — воздействия человека на ландшафт — не сможет дать правильную характеристику исторического процесса изменения и развития геокомплексов.

Итак, после этих дополнительных соображений, разъясняющих позицию автора, напомним определение предмета нашей науки: историческое ландшафтоведение (историческая география ландшафтов) изучает историю развития и изменения природных и антропогенных геокомплексов, возникших в результате взаимодействия географической среды и населения.

---

⁶ С. В. Калесник. Краткий курс общего землеведения. М., 1957 стр. 7.

⁷ С. В. Калесник. О классификации географических наук. XIX межд. географ. конгресс в Стокгольме. М., 1961.

Перейдем к изложению некоторых принципиальных: положений науки, находящихся в основе ретроспективного ландшафтного анализа.

1. Объекты изучения исторического ландшафтоведения — географические комплексы — образуются в результате взаимодействия природы и населения, характер которого менялся на протяжении исторического времени. Этот процесс находил свое отражение в смене аспектов местности. Под аспектом понимается вид местности, характерный для данной эпохи. Например, в раннее феодальное время на Новгородской земле, как и в других районах лесной зоны, господствовала подсечная система земледелия, с которой был связан своеобразный ландшафтный аспект: временные поля чередовались с «чертежищами» (местами, подготавливаемыми под подсеку) и «лядинами» в разной степени зарастания их лесом. Появились многочисленные кустарники и мелколесья, создавшие особую экологическую среду для развития животных.

Стали в частности распространяться тетеревиные птицы, появились мигрировавшие с юга, из зоны лесостепи, зайцы-русаки и т.п. Травянистые леса способствовали развитию дернового процесса почвообразования. Однако в связи с отсутствием постоянного воздействия человека на геокомплексы окультуренные урочища не образовывались. Происхождение последних было связано с широким распространением пашенного земледелия в XII—XIII вв. Это привело к изменению аспекта местности: появились постоянные окультуренные комплексы (пашни, усадебные земли, огороды), которые перемежались с покосами, пастбищами, бортными и пашенными лесами, «диким» лесом. Система землепользования в это время складывалась сопряженно с формированием деревенских поселений, многие из которых сохранились до настоящего времени. Так складывались центры (ядра) освоения и заселения территории.

Экономический кризис конца XVI—XVII вв. привел к повсеместному запустеванию земель и к регенерации природных комплексов на больших территориях. Многие окультуренные комплексы превращаются в антропогенные восстанавливаемые. Конечно, в зависимости от конкретных социально-экономических условий влияние экономического кризиса на природу было неодинаковым в разных районах. [59]

В XVIII в. аспект снова меняется: сначала под влиянием прогресса в земледелии (появление новых орудий — косули, горбуши, новых сельскохозяйственных культур — картофеля, применения разнообразных удобрений — навоза, золы, извести, болотной тины и др., введения травосеяния, осушения болотных земель, повсеместного расширения пашни), а потом в связи с освоением южных районов страны и обесцениванием северных земель. Это сопровождается хищнической вырубкой лесов, вторичным заболачиванием и другими процессами.

В XIX в. развитие промышленности сопровождается интенсификацией природопользования, ростом городов, возникновением антропогенных комплексов в местах горных выработок, торфоразработок и т.п. При создании судоходных путей образуются каналы, «водопроводы», водохранилища. Конечно, в каждый исторический отрезок времени отношения населения и природы были взаимными. Например, устраивая подсеку, земледелец учитывал характер ландшафта, так же дифференцированно подходил он к использованию всех видов сельскохозяйственных угодий. Продуктивность земли всегда являлась краеугольным камнем, находящимся в основе природопользования, а последнее отражало особенности взаимоотношения между человеком и географической средой.

Итак, аспект местности определяется при прочих равных условиях особенностями сельскохозяйственной и промышленной технологии, которая в свою очередь зависит от уровня развития производительных сил. Очевидно, что элементы аспектов различных эпох могут взаимно проникать друг в друга. Например, подсека в отдельных районах Новгородской области фиксировалась вплоть до 1934 г., хотя, конечно, аспекты подсечного земледелия совершенно не характерны для этого времени.

Каждый этап освоения территории характеризуется целым комплексом технологических процессов, которые и определяют особенности аспекта. Период раннего феодализма имел свой аспект потому, что подсечная система земледелия определяла влияние человека на природу, хотя в это время кое-где зарождалось пашенное земледелие. Точно так же в XV—XVI вв. аспект был обусловлен трехпольным земледелием, а подсека играла подсобную роль в сельском хозяйстве. [60]

Таким образом, задача исторического ландшафтоведения состоит в изучении последовательно сменяющихся ландшафтных аспектов.

Однако технология производства зависит в известной степени от особенностей географической среды, поэтому для каждого ландшафта характерен свой спектр ландшафтных аспектов. На него при прочих равных условиях особенно сильное влияние оказывает зональность. Очевидно, что при одинаковом уровне развития производительных сил каждая зона будет характеризоваться специфическими особенностями ландшафтных аспектов.

Аспект каждого периода включает комплексы различной степени измененности — окультуренные, сильноизмененные, измененные, слабоизмененные и другие. Выделение каждого такого комплекса предполагает сравнение с каким-то другим комплексом, отличающимся от первого степенью переработки его человеком. Таким образом, возникает необходимость выделять комплексы-эталоны. При изучении ландшафтов Северо-Запада эталонами окультуренных геоконплексов почти на протяжении всей истории являлись ландшафты Южного Приильменя, Поозерья, Пришелонья, Ордовикского плато и некоторые другие. Совершенно обязательным условием является выработка единого подхода к выделению различных степеней измененности геоконплексов. При изучении освоенности ландшафтов Северо-Запада последние классифицировались по количественному соотношению между естественными (и слабо измененными) урочищами и урочищами, измененными в процессе сельскохозяйственной деятельности населения.

2. Скорость и степень изменения структуры комплекса зависит от сложности последнего и интенсивности преобразовательных мероприятий. Простые комплексы (фации, подурочища, урочища) могут сравнительно быстро образовываться под влиянием хозяйственной деятельности населения. Приведенная выше классификация комплексов по степени переработки их человеком относится главным образом к комплексам низкого таксономического ранга. Соотношение и характер простых геоконплексов обуславливают основные особенности ландшафтного аспекта. Два или несколько аспектов характеризуют степень изменения природы ландшафтного округа.

3. В результате воздействия человека на природу происходят обратимые и необратимые изменения в струк-

туре, вследствие последних образуются антропогенные комплексы в «чистом» виде. Различная энергия восстановления, определяемая влиянием многих факторов, обуславливает возникновение многочисленных восстанавливаемых комплексов. Это очень длительный процесс, и в условиях периодических воздействий человека он редко приводит к полному восстановлению прежней структуры. Фиксирование всех случаев необратимых изменений в ландшафтах является обязательным условием историко-ландшафтных исследований. Поэтому при изучении исторических источников обращалось внимание на все случаи заболачивания полей и лесов, на устойчивое техногенное преобразование природы и другие аналогичные процессы.

4. Непременной задачей «сквозного» историко-ландшафтного исследования является определение возраста освоения каждого геокомплекса, входящего в район исследования. При этом необходимо различать время первого заселения территории людьми от периода изменения ландшафтной структуры, происходившей под влиянием активной хозяйственной деятельности населения. Например, возраст заселения ландшафта Южного Приильменя — неолит, а возраст структурных изменений — X век, когда здесь распространялось пашенное земледелие. Изучение возраста освоения территории осуществляется путем использования археологических данных и материалов исторических источников. Исследование времени возникновения старопахотных земель может проводиться радио-углеродными способами исследования.

5. В основе относительного единства исторического процесса изменения ландшафтов находится закономерная смена общественно-исторических формаций. Однако различия в региональных проявлениях исторического процесса находят свое отражение как в самом характере аспектов, так и в продолжительности отдельных стадий развития ландшафта. Поэтому исторический процесс изменения ландшафтов лучше представлять себе в виде пучка одинаково направленных линий, каждая из которых отражает специфику ландшафтных изменений крупных регионов земли. Различие путей ландшафтов обусловлено как особенностями развития производства, так и условиями географической среды. В условиях одной и той же общественно-политической формации исторический процесс изменения ландшафтов будет связан с осо-

бенностями природы и сформировавшегося на данной территории этноса, в понимании Л. Н. Гумилева.

В качестве методического приема, позволяющего выделять региональные аспекты исторического процесса, следует пользоваться понятием исторической области, под которой подразумевается территория, имеющая общие черты исторического развития. В прошлом эти районы часто составляли самостоятельные административные единицы. Например, историческими областями (провинциями) являлись: Ломбардия в Италии, Уэльс в Великобритании, Новгородская земля, Киевская Русь и другие. В пределах исторической области в течение длительного времени сохраняется преемственность в использовании природных ресурсов, а следовательно, и в изменении ландшафтов. Историческая область — это обычно территория древнего освоения, ландшафты которой сформировались в связи с неоднократными сменами аспектов. Таким образом, каждая историческая область имеет свой спектр ландшафтных аспектов. При переходе в другую область происходит смена аспектов. Специфические особенности каждой области определяют исходные материалы исследования и способы его первичной обработки.

6. Передвижения народов вносили изменения в смены ландшафтных аспектов. При этом возникали новые аспекты, являвшиеся инородными образованиями в структуре освоенных комплексов данной исторической области. Так, образовывались пастбищные аспекты при завоевании кочевыми народами земледельческих племен.

Однако наряду с катастрофическими сменами аспектов, обусловленными политическими коллизиями, часто происходит более медленное внедрение новых технологических приемов в сложившуюся ранее систему природопользования. Так, например, колонизация славянскими племенами Северо-Западных и Северо-Восточных областей Русской равнины не приводила, судя по имеющимся археологическим данным, к резкой смене ландшафтных аспектов.

7. В результате историко-ландшафтного изучения создается пространственно-временная характеристика территории. В отличие от исторических работ, в которых на первое место ставится время, а потом уже все остальное, в исследованиях по историческому ландшафтоведению во главу угла кладется геокомплекс. Это значит, что, взяв для изучения какую-либо территорию и предварительно [63]

выделив в ее пределах ландшафты, мы в дальнейшем должны последовательно проследить историю каждого из них в отдельности. В противном случае будет утрачена «географичность» исследования и возникнут дополнительные трудности на пути сравнения результатов историко-ландшафтного анализа с данными о современных геокомплексах.

Величина комплекса должна быть такой, чтобы гарантировать его относительную устойчивость во времени. Так, например, все геокомплексы Северо-Запада, отраженные на ландшафтной карте масштаба 1:600 000, могут быть объектами историко-ландшафтного анализа. В этом масштабе на карте в основном показаны комплексы урочищ и отдельные крупные урочища. По чисто методическим соображениям (относительная константность границ, обеспеченность территории документальными источниками, устойчивость системы поселений и др.) мы в качестве основного объекта исследования избрали ландшафтный округ, а в пределах последнего — ландшафт.

Очевидно, что в других районах в зависимости от масштаба исследования объектами изучения могут быть единицы иного таксономического ранга. Очень важно добиваться однотипности в описании исторических изменений ландшафтов, так как в итоге необходимо получить хорошо сравнимый материал в виде текстовой характеристики и карт. Однотипность достигается использованием стержневых источников, содержащих массовую информацию об освоении территории человеком и изменении геокомплексов. Примерами таких стержневых материалов являются писцовые книги, «Экономические примечания» и пр.

Можно предложить следующую структуру историко-ландшафтной характеристики:

I. Общая часть.

А. Обоснование региона исследования и его места в системе географического и историко-географического районирования. Краткая характеристика исторической области.

Б. Краткая характеристика выделенных геокомплексов и их современного состояния.

В. Описание методики ретроспективного ландшафтного анализа. Характеристика источников и их классификация. Изложение принципов историко-ландшафтного картографирования. Способы географической интерпретации

[64]

исторических материалов. Методика полевых исследований и др.

II. Региональная часть. История освоения и изменения географических комплексов.

А. Характеристика факторов изменения ландшафтов: естественные процессы развития, землепользование, промыслы и др.

Б. История изменения и освоения природы ландшафтов, округов и других географических единиц. В этом разделе освещаются вопросы современной и древней освоенности геокомплексов, последовательно прослеживается история каждого ландшафта в отдельности.

В. Прикладные вопросы историко-ландшафтного исследования. Участие в разработке проблем рационального природопользования, охраны природы, реконструкции сельского расселения и других.

К работе должны быть приложены кадастр геокомплексов и серия историко-ландшафтных карт.

Процесс изучения истории освоения и изменения ландшафтов складывается из нескольких этапов:

1. Физико-географическое районирование территории и выделение объектов исследования. Этой проблеме посвящена обширная литература, обобщенная в монографии В. И. Прокаева и других⁸.

2. Изучение современной освоенности ландшафтов, под которой понимается суммарная величина пахотных, сенокосных, пастбищных, усадебных и залежных земель, включая в последнюю группу вторичные колхозные и совхозные леса (преимущественно мелколесье и кустарники). Обычно эти сведения содержатся в статистических справочниках и характеризуют земельную площадь административного района. Однако эти данные в редких случаях могут быть использованы для оценки степени освоенности ландшафтов, так как административные и природные границы совпадают нечасто. Все подсчеты проводятся на основе крупномасштабных картографических материалов.

3. Изучение топонимики и ландшафтной лексики, характерной для данной исторической области. Эту работу лучше выполнить перед исследованием конкретных этапов освоения ландшафтов, так как географические названия, локализованные на ландшафтной основе, дают

⁸ В. И. Прокаев. Основы методики физико-географического районирования. Л., 1967.

общее представление об основных особенностях исторического природопользования. Кроме того, знакомство с ландшафтной, сельскохозяйственной и промышленной лексикой позволяет исследователю квалифицированно ориентироваться в исторических документах.

4. Изучение истории освоения и изменения ландшафтов по материалам исторических документов. Систематизация последних проводится по комплексам и историческим периодам. Предварительно уточняется геоисторическая периодизация.

5. Оформление работы: составление текста, вычерчивание карт и др. Все высказанные положения прежде всего относятся к ретроспективному анализу хорошо освоенных районов земли, изменение природы которых происходило главным образом под влиянием хозяйственной деятельности населения.

МЕТОДЫ, СПОСОБЫ И МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

От методов науки следует отличать способы изучения конкретного материала (природных явлений, исторических источников, данных топонимики и др.).

Метод — это общее направление пути познания научной истины. Общим методом всех наук является марксистский диалектический метод. Кроме того, представители географических, историко-географических и других наук пользуются историческим и сравнительным методами.

Исторический метод, имеющий для исторической географии большое значение, базируется на известном положении марксистско-ленинской философии о непрерывном движении и развитии материи. «Различные формы и виды самого вещества, — писал Ф. Энгельс, — можно познать опять-таки через движение; только в движении обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не находится в движении, нечего сказать. Следовательно, природа движущихся тел вытекает из форм движения»⁹. Специфика применения этого метода в историческом ландшафтоведении заключается в необходимости сопряженного изучения эволюции природы — по естественным и развития населения земли — по общественным законам. Это

---

⁹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1948, стр. 199.

приводит к разделению способов исследования на две основные группы: способы, исследующие спонтанное развитие ландшафтов, и способы, изучающие изменение геокомплексов под влиянием хозяйственной деятельности человека.

Сравнительный метод широко используется в географии. В историческом ландшафтоведении он применяется для сопоставления измененных человеком комплексов с коренными или естественными ландшафтами. Сравниваются ландшафты, измененные человеком в различные периоды. С практическим применением сравнительного метода связаны: выбор эталонов и «ключей» при полевом изучении территории, классификация исторических источников, выделение среди многих населенных пунктов центров освоения и другие.

Очевидно, что сравнительный и исторический методы познания применяются сопряженно и одновременно как для решения общих вопросов эволюции и изменения ландшафтов, так и для изучения материала одного какого-либо источника.

Следует подчеркнуть, что все методы и способы исследования в историческом ландшафтоведении преследуют одну цель — понять исторический процесс развития, изменения и освоения комплексов земли.

Очень часто методы науки смешивают со способами (приемами) полевых и камеральных работ. Например, Ф. Н. Мильков к методам науки относит: сравнительный метод, стационарный метод исследования ландшафтов, исторический метод, метод балансов, метод ведущего фактора, метод ключевых участков и др.¹⁰ Таким образом, методами Ф. Н. Мильков называет и общие направленные процессы познания, и технические приемы географических исследований, и способы физико-географического районирования. Историческое ландшафтоведение пользуется очень разнообразными способами исследования. Это разнообразие обусловлено промежуточным положением науки и необходимостью использовать материалы как естественных, так и общественных наук. Классифицируя разнообразные способы исследования, мы исходили из того, что каждый из них применяется для изучения исторического процесса формирования ландшафтов. Об этом свидетельствует в названии спо-

¹⁰ Ф. Н. Мильков. Словарь-справочник по физической географии. М., 1966.

соба слово «историко» (историко-физико-географические, историко-топонимические и другие).

Особо следует остановиться на картографическом способе исследования, пользующимся широким распространением в исторической географии. Картографирование результатов исследования является неотъемлемой частью каждого способа. Например, использование историко-физико-географических способов не мыслится без составления карт современной и прошлой облесенности, заозеренности, заболоченности и т.п. Изучение исторических документов сопровождается составлением карт освоенности геокомплексов. Картографируются также географические названия, имеющие историко-ландшафтное значение, и другие объекты, необходимые для ретроспективного анализа геокомплексов. Учитывая такое универсальное употребление картографического способа исследования, автор не включил его в классификацию способов исследования.

Историко-физико-географические способы

Историко-физико-географические способы базируются на изучении наиболее динамичных элементов ландшафтов, которые мы называем природными индикаторами развития. Можно выделить три группы природных индикаторов — биогенные, гидроморфные и литогенные.

Очевидно, что наиболее динамичными компонентами, ландшафта являются растительность, животный мир, биоценозы, почвы. Историко-географическое изучение этих объектов заключается в выявлении реликтовых элементов, в наблюдении за динамикой ареалов за историческое время, в исследовании общего процесса развития. Основными способами изучения биогенных индикаторов являются: спорово-пыльцевой, палинтологический, радиоуглеродный и некоторые другие. Все эти способы достаточно специфичны, трудоемкими требуют специальной подготовки исследователя, поэтому историку-ландшафтоведу в основном приходится пользоваться готовыми данными.

Несколько иначе обстоит дело с изучением почв. Функциональная зависимость последних от многих факторов требует комплексного подхода при исследовании вопросов эволюции и изменения почвенных разностей. В современной структуре почвенного покрова отражены

процессы почвообразования, которые развивались в прошлом в иных природных условиях. Например, «поддубицы» свидетельствуют о распространении в прошлом широколиственных насаждений. Большой интерес представляет изучение погребенных почв, возникновение которых обязано как естественным, так и антропогенным факторам. В почвах имеются многочисленные «следы» прошлого землепользования. Историко-географической является проблема исследования почв, образовавшихся на различных сооружениях — развалинах крепостей и церквей, земляных валах и других.

Изучение всех этих вопросов требует знаний не только в области почвоведения, но и других наук — истории, экономической истории, топонимики и др.

Таким образом, у историко-ландшафтоведов имеется обширное поле деятельности при изучении почв — важнейшего индикатора развития и изменения географического комплекса.

К гидроморфным индикаторам относятся наиболее динамичные водные объекты: озера, болота, реки, ледники. Развитие этих объектов изучается частными географическими науками (лимнологией, болотоведением, потамологией, гляциологией), данные которых используются в историческом ландшафтоведении.

Литогенные индикаторы эволюции образуют две группы:

1. Связанные с динамическими формами — оврагами, эоловыми, карстовыми, береговыми и другими.

2. Связанные со стратиграфией преимущественно поверхностных отложений (годовые слои в древнеозерных отложениях, положение «пограничного» горизонта в торфяниках и др.)¹¹.

Физико-географические способы исследования применяются также для физико-географического районирования территории и изучения ее современной освоенности. Необходимым условием подобной работы является создание классификации морфологических единиц ландшафта по степени переработки их населением.

Историко-физико-географические способы разделяются на полевые и камеральные. На основе полевых исследований составляется ландшафтная карта (для чего изучаются «ключевые» участки, составляются профили и т.п.), устанавливается приуроченность к геокомплексам

---

¹¹ В. С. Жекулин. Историко-географические методы исследования территории. Учен. зап. Новгор. пединст., т. VI, Новгород, 1966. [69]

остатков древних захоронений (сопок, курганов, жальников и др.), строительных сооружений прошлого и т.п. «В поле» изучаются также «следы» прошлого землепользования, развития различных промыслов в связи с их влиянием на современные ландшафты. Кроме того, в природных условиях отбираются образцы для лабораторных анализов.

Остальные виды физико-географических работ (оформление карт, составление описаний, анализы собранного материала) проводятся в камеральных условиях. Среди них наиболее специфичными являются работы по определению современной освоенности геокомплексов.

Таким образом, историко-физико-географические способы, хотя и включают в себя многие элементы обычных ландшафтных исследований, все-таки имеют свои особенности. Проведение физико-географических работ «в поле» требует определенных знаний в области археологии, истории и других наук.

Необходимо подчеркнуть, что в основе как ландшафтоведения современности, так и исторической географии ландшафтов находится геокомплекс, структура которого изучается с различных точек зрения и разными способами.

Собственно исторические способы

Эти способы относятся к числу важнейших, так как исторические материалы наиболее полно характеризуют исторический процесс освоения и изменения ландшафтов. Учитывая богатейшее наследие историков по изучению документальных источников, отметим только некоторые принципиальные положения их использования в ретроспективном ландшафтном анализе. Прежде всего необходимо, чтобы каждый исследуемый источник имел «привязку» к изучаемой территории (в данном случае — к ландшафту). В этом отношении исключительно важное значение имеют картографические материалы прошлых исторических периодов.

Очень важно, чтобы каждый этап в истории освоения освещался однотипными источниками. Поскольку большая часть интересующих нас сведений находится в завуалированном виде, исследователю необходимо выработать определенные критерии интерпретации исторических материалов, зависящие как от целей исследования, так [70]

и от специфики самих источников. При этом обязательно следует учитывать ландшафтные представления авторов документов — древних актов, грамот, летописей и т.п.

Как показывает знакомство с источниками, ландшафтные представления древнерусских земледельцев были весьма разнообразными:

а) геометрическими — представления о фигуре и площади земельных участков;

б) детализованными — представления о тех элементах ландшафта, которые требуют их точной привязки к месту (например, при проведении земельных границ) или перечисления объектов (например, рыболовных тонь);

в) топологическими — представления о качестве места (пашни, сенокоса, леса и др.).

Дифференцированное восприятие природы сочеталось с целостным представлением природного урочища. Очевидно, что ландшафтные представления сложились у земледельцев в процессе сельскохозяйственного труда, в результате которого и происходили изменения ландшафта.

Таким образом, ландшафтные представления, изучаемые историко-психологическими способами, должны учитываться при интерпретации исторических материалов. Оценивая различные летописные свидетельства о природных явлениях, мы также должны принять во внимание уровень восприятий природы авторами хроник, который определяется условиями жизни и деятельности населения. Так, например, имеются работы, в которых используются летописные сведения о климате прошлых эпох, причем совершенно не учитывается историческая обстановка того времени. Но явление, например, засухи в одних случаях сопровождалось голодом населения, а в других — не оказало существенного влияния на экономику, так как гибель одних посевов компенсировалась посевами других хлебов и импортом продуктов из других районов. Неблагоприятное природное явление находится и цепи взаимосвязи — природа-хозяйство-население, и, вскрывая его происхождение и последствия, мы тем самым исследуем исторический процесс взаимодействия природы и общества.

Необходимо комплексно использовать всю информацию исторического источника, не ограничиваясь получением какого-либо одного сведения. Без такого отношения к источнику нам неизбежно придется неоднократно обращаться к нему по разным поводам. [71]

Источники целесообразно классифицировать по трем признакам: по ландшафтам, по историческим периодам, по полноте информации.

Исторические способы разделяются на историко-экономические и археолого-этнические. Первые связаны с качественным и количественным анализом материала о хозяйственной деятельности населения прошлых эпох. Так, например, приходится делать статистические подсчеты использования в прошлом сельскохозяйственных угодий по отдельным геокомплексам. Только применение количественных данных освоенности ландшафтов позволяет создавать карты ландшафтных аспектов прошлых эпох.

Археолого-этнические способы заключаются в сопряженном изучении вещественных документов и данных об этносе народов в прошлые века. Подробно методика подобных исследований изложена Л. Н. Гумилевым в выше цитированных работах.

Мы не остановились на технике изучения исторических источников, так как этот вопрос изложен в методических руководствах. Характеристика материалов будет дана в следующих разделах книги.

Топонимические и ландшафтно-лексикологические способы исследования

Изучение топонимов и нарицательных географических терминов позволяет восстанавливать особенности прошлых географических ландшафтов и характер изменения природы человеком. По этому поводу хорошо сказал В. П. Семенов-Тянь-Шанский: «Если внимательно проследить народные названия оседлостей в таких географических областях, где естественный географический пейзаж неоднократно претерпевал глубокие катастрофы, то по этим названиям можно во многих случаях хорошо восстановить первоначальный пейзаж отдельных мест в древности»¹².

Таким образом, топонимика как бы «закрепила» в данном ландшафте особенности освоения этой территории в прошлом и отдельные черты естественного комплекса. Поэтому неудивительно, что топонимический спо-

---

¹² В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест. Землеведение, т. 26, 1924. [72]

соб исследования широко используется как у нас, так и за рубежом.

Специфика его использования в историческом ландшафтоведении заключается в следующем: весь топонимический и ландшафтно-лексикологический материал суммируется по геокомплексам и анализируется в связи с ландшафтными особенностями и воздействием человека на природу.

Как оказалось, многие названия приурочены к определенным ландшафтам или их морфологическим единицам. Например, в Новгородской области топонимы засоленных мест, отражающие широколиственные породы деревьев (особенно дуб, а также клен, липу и др.), чаще встречаются в ландшафтах хорошо и умеренно дренированных моренных равнин, сложенных карбонатными породами.

Топонимы, образованные от термина «веретье» (сухая гряда среди болот, в древнерусской лексике — вытянутый участок земли), приурочен к ландшафтам плохо дренированных моренных и озерно-ледниковых равнин. Например, дд. Веретье и Русское Веретье расположены в Ильмень-Волховской низменности на длинной гряде среди обширных болот. Таким образом, в отдельных случаях двойная семантика предметных обозначений, лежащих в основе топонимов, может совпадать¹³.

Топонимы, образованные от «горы», «холма», в низменных ландшафтах Приильменья обычно приурочены к невысоким размытым моренным холмам или к возвышенным приречным участкам, удобным для сельскохозяйственного использования. Здесь обычно имеется прямое указание на объект (Горка, Горушка) или его использование (Пахотная Горка).

В холмисто-моренных ландшафтах чаще, по сравнению с другими, встречаются топонимы с двойным определением, уточняющим смысловое значение возвышенного участка (Крутая Горка, Плоская Горка и др.). Здесь также встречаются топонимы, образованные от слов, заменяющих по своему смысловому значению термин «гора» (Хиб, Болобан и др.). В условиях возвышенного часто эродированного рельефа, неудобного для устройства пашни, иногда наблюдается противопоставление поня-

---

¹³ В. С. Жекулин. Топонимические свидетельства изменения природы Новгородской области за историческое время. Учен. зап. НГПИ, т. XXI, 1967.

тий ГОРА (неудобное место) — ПОЛЕ (ровный, удобный для пахоты участок). Генетически урочища, с которыми связаны названия типа гора, холм, веретье, грива и др., обычно являются различными.

Ландшафтная локализация топонимов характерна и для названий других типов. Например, топонимика рыболовных угодий (тонь) озер Валдайской возвышенности хорошо связывается с происхождением и морфологией котловин: для котловин ледникового происхождения с изрезанной береговой линией характерны названия, отражающие детали подводного рельефа, а для котловин водно-ледникового генезиса, имеющих сравнительно плавные очертания, — названия, отражающие особенности берегового комплекса.

Географические названия обычно утилитарны по своей семантике. Они отражают отношение человека к природе, сложившееся в течение многовековой хозяйственной деятельности населения. Например, название Дубны не только свидетельствует о произрастании здесь в прошлом дубов, но и главным образом о наличии здесь плодородных почв — «поддубиц».

Таким образом, к каждому ландшафтному объекту, нашедшему отражение в топонимике, следует подходить с точки зрения его экономической значимости в прошлые исторические периоды. Особенно важное значение имеет изучение топонимов, отражающих характер сельскохозяйственной и промысловой деятельности населения. В топонимике Северо-Запада можно выделить целые группы названий, указывающих на:

1. Системы земледелия:
  - а. Подсечное — подсека, сук, репище, ляда, теребец, чисть и др.
  - б. Пашенное — поле (Триполье), пашня, полоса, клин, ветша и др.
2. Животноводство (точнее — кормовые угодья) — рель, луга, покосы, сено, наволок (иногда), а также пасека, бортник, скот и др.
3. Приусадебные земли — яблоня, хмель, конопля, сад и др.
4. Промыслы: солеваренный (соль), рыболовный (исад, котцы и др.), охотничий (зерема, векша, сокол и др.), лесной (смола, деготь), судовождение (волок).

Кроме того, представляют интерес топонимы, отражающие характер поселений — починки, новинки, новоселья, городища, рядки, села, селищи, деревни. Они нередко свидетельствуют о процессе заселения отдельных ландшафтов. Наконец, нельзя обойти вниманием группу названий, отражающих природные объекты: раститель-

ность (дуб, орешник, вяз, клен, бук и др.), рельеф (гора, холм, грива, гряда, дол и др.), литологию (камень, глина, песок), почвообразование (бель).

Среди топонимов всех групп можно выделить топонимы — прямые свидетельства. Это с семантической точки зрения «нарицательные» топонимы или топонимы ориентиры¹⁴. Сюда входят названия, которые одновременно являются и топонимами, и нарицательными предметными оозначениями. В основе географических названий находятся местные термины («рель» — Релки, «рамень» — Раменье).

Ко второму типу относятся топонимы — косвенные свидетельства (с плохо улавливаемым предметным смыслом). Они менее определены, могут иметь несколько значений в зависимости от характера местных условий.

Надо отметить некоторые трудности, стоящие на пути использования топонимики для целей исторической географии. Во-первых, многие названия произошли от фамилий владельцев или прозвищ первопоселенцев. Поэтому желательно использовать топонимы, двойной смысл которых исключается. Следовательно, названия типа «Дубки», «Дубцы», «Поддубье» имеют преимущество перед топонимом «Дубово», который мог образоваться от фамилии. Во-вторых, необходимо учитывать относительную негативность географических названий, которая заключается в том, что часто встречающиеся предметы не отражаются в топонимике, а редко встречающиеся, наоборот, служат основанием для образования многих географических названий. Так, например, топоним, образованный от горы, реже встречается в холмистой Валдайской возвышенности, чем в низменном Причудье. Многочисленные Горушки характерны и для Приильменя. Однако из относительной негативности названий нельзя делать далеко ведущих выводов.

Так, например, на Валдае действительно нечасто встречаются топонимы от горы, но зато здесь имеются многочисленные названия, отображающие детали холмисто-моренного ландшафта. Это понятно, так как в условиях многочисленных «гор» и холмов топоним Гора будет мало выразительным, поэтому здесь исстари подчеркиваются отдельные, важные для практического ис-

---

¹⁴ А. В. Никитин. «Собственное» и «нарицательное» употребление некоторых ландшафтных терминов. Учен. зап. Новгор. пед. инст., т. 6, вып. 2, 1962.

пользования особенности возвышенного рельефа. Другое дело, низменные монотонные ландшафты, здесь каждая гора и горушка — выдающееся урочище, для обозначения которого не требуется уточняющих определений.

Вряд ли можно согласиться с Е. Л. Любимовой и Э. М. Мурзаевым по поводу относительной негативности названий, связанных с дубом¹⁵. Действительно, в Новгородской области многие населенные пункты имеют названия, образованные от слова «дуб». Однако это не свидетельствует о редкой встречаемости дуба в прошлом. В прошлом дубовые леса занимали наиболее благоприятные местоположения: хорошо дренированные участки, склоны южных экспозиций, под ними формировались относительно плодородные «поддубицы». Часто насаждения с дубом развивались в придолинных и приозерных условиях, поэтому естественно, что первопоселенцы устраивали свои поселения на месте или около дубовых рощ. Кроме того, прочная древесина дуба широко использовалась в поделочных целях. Таким образом, экономическая значимость дуба и «дубовых местоположений» была больше, нежели ели и «еловых урочищ». Отсюда понятно широкое распространение названий, связанных с дубом. Таким образом, есть все основания выразить сомнение в универсальном применении закона негативности географических названий.

Кроме отдельных топонимов, исследуются топонимические комплексы, под которыми понимаются группы названий, характеризующие в своей совокупности освоенность территории. Например, в Южном Приильменье в связи с активной хозяйственной деятельностью населения сложился комплекс названий, отражающих пашенное и подсечное земледелие, качество земли, некоторые промыслы.

Изучение сопровождается составлением аналитических и комплексных ландшафтно-топонимических карт. Кроме того, полезно использовать для более подробного анализа крупномасштабные карто-схемы ландшафтных ситуаций, сопутствующих тому или иному топониму.

Таким образом, применение топонимических способов исследования предполагает проведение как полевых, так

---

¹⁵ Е. Л. Любимова, Э. М. Мурзаев. Топонимические свидетельства географических условий прошлого Русской равнины. Современные проблемы географии, М., 1964. [76]

и камеральных работ. Изучение топонимики обычно проводится сопряженно с лексикологическим анализом ландшафтных терминов. Однако не все слова древнерусской лексики, представляющие интерес для изучения освоения ландшафтов, нашли свое отражение в современных названиях. Например, в Новгородских актах часто встречается термин «притереб» (расчищенный участок), который не использовался для образования топонимов.

Известно, что многие слова, такие, например, как пожня, рель, прогон, нива и др., существуют с X—XII вв., причем значение некоторых терминов изменилось. Например, в древнерусской лексике «лядина» — это преимущественно угодье, а в современных говорах этим словом обозначают участок, покрытый мелколиственным лесом.

Консерватизм некоторых слов, обозначающих природные урочища, позволяет судить о происшедших ландшафтных изменениях. Например, термин «лука» указывает на излучину реки. В дальнейшем, хотя река и спрямляет свое русло, ликвидировав меандр, название урочища «лука» продолжает жить в говоре местных жителей.

Нанесение географических терминов на крупномасштабную ландшафтную карту позволяет лучше понять исторический процесс освоения данного комплекса человеком. При этом мы сталкиваемся с проблемами микротопонимики, которая разрабатывается исключительно лингвистами. Следует отметить интересную работу В. П. Строговой¹⁶. Однако микротопонимические исследования следует проводить совместными усилиями лингвистов и историко-географов. Это позволило бы под многочисленные микротопонимы подвести ландшафтно-генетическое обоснование, что, несомненно, помогло бы и более точно определить их семантику.

При изучении ландшафтной лексики необходимо пользоваться словарями И. И. Срезневского, В. И. Даля, Г. Е. Кочина, Э. и В. Мурзаевых и др. Но каждому исследователю полезно иметь свой словарь местных географических терминов. Для этого следует сделать выборку слов из имеющихся словарей, дополнив ее терминами, обнаруженными в исторических источниках и при полевом обследовании местности. При этом очень важно создать

---

¹⁶ В. П. Строгова. Микропонимия с. Березовский Рядок (Бологовский район Калининской обл.). В сб. «Микропонимия», МГУ, 1967. [77]

классификацию терминов-ориентиров, указывающих на исторический процесс изменения ландшафтов.

Таким образом, топонимические и ландшафтно-лексикологические способы могут оказаться весьма полезным при их квалифицированном использовании.

О комплексном способе исследования

Подразделяя способы на историко-физико-географические, собственно исторические, топонимические, мы допускаем известную абстракцию, так как в своей практической работе историк-ландшафтовед применяет их одновременно, что способствует более глубокому раскрытию сущности исторических изменений ландшафтов. Например, для того, чтобы убедиться в правильности выводов, вытекающих из анализа топонимического материала, желательно подтвердить их данными палинологического анализа и сведениями из исторических документов. Другой пример — анализируя писцовые книги, вы неизбежно будете черпать из них не только сведения историко-экономического характера, но и использовать материя по топонимике и лексике. Наконец, обнаружив при полевом исследовании ландшафта «следы» прошлой деятельности человека, необходимо обратиться к историческим документам и ландшафтной лексике.

Таким образом, с какой бы стороны ни подходил исследователь к изучению исторического процесса, он обязан использовать весь комплекс имеющихся сведений, что потребует от него синтетического подхода к проблеме освоения и изменения ландшафтов.

Следует указать и на такой объединяющий момент как специфика самого ландшафта, которая влияет на экономику и сельское расселение и находит определенное отражение в исторических документах, топонимике и лексике.

Таким образом, мы вправе говорить о комплексном способе исследования, определяемом задачами изучения истории освоения и изменения ландшафта. Особенно ярко этот способ отражается в историко-ландшафтном картографировании.

Историко-ландшафтное картографирование

Сущность историко-ландшафтного картографирования заключается в показе на карте ландшафтных аспек-

тов различных исторических периодов. Поэтому каждая историко-ландшафтная карта должна обязательно отражать геокомплексы, а не отдельные компоненты географической среды. Имеющийся в литературе опыт относится не к истории ландшафтов, а к изменению отдельных компонентов — растительности, животного мира и др.¹⁷ Различная освоенность территории в разные периоды нередко характеризуется картами заселенности¹⁸. Методические вопросы использования отдельных видов исторических источников в целях сравнительной картографии разрабатываются А. В. Гедыминым, А. Т. Харитонычевым и др.¹⁹

Особенное внимание исследователей привлекали вопросы исторических изменений лесистости.

Таким образом, в литературе освещались отдельные вопросы картографирования исторических изменений природных процессов и явлений. Для того, чтобы отобразить исторический процесс освоения и изменения комплексов, необходима серия историко-ландшафтных карт, выполненных в одном масштабе. Сведения исторических источников, в частности древних карт, должны не автоматически переноситься на современную основу, а служить материалом для составления новых карт с иным содержанием. Наш опыт историко-ландшафтного картографирования относится к территории Новгородской области, имеющей весьма разнообразные природные условия. Исторический процесс освоения и изменения ландшафтов отражается на картах раннего славянского времени (VI—IX вв.), XV—XVI вв. (по писцовым книгам), XVIII в. (по материалам Генерального межевания), XIX в. (по земским материалам и картам), современного времени (по данным ландшафтной съемки с учетом сведений о современной освоенности ландшафтов). Все карты выполнены в масштабе 1:600 000, являющемся вполне приемлемым для исследования комплексов, находящихся в таксономическом ранге групп урочищ и крупных урочищ. Для всех карт принята единая ландшафт-

¹⁷ Л. С. Берг. Климат и жизнь. М., 1947. Е. Л. Любимова. О распространении широколиственных пород на Русской равнине в историческое время. В кн. Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира, 1962.

¹⁸ А. Т. Харитонычев. Роль хозяйственной деятельности...

¹⁹ А. В. Гедымин. Опыт использования материалов Генерального межевания в географических исследованиях. Вопросы географии, сб. 50, М., 1960.

ная основа, аналогичная основе карты современных геокомплексов. Литогенная основа выполнена цветовым фоном, буферные свойства других компонентов отмечены в легенде. Различной штриховкой показана степень измененности природы комплексов, которые разделяются на окультуренные (с. х. угодья занимают всю территорию, причем преобладают пашни), сильноизмененные — пашни занимают 70—100%, измененные — на пашни приходится 50—70%, слабоизмененные — с. х. земли занимают менее 30%, неизмененные — с. х. земли встречаются отдельными «островками». Кроме того, указывается характер освоения — водораздельное, долинное, водораздельное и долинное и т.п. Классификация является единой для всех карт, хотя очевидно, что характер освоения менялся в связи с развитием производительных сил. Внемасштабными значками на картах показаны некоторые промыслы, связанные с использованием природных ресурсов, судоходные и сухопутные пути, каналы, бейшлоты, крупные населенные пункты. Кроме карт ландшафтных аспектов, необходимо составлять аналитические историко-ландшафтные карты: ландшафтно-топонимические, сельского расселения, экономические и др. Все дополнительные сведения наносятся на ландшафтную основу.

Для того, чтобы исторический процесс освоения территории нашел логическое завершение на карте современных ландшафтов, к последней следует предъявить ряд требований:

1. На карте должна быть указана степень освоенности комплексов. На ландшафтной карте Новгородской области освоенность показана штриховкой в следующих градациях: 0—10, 10—20, 20—30, 30—40, 40—50, 50—60, 60—70, 70—80, 80—90, 90—100%.

2. Освоенность необходимо учитывать в легенде карты.

3. На карте необходимо отмечать реликтовые элементы ландшафта и реликтовые комплексы.

В заключение отметим, что актуальность проблемы историко-ландшафтного картографирования была отмечена С. П. Суловым еще в 1917 г. Он в частности предлагал провести «опыты по составлению карт культурных ландшафтов с параллельной картой восстановленных ландшафтов того же масштаба и увязать их легенды; карты рельефно покажут разницу степени воздействия населения в различ-

ных участках территории»²¹. Но очевидно, что в настоящий момент следует более широко ставить задачи исследовательской работы в этом направлении — необходимо создавать серии карт, отражающих исторический процесс формирования современных ландшафтов. К сожалению, такая работа проводится еще явно недостаточно. Большинство физико-географических карт, за исключением карт растительности, преимущественно дают картину естественной природы. Об освоенности населением территории можно судить только по экономическим картам, что, конечно, создает неполное представление. Очень важно показать освоенность как природных комплексов, так и отдельных компонентов географической среды на картах, предназначенных для учебных целей, что, к сожалению, до сих пор еще не делается.

Следует надеяться, что развитие конкретных исследований в области исторического ландшафтоведения создает необходимые предпосылки для более широкого внедрения в практику историко-географических карт.

О кадастре освоенных ландшафтов

Вопрос о необходимости создания кадастра геокомплексов в какой-то мере является дискуссионным, ведь в нашей стране проводятся большие работы по физико-географическому районированию, в результате которых выполнены комплексные описания многих территорий.

К сожалению, большинство описаний не является однотипным и не содержит необходимые сведения об освоенности конкретных геокомплексов. Кадастр любых природных объектов (лесов, болот и других) содержит свод кратких, но конкретных данных с использованием количественных показателей о данном объекте. Сведения кадастра отбираются с учетом их практической необходимости. Трудность составления кадастра освоенных ландшафтов заключается в том, что в нем наряду с краткими сведениями о природе необходимо привести количественные данные об измененности комплекса и населении — главном преобразующем факторе ландшафта. Окончательному оформлению кадастра предшествует большая работа по статистической обработке всех данных по

---

²¹ С. П. Сулов. Основные методические и организационные вопросы советских географов. Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда, т. III, М., 1949, стр. 521. [81]

каждому выделенному в процессе районирования геокомплексу. При составлении кадастра геокомплексов Новгородской области мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, необходимо было показать объективную картину современной освоенности ландшафтов и, во-вторых, привести сведения о сельском расселении, представляющие интерес как для исторического ландшафтоведения, так и для географии населения. Для всех 338 комплексов были собраны и систематизированы следующие сведения: номер комплекса и его распространенное название, общая площадь, неосвоенная площадь, освоенная площадь, % освоенности, количество населения, плотность населения, количество населенных пунктов, густота населенных пунктов, людность населенных пунктов (средняя, до 10 чел., 10—25, 25—50, 50—75, 75—100, 100—125, 125—250, 250—500, 500—1000, свыше 1000 чел.). Кроме того, по отдельным комплексам, представляющим интерес для ретроспективного изучения, собраны дополнительные сведения о развитии хозяйства в отдельные периоды истории. В целом сбор исторических сведений проводился по природным округам.

Каждый конкретный геокомплекс имеет на ландшафтной карте свой номер²². Работа по составлению Карты современной освоенности ландшафтов и Кадастра ведутся одновременно. Таким образом, между историко-ландшафтным картографированием и составлением кадастра имеется прямая связь.

Историко-ландшафтное районирование

В целом районирование играет подчиненную роль в историко-ландшафтных исследованиях, так как основная работа по выделению геокомплексов выполняется в процессе физико-географического районирования. На долю историко-ландшафтного районирования остается решение двух задач: во-первых, региональная систематика геокомплексов по степени их освоенности для заданного этапа истории и, во-вторых, разделение территории по возрасту и характеру освоения ее комплексов.

---

²² Примеры кадастрового описания содержатся в Приложении. См. В. С. Жекулин. Современная освоенность ландшафтов Новгородской области. Изв. ВГО, вып. 5, 1971. [82]

Районирование выполняется на основании карт ландшафтных аспектов, причем анализируется либо карта одного периода, либо серия карт, характеризующих всю историю ландшафтных изменений.

Хотя историко-ландшафтное районирование и преследует свои узко специальные задачи, оно может иметь значение для других наук, особенно для исторической экономической географии, экономической истории, топонимики и некоторых других.

Материалы историко-ландшафтных исследований

В этом разделе остановимся на исторических источниках, являющихся одним из основных видов материала, с которыми имеет дело историк-ландшафтовед. Очевидно, что в зависимости от региона исследования характер материалов будет варьировать, поэтому мы ограничимся только описанием наиболее известных источников, содержащих однотипные сведения, применимые для различных районов СССР.

Следует сразу отметить, что историк-ландшафтовед должен изучать первоисточники, а не ограничиваться ссылками на исторические исследования. Следовательно, работа в архивных учреждениях — один из основных видов деятельности специалистов этого профиля.

Большая часть материалов содержится в следующих архивах страны, входящих в Государственный Архивный Фонд СССР: Центральный государственный архив древних актов СССР в Москве (ЦГАДА), Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИА), Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА), Центральный государственный архив военно-морского флота СССР в Ленинграде (ЦГАВМФ), областные и краевые архивы. Среди ведомственных архивов следует указать рукописные отделы библиотек им. В. И. Ленина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранилища при Институте истории АН СССР (в Москве и Ленинграде), при Государственном историческом музее, при местных историко-архитектурных и краеведческих музеях.

Среди опубликованных источников наиболее важное значение имеют актовые материалы, летописи, писцовые книги, материалы по оценке земель, описания путешественников и некоторые другие.

Актовые материалы. Актовые материалы — купчие, меновные, духовные, раздельные, ободные межевые, договорные грамоты — относятся к числу древнейших источников, характеризующих состояние экономики XII—XIV вв., т.е. они появились ранее писцовых книг. Основное значение этих юридических по своему содержанию документов заключается в том, что они содержат много сведений по характеру землепользования в различных районах. Это позволяет создавать региональные классификации сельскохозяйственных угодий, а также изучать другие виды природопользования.

Грамоты содержат богатый материал по ландшафтной лексике и топонимике. Очень важно, что многие акты отражают начальные этапы формирования пашенного земледелия. В это время складывается и система деревенских поселений на Северо-Западе, что привело к образованию первых окультуренных комплексов. Сборники опубликованных актов отражают различные районы страны²³. Следует отметить массовый характер информации, содержащейся в этом источнике.

Имеют значение также акты XVII—XVIII вв.²⁴.

Летописи. Летописи содержат много ценных сведений, относящихся к XI—XVI вв. События русской жизни этого периода нашли отражение в Новгородской (1, 2, 3 и 4), Псковской, Софийской, Никоновской, Ипатьевской, Лаврентьевской, Тверской, Типографской, Московской и других летописях. Все они объединены в «Полное собрание русских летописей», которое весьма удобно для использования. Имеются многочисленные исторические и филологические исследования, посвященные русскому летописанию. Среди них своей полнотой выделяются работы А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева,

---

²² В. С. Жекулин. Историческая география и вопросы природопользования. Учен. зап. пединст. им. Герцена, сб. № 350, Л., 1970.

²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949. Акты Литовско-Русского государства, изданные Довнар-Запольским. М., 1899. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863.

²³ {Так в источнике. В тексте сноски не указана} Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV начала XVI вв., т. I, М., 1952, т. II, М., 1963, т. III, М., 1964 и др.

²⁴ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. М., 1957 и другие. [84]

А. Н. Насонова и других²⁵. В этих трудах приводятся указатели летописных памятников.

Наряду с другими в летописях приводятся сведения, имеющие историко-географический интерес: о затмениях солнца и луны, полярных сияниях, прохождении комет, сильных бурях и зимних грозах, необыкновенных явлениях (выпадении с дождем зерен пшеницы, ржи, камней, «трясении почвы» и другие). Имеются данные о погодных явлениях: засухи, сильные морозы, теплые зимы, дождливое лето, а также о половодьях на реках, сильных бурях и другие. Несомненный интерес представляют материалы о распространении на русской земле голода, являющегося следствием как социально-экономических, так и естественно-географических причин.

Использование материалов летописей может приводиться по следующим основным направлениям:

а. Изучение атмосферных и климатических явлений.

б. Изучение гидрологических явлений.

в. Изучение отдельных процессов, связанных с земной корой («трясение земли», оползни и другие).

д. Изучение данных о голодных годах, позволяющих не только косвенно судить о неблагоприятных природных явлениях, но и сделать некоторые выводы о взаимодействии человека и природы.

В литературе имеются попытки географической интерпретации сведений, содержащихся в летописях²⁶. Все они относятся к проблеме климатических изменений за историческое время.

Основной недостаток летописей как источника по историческому ландшафтоведению заключается в отсутствии массовой и однотипной информации о различных районах. В них мало данных о землепользовании. Летописцы обращали внимание главным образом на выдающиеся природные явления в связи с их влиянием на жизнь населения. Поэтому летописные сведения могут

²⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М., 1938, Д. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, А. Н. Насонов. История русского летописания XI начала XVIII века. М., 1969.

²⁶ М. А. Боголепов. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. Землеведение, кн. III—IV, 1907. И. Е. Бучинский. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954. А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. Зап. Геогр. об-ва том 16, новая серия, М.—Л., 1957.

быть использованы в качестве стержневых материалов только при характеристике климата. Что же касается других данных, то они должны использоваться в качестве дополнительных материалов при характеристике освоения ландшафтов.

Писцовые книги. Писцовые книги являются уникальным письменным источником, характеризующим состояние сельского хозяйства и некоторых промыслов в конце XV и в XVI вв. До нас дошли главным образом Новгородские писцовые книги (НПК): книги Деревской и Вотских пятин — полностью, книги Обонежской и Бежецкой пятин — в отрывках. Таким образом, описания охватывают почти всю территорию Северо-Запада (за исключением Псковской области), а также часть Севера (Обонежье) и Центра Русской равнины.

Книги составлялись в период конфискации земельных владений новгородских бояр, житых людей, монастырей, купцов; после поражения Новгородской республики земли были отписаны во владения великому князю Ивану III или его служилых людей. Производилась полная опись селений с указанием количества дворов, числа душ, размера посева и количества накашиваемого сена. Кроме того, указывался старый и новый доход владельца с данного селения. Подробная экономическая характеристика крестьянских хозяйств преследовала цель определения налога в пользу нового землевладельца.

В писцовых книгах есть указания на системы земледелия, развитие рыболовного, охотничьего, железоделательного, солеварного промыслов, отмечаются многие географические объекты — селения, реки, озера и другие,

Основное значение НПК заключается в том, что они содержат массовый материал, свидетельствующий о характере воздействия населения на ландшафты в феодальную эпоху. Эти материалы мы рассматриваем как стержневые для характеристики средневекового этапа освоения территории. В Новгородских писцовых книгах описаны десятки тысяч деревень. Для того, чтобы составить себе правильное представление об освоенности ландшафтов, нами было предпринято площадное и выборочное изучение погостов и отдельных групп селений, приуроченных к конкретным ландшафтам. При этом руководствовались следующими соображениями: во-первых, выбирались погосты, расположенные в наиболее характерных и типичных ландшафтах, во-вторых, предпоч- [86]

тение отдавалось погостам, наиболее полно отраженным в писцовых книгах одного периода, в-третьих, выбирались погосты, отраженные в писцовых книгах разные периодов.

Таким образом, использовался пространственно-временной способ изучения писцовых книг. Всего было изучено около 60 погостов и волостей, расположенных в Приильменской низменности, Предвалдайской полосе, Валдайской и Вепсовской возвышенностях, Метинской впадине, Ордовикском плато. Для изучения древней освоенности ландшафтов, расположенных в Шелонской пятине, большую помощь оказало обстоятельное исследование А. М. Андрияшева²⁷. Работа автора сводилась к «привязке» селений к конкретным контурам ландшафтной карты и к определению в отдельных случаях суммарного посева как показателя степени освоенности ландшафтов. Последнее положение требует разъяснения. Дело в том, что различные крестьянские дворы одного селения нередко принадлежали разным владельцам. Поэтому приходилось проводить статистическую обработку данных писцовых книг. Кроме того, автору по многим погостам приходилось устанавливать местонахождение многих населенных пунктов. Но основная работа, конечно, заключается в ландшафтной интерпретации данных НПК и в пространственной локализации добытых сведений. При этом особенно большое внимание уделялось починкам и пустошам, которые характеризуют изменения, происходящие в освоении населением ландшафтов.

Материалы Генерального межевания. Генеральное межевание в России проводилось в конце XVIII в. (в большинстве губерний Европейской части с 1776 по 1788 г.) и имело целью установление границ частных владений и казенных земель. Материалы Генерального межевания представлены двумя видами источников — картами и «Экономическими примечаниями». Картографические материалы состоят из планов дач (масштаб 100 саж. в дюйме), уездных атласов, включающих карты масштаба 1 верста в дюйме, губернских карт масштаба 7—8 верст в дюйме. На «Генеральной карте Новгородского наместничества», относящейся к 1790 г., показаны города, монастыри, села, сельцы, горы,

²⁷ А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1911. [87]

озера, перевозки, пристани, заводы, фабрики. Кроме того, на карте имеется описание городов: Новгорода, Старой Руссы, Крестцов, Валдая, Боровичей, Устюжжелезнопольска, Белозерска, Кириллова, Череповца.

Наибольший интерес представляют уездные карты, на которых, кроме перечисленных объектов, показаны различные типы сельскохозяйственных угодий — пашни, сенокосы, леса, болота.

Уездные карты могут использоваться в двух направлениях: во-первых, для изучения истории угодий и, во-вторых, для создания карты ландшафтных аспектов, отражающей степень освоенности комплексов в XVIII в. Для реализации последней задачи необходимо, кроме карт, использовать «Экономические примечания» к Генеральному межеванию. В них содержатся статистические сведения о населенных пунктах и земельных владениях (усадебные земли, пашни, покосы, леса, неудобные земли)²⁸. Кроме того, иногда приводятся данные о древесных породах и животных. Но все-таки наиболее важное значение имеют сведения о землепользовании, в частности материалы о пустошах. Наряду с количественными данными содержатся краткие характеристики земель. Например, «... Земля иловатая с песком. Хлеб посредственный. Сенокос хороший. Лес строевой и дровяной. Крестьяне на положенном оброке»²⁹. По степени подробности описаний выделяются Полные и Краткие экономические примечания. Полные примечания не охватывают всей территории Новгородской губ., поэтому приходилось использовать Краткие примечания.

Большое значение материалов Генерального межевания заключается в том, что они содержат массовую информацию о земельных владениях и населенных пунктах, причем все сведения имеют точную «привязку» к географической карте. Не случайно карты межевания использовались как для нахождения поселений, отмеченных в писцовых книгах, так и для составления карт XIX в. (например, карты Менде).

Все материалы являются рукописными и хранятся в ЦГАДА. Карты (планы) отдельных дач иногда могут быть обнаружены в областных архивах.

²⁸ Экономическим примечаниям посвящена большая литература. См., например, Л. В. Милов. Исследование об экономических примечаниях к Генеральному межеванию. М., 1965.

²⁹ ЦГАДА, ф. Новгородская губ., д. № 22, л. 31.

Военно-Топографические описания. Относятся к числу ценнейших источников XVIII в. Обстоятельная характеристика Топографических описаний как исторического источника принадлежит Н. Л. Рубинштейну, в работе которого приводится перечень всех материалов с указанием поисковых данных³⁰. В этом источнике содержится как общая, так и уездная характеристика наместничеств и губерний. Несомненный интерес имеют данные о природе (растительности, животном мире, реках и др), землепользовании (количестве земли под сельскохозяйственными угодьями, под лесами, чистыми мхами, реками, озерами), технике земледелия, развитии промыслов, судоходстве и др.

Военно-Топографические описания для многих территорий являлись первыми географическими описаниями, причем составленными в одном плане. Материалы «описаний» и «обзрений» необходимо использовать сопряженно с данными Генерального межевания.

Кроме Военно-Топографических описаний, в XVIII в. создавались карты военных лагерей, маршрутов движения войск, дорог и др. Эти карты составлялись в крупном масштабе (в англ. дюйме 100 саж.) и имели отдельные сведения, интересные для историка-ландшафтоведа, — данные о соотношении сельскохозяйственных угодий, о числе дворов в каждом селении. Созданием подобных карт первоначально занимался Генеральный штаб, а впоследствии (с 1797 г.) специальное Депо карт.

Со всеми перечисленными материалами можно ознакомиться в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве.

Материалы о лесах. Леса традиционно привлекали внимание государственных учреждений и частных лиц.

Среди многочисленных материалов о лесах наибольший интерес представляют лесные карты, иногда объединенные в атласы. Примером такого атласа является «Атлас (описным прошлого 1800 года) лесам в разных дачах Новгородской губернии»³¹. Масштаб лесных планов от 100 до 250 саж. в англ. дюйме. На них показаны леса, пашни, покосы, болота, реки. На планах имеется пояснительный текст, включающий статистические сведения о

---

³⁰ Н. Л. Рубинштейн. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. Вопросы географии, сб. 31, 1953.

³¹ ЦГИА, ф. 380, оп. 183.

размере дачи, о площади различных угодий, о качестве грунтов, о лесах и возможностях их использования. На некоторых планах имеются специальные таблицы, характеризующие качество леса в количественном выражении. Графы таблиц имеют следующий вид:

Толщина в дюймах	Кленовый			Вязовый		
	Всего	Годного	Впредь благонадежного	Всего	Годного	Впредь благонадежного

Кроме того, о лесах содержатся многочисленные сведения, рассеянные в материалах лесничеств, описаниях лесных дач, в делах об устройстве лесных дач, в описаниях казенных лесов и т.п.³²

Материалы земских учреждений. В пореформенное время (после 1861 г.) земские учреждения проводили интенсивное географическое изучение России. Они опубликовывали «материалы по оценке земель», «оценочные данные о лесах», почвенные географические очерки, различные статистические сборники. В «Материалах по оценке земельных угодий» имеются сведения о распределении земель по угодьям (усадыба, пашня, покос), содержится подворная опись селений и частновладельческих хозяйств (состав населения, грамотность, земледелие, скотоводство, промыслы и др.).

Большой интерес представляют данные об урожайности культур, валовой доходности десятины пашни, покоса. Материалы содержат много таблиц и карто-схем. В таблицах по волостям приводятся данные о пашнях (навозных, не навозных), покосах (заливных, суходольных), выгонах, лесах (по суходолу, по болоту), общем количестве удобных и неудобных земель. Представляют интерес карто-схемы распределения плотности населения, соотношения между угодьями различных типов и др.

Земские материалы по оценке лесов, систематизированные по отдельным уездам, содержат сведения о породном составе насаждений и их использовании.

Ценность земских материалов — в большой подробности характеристик. Главное направление в их исполь-

³² ЦГИА, фф. 387, 515, 379.

зовании — локализация всех статистических сведений на ландшафтной карте. Волости — небольшие по площади административные единицы, и поэтому они легко сопоставляются с ландшафтами. Там, где административные и ландшафтные границы не совпадали, приходилось «разрывать» территорию волости и все подсчеты по землепользованию вести по отдельным селениям.

Материалы о судоходстве. В архивах страны содержится много сведений о развитии судоходства в России и преобразовании водных путей. Важнейшие судоходные пути проходили по Новгородской губ., поэтому большой историко-географический интерес имеют планы и карты Вышневолоцкой, Мариинской, Тихвинской водных систем, планы каналов и карты порогов³³.

Материалы путешественников. Материалы путешественников по России являются очень разнообразными как по широте охвата географических вопросов, так и по детальности описаний. Большую роль играла личность самого ученого, степень его научной подготовленности и интересы. Для исторического ландшафтоведения представляют интерес сведения об изменениях природных условий. Однако объективная характеристика природы или хозяйства исторического прошлого также имеет большое значение: она позволяет судить о всех изменениях, которые произошли в будущем. Большинство путешественников были географами широкого профиля, поэтому в их описаниях содержатся сведения о природе, населении и хозяйстве.

Рассмотрим вопросы использования материалов путешественников на примере Новгородской губернии. До XVIII в. описания путешественников не имеют большого значения для изучения освоения ландшафтов. Путешествия Герберштейна, Ричарда Ченслера, Т. Соутема и Дж. Спарка, Адама Олеария не дали большого материала для исторической географии ландшафтов. Попутно заметим, что в знаменитой «Книге Большому чертежу» (1627 г.) о Северо-Западных областях содержится значительно меньше сведений, чем, например, о центральных районах Европейской России.

XVIII в. — время активного географического изучения Новгородской губ. В 1768—1769 гг. по губернии путешествовали академики С. Г. Гмелин, И. С. Паллас,

³³ См. например, ЦГИА, ф. 1487, оп. I. ЦГВИА, ф. ВУА.

И. Б. Фальк. В 1775 г. через Новгородскую губ. проехал И. А. Гильденштедт, а в 1779 г. — Эрик Лаксманн.

К первой половине XIX в. относятся путешествия В. М. Севергина, Н. Я. Озерецковского, Э. И. Эйхвальда. Вес перечисленные ученые относятся к числу признанных научных авторитетов и уровень их описаний является типичным для XVIII и XIX вв. Основная форма описаний — дневник, в который заносятся все сведения, обратившие на себя внимание путешественника.

В нашу задачу не входит подробное описание путешествий. Нам придется ограничиться примерами из описаний, представляющих интерес для географии ландшафтов.

При описании природных условий путешественники отмечали изменения ландшафта по пути следования, а также обращали внимание на практическую значимость отдельных природных ресурсов. Так, например, на всех путешественников произвели большое впечатление «Валдайские горы», которые «по справедливости можно назвать флечами, которые состоят из разных друг на друге лежащих слоев, кои содержат в себе разного рода землю, особливо известь и глину, также разные камни, наипаче шиферные»³⁵.

Путешественники обращают внимание на полезные ископаемые Валдайской возвышенности: каменный уголь, охру, серный колчедан, соляные источники, вытекающие из подошвы «гор» (Гмелин, Паллас, Лаксманн)³⁶. Представляют интерес указания С. Г. Гмелина и Гильденштедта на дубовые леса на Валдае. В частности Гильденштедт отмечает большие дубы в районе Яжелбиц³⁷.

На динамические явления природы обращали внимание Эйхвальд и Н. Я. Озерецковский. Так, Эйхвальд указывает, что в прошлом на месте обширных болот в районе Белебельска (Белебелки — В. Ж.) и Должина были леса. В качестве доказательства путешественник приводит находки «больших толстых корней сосен и других хвойных деревьев»³⁸. Большими лесами и болотами бы-

³⁵ С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Спб., 1771, стр. 5.

³⁶ И. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1809. Лагус Вильгельм. Эрик Лаксманн, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Спб., 1890.

³⁷ Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза. М., 1947, стр. 229.

ла в прошлом окружена Старая Русса, а большая заболоченность была связана с тем, что «Ильменское озеро делало повсюду наводнения». Н. Я. Озерецковский, которому принадлежит весьма обстоятельное описание губернии, обратил внимание на изменчивость положения восточного берега озера Ильменя. В связи с этим путешественник подробно описывает все прибрежные деревни, полуострова и впадающие в озеро реки³⁹.

Динамика ильменского берега была зафиксирована также Эйхвальдом. Он в частности указывал, что южный берег в районе с. Коростыня разрушается, и «озеро здесь увеличивается».

В описаниях обычно уделяется много места развитию соляного промысла в г. Старой Руссе, а также сельскохозяйственному использованию земли. Н. Я. Озерецковский с сожалением пишет о том, что в связи с вываркой соли «истребляется необъятное множество лесу в такой стране, в которой он давно уже изведен». По мнению ученого, правительство «со временем пожалеет о лесе»⁴⁰. Представляют также интерес сведения о железоделательном промысле, распространенном в восточных уездах губернии, особенно в Устюгажелезнопольском у. (Озерецковский, Я. Сиверс).

Некоторые ученые отмечали низкое качество обработки земли. Так, например, И. С. Паллас совершенно справедливо критиковал русские пахотные орудия (соху, финскую борону), с помощью которых можно «взорать только поверхность пашни» и едва прикрыть землю посеянные семена. Поэтому в сухие годы часто бывает неурожай. Такой вывод сделал И. С. Паллас по дороге из Петербурга в Новгород.

Н. Я. Озерецковский подробно описывал в Лужском у. подсечную систему земледелия, которая, несомненно, выглядела архаичной по сравнению с трехпольем. Анализируя состояние земледелия, путешественник приходит к выводу, что «единственное средство к поправлению земли есть удобрение оныя, а не разширение па-

³⁸ Эйхвальд. Извлечение из замечаний Д. С. С. заслуж. проф. и акад. Эйхвальда во время путешествия по оз. Ильменю и окрестн. Старой Руссы. Спб., 1856, стр. 22, 24.

³⁹ Н. Я. Озерецковский. Путешествие акад. Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. Спб., 1812, стр. 516.

⁴⁰ Там же, стр. 500, 501.

шен»⁴¹. Он также отмечал недостаток покосов. Некоторые путешественники давали образные характеристики природы, представляющие интерес для сравнительного анализа. Например, вот как описывается местность в бассейне р. Шелони Э. Лаксманном: «Почва плодородна, значительные реки и ручьи, обширные поля с постепенно возвышающимися вершинами, прекраснейшие леса со множеством дубового леса и милостивые луга чередуются постоянно, причем поверх Сольцов ревушие водопады украшают вид...»⁴².

Для В. М. Севергина характерно стремление дать точную ландшафтную характеристику описываемой территории. Например, в описании местности по дороге от Спасской Полисти к Подберезью говорится: «Холмы становятся чаще, но леса реже, и токмо изредка попадает березняк, смешанной с сосною и елью. Почва однакоже в разных местах болотистая, состоящая из черной земли; местами находится красный песок, так как и многие холмы состоят из сего песку, покрытого сверху на два дюйма черноземом»⁴³.

Географические словари и описания. В XIX в. был издан ряд словарей и описаний Российской империи. В «Географическом словаре Российского государства» содержится описание населенных пунктов, поверхности, рек и других объектов, заимствованное главным образом из материалов путешественников по Новгородской губ.⁴⁴

Более подробно Новгородский край описывается в «Землеописании Российской империи для всех состояний», составленном Е. Зябловским⁴⁵. В нем подробно характеризуются водные сообщения, «естественные произведения»: культурные растения, деревья, животный мир, ископаемые и т.п., а также хозяйство губернии: сельское хозяйство, промышленность, соляной промысел, рыбная ловля, орудия труда и другие. В «Описании» высоко оценивается качество пашен на «Валдайских горах».

⁴¹ Н. Я. Озерецковский. Путешествие на оз. Селигер. Н. Озерецковского. Спб., 1817, стр. 30.

⁴² Лагус Вильгельм. Эрик Лаксманн..., стр. 132.

⁴³ В. М. Севергин. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства..., Спб., 1804, стр. 57

⁴⁴ Л. М. Максимович, А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. I—VII, Спб., 1810.

⁴⁵ Ч. I—V, Спб., 1810.

В «Описании Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях» И. Пушкарева (1844 г.) содержатся материалы:

1. Общегеографического характера (данные о площади губ., населении, соотношении угодий).

2. Сведения о пахотных угодьях — данные о распределении земель на душу населения, о посеве, урожае и др. Интересными являются указания на подсеку и на особенности эксплуатации земель в трехпольном земледелии. Крестьянские поля обычно делились на две части: на ближние — хорошо удобряемые и дальние — не удобряемые, которые после нескольких посевов истощались и забрасывались.

3. Сведения о лесных угодьях. Рисуется весьма безотрадная картина состояния лесов губернии: «леса растут без присмотра, бессистемная рубка причиняет большой ущерб лесному хозяйству».

4. Сведения о луговых землях. Наилучшие луга по Ильменю, Волхову и другим рекам. Луга находятся в плохом состоянии — закустарены, сеяных лугов нет.

5. Сведения о населении (плотность, данные о селениях). Кроме того, говорится об охоте, рыбной ловле, погоде, режиме рек.

В «Военно-Статистическом обозрении Российской империи» содержится подробная характеристика Новгородской губ. Особый интерес имеют сведения о сельском хозяйстве, промыслах, водных путях⁴⁶. По своей структуре «Обозрение» напоминает Военно-Топографические описания.

В знаменитом труде В. П. Семенова-Тян-Шанского «Полное географическое описание нашего отечества» специальный том посвящен «Озерной области», в пределах которой расположена Новгородская губ. В работе содержится всестороннее и систематическое описание орографии, геологического строения, полезных ископаемых, поверхностных вод, растительного и животного мира, промыслов, путей сообщения, населения, примечательных мест⁴⁷. Характеристика снабжена картами и графиками. Необходимо отметить высокий научный уровень «Описания», позволяющий составить объективную картину природных условий и воздействия на них человека на конец XVIII — начало XIX в. Интересен методический

⁴⁶ Т. III, ч. 3, Спб., 1849.

⁴⁷ Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга Русских людей. Под ред. В. П. Семенова, т. III, Спб., 1900. [95]

прием изложения материала, сочетающий обстоятельное описание природных объектов с приведением данных об их использовании.

Географические словари и описания дают обобщенную картину природы и экономики губ. Они могут быть использованы для оценки уровня развития производительных сил, с которыми связано воздействие населения на природу.

Материалы путешественников, словарей и описаний мы не относим к числу стержневых источников, так как они не содержат повсеместной характеристики территории. Вместе с тем их использование помогает лучше понять исторический процесс взаимоотношения населения и природы. [96]

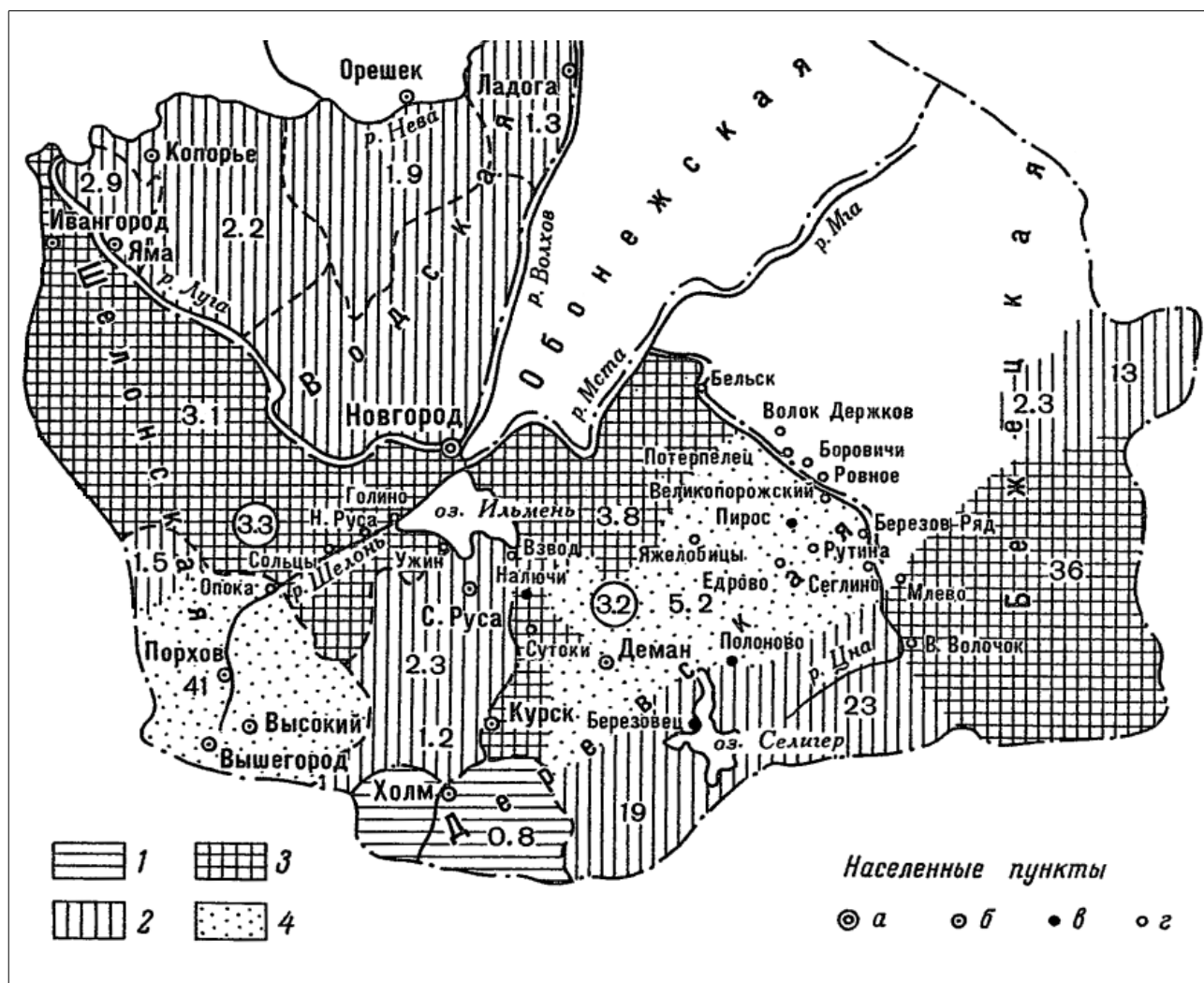

Рис. 6. Новгородские пятины в XV в. (по: Аграрная история Северо-Запада, 1971). Плотность населения, в чел./км²: 1 — < 1, 2 — 1.1—3, 3 — 3.1—4, 4 — > 4; цифры в кружке — средняя плотность пятины, цифры — средняя плотность уезда, погоста, района. Границы: штрихпунктирная линия — пятин, штриховая — уездов, пунктирная — погостов. Населенные пункты: а — крупный город, б — уездный город, в — погост, г — рядок, крупное селение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ НОВГОРОДСКОГО КРАЯ

В первой части курса наряду с общими положениями исторической географии ландшафтов рассматривались материалы и способы исследования. Во второй части мы попытаемся реализовать некоторые методические положения. Историко-ландшафтные исследования всегда относятся к определенным территориям, специфика которых определяет выбор средств и источников для изучения. Объектом ретроспективного анализа может быть любая территория, но лучше, чтобы она представляла собой историко-географическую область. Именно таким регионом является Новгородский край, на примере которого можно показать общее направление исторического процесса изменения природы, связанного с хозяйственным освоением ландшафтов.

Под Новгородским краем понимается не только Новгородская область в ее современных пределах, но и земли, ранее входившие в состав обширного Новгородского государства {Рис. 6, см. стр. 96, добавлен из В. С. Жекулин, «Историческая география», 1982. — то же место по тексту, нумерация рисунка по изд. 1982} не испытавшего монголо-татарского нашествия и потому сохранившего свое уникальное культурное богатство. Большое политическое и культурное значение Новгорода Великого нашло отражение в многочисленных исторических документах, например, в большинстве русских летописей.

Напомним, что в XII—XV вв. на территории Новгородского края существовала феодальная республика, состоящая из пятин и отдельных волостей. К числу пятин относились следующие: Вотская — между реками Волховом и Лугой, Обонежская — в бассейне Онежского озера, Деревская — между реками Мстой и Ловатью, Шелонская — в бассейне р. Шелони, Бежецкая — на восток и юго-восток от Деревской пятины. Все пятины, за исключением Бежецкой, начинались от Новгорода. Из отдаленных волостей следует отметить: Двинскую землю или Заволочье, Пермскую землю, Печору, Югру, Тре или [97]

Терский берег. На особом положении находились города: Псков, Торжок, Ржев, Великие Луки и др.

Расцвет экономической жизни в древнем Новгороде был связан с освоением новых территорий, причем есть все основания говорить, что влияние Новгорода на отдаленные волости было достаточно глубоким и прочным. Это влияние проявилось не только в оживленных торговых сношениях, но и в идентичном землепользовании. Центральные и отдаленные районы Новгородского края имеют сходство в лексике и отдельных формах устного народного творчества. Например, жители одного из крупных поселков на средней Печоре — Усть-Цильмы — до настоящего времени считают себя новгородцами и хранят песенную новгородскую традицию¹. Влияние Новгорода отразилось также в песенном творчестве Терского берега², Олонецкой губ.³ и других районов.

Новгородские традиции проявились также в сибирской церковно-исторической литературе и искусстве XVII в. (доклад Е. К. Ромадановской на научной конференции «Новгород Великий. Археология, история, искусство»). Таким образом, есть все основания рассматривать Новгородский край в средние века как своеобразную историческую область. Ее формирование началось в период широкого проникновения славянских племен в бассейн Ильменя. Более 500 лет понадобилось славянскому населению для того, чтобы в новых природных условиях образовать свой уклад и создать в конечном счете могучее государство. Историко-культурная целостность Новгородской земли проявляется в общности основных форм экономического быта, в типах культовых и бытовых построек, фольклоре, одежде, женских украшениях и т.п. Ядро исторической области образовала территория Ильмень-Волховской низменности и прилегающей к ней части Валдайской возвышенности. Организующим центром на протяжении многих веков является Новгород (859 г.). Кроме того, здесь много других старинных городов и поселков: Старая Русса (IX в.), Холм (1144 г.), Сольцы (1390 г.), Демянск (1441 г.), Валдай (1495 г.), Любытино (X в.) и другие.

¹ В книге «Песни Печоры». М.—Л., 1963, стр. 9.

² Д. М. Балашов, Ю. Е. Красовская. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., Музыка, 1969, № 47.

³ О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями в трех частях. Ч. I, М., 1876, № 1

В XVIII в. в состав Новгородской губ. входила почти вся территория современной Новгородской области (за исключением Холмского и части Батецкого районов), а также Тихвинский, Устюгажелезнопольский, Белозерский, Кирилловский и Череповецкий уезды.

Территория Новгородской области — ядро старинной Новгородской земли — занимает площадь в 55,3 тыс. кв. км. и расположена в разнообразных природных условиях: на Валдайской возвышенности и в Ильменско-Волховской низменности, в южной тайге и в подтайге. Область входит в состав Северо-Западного экономического района, физико-географическое районирование которого выполнено А. Г. Исаченко, З. В. Дашкевич и Е. В. Карнаухова⁴. Эти авторы выделяют в пределах области две подпровинции — Южнотаежную и Подтаежную, граница между которыми проводится по р. Шелони, северному берегу оз. Ильменя и р. Мсте. Полевые наблюдения и историко-ландшафтный анализ позволяют несколько уточнить эту границу: на западе ее следует проводить севернее р. Шелони (примерно по линии Велегощи — Новгород), а на востоке — по северо-восточному обрамлению Мстинской впадины, относя последнюю к подтайге. Как в настоящее, так и особенно в прошлое время в растительном покрове ландшафтов Западного Приильменя и Мстинской впадины наблюдалось повсеместное распространение лесов с широколиственными породами. Поэтому ландшафты Приильменя, Пришелонья и части бассейна р. Луги объединены в один Ильмень-Лужский природный (ландшафтный) округ. По этой же причине ландшафт Мстинской впадины включен в состав Южно-Валдайского округа. Границы между подпровинциями являются весьма неотчетливыми. Дифференциация природных условий происходит главным образом под влиянием рельефа и поверхностных отложений.

Есть еще два уточнения классификационной схемы А. Г. Исаченко: во-первых, в группе холмистых комплексов выделяются грядово-ложбинные комплексы урочищ, отличающиеся от холмисто-котловинных рядом особенностей (массивными очертаниями, отсутствием озер и др.), и, во-вторых, в качестве отдельного округа выделяется Предвалдайский, природные условия которо-

---

⁴ А. Г. Исаченко, З. В. Дашкевич, Е. В. Карнаухова, географическое районирование Северо-Запада. Л., 1965.

го имеют переходный характер от Валдайской возвышенности к Ильменско-Волховской низменности. В целом физико-географическое районирование А. Г. Исаченко следует признать весьма удачным и приемлемым для различных целей регионального анализа.

Ниже приводится краткая характеристика ландшафтов и их освоенности. Сейчас только отметим, что нами была предпринята попытка показать освоенность на ландшафтной карте, предназначенной для областного краеведческого атласа. Освоенность в % проставлена на крупных контурах карты. [100]

III

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ

Выше уже отмечалось, что в течение исторического времени ландшафты изменялись как под влиянием естественных, так и антропогенных факторов. Все эти факторы действуют одновременно, хотя на различных исторических этапах их влияние проявляется по-разному. Развитие производительных сил и производственных отношений всегда определяло общий характер взаимоотношения между населением и природой. Например, распространение пашенного земледелия, сопровождавшееся распадом патриархальной крестьянской семьи и появлением новых орудий труда, привело к коренному изменению во взаимоотношениях между человеком и природой. В это время изменилась не только технология воздействия человека на природу, но и другими стали представления древнего земледельца о ландшафте и его потенциальных возможностях. Таким образом, в пределах одной общественно-исторической формации можно выделить периоды, различающиеся друг от друга характером взаимоотношения между географической средой и населением.

1. О ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССАХ РАЗВИТИЯ ПРИРОДЫ

Новгородская область издавна освоена человеком (первые поселения появились 7 тыс. лет назад), поэтому выявить роль естественных процессов в развитии и изменении геокомплексов дело нелегкое. Лучше говорить об общей направленности некоторых процессов, протекающих независимо от влияния деятельности населения.

Основное событие в тектонической жизни территории области — формирование во второй половине голоцена Ильменско-Днепровской зоны опускания. К северу от па- [101]

раллели Новгорода величина опускания, по карте современных тектонических движений северо-западной части Русской равнины, составляет более 2 мм в год. К югу от оз. Ильменя, в бассейнах рр. Шелони, Ловати, Мсты в нижнем течении опускания проявляются в меньшей степени — от 0 до 2 мм⁵. Возраст основных элементов современной тектоники, по Ю. А. Мещерякову, — вторая половина голоцена.

В голоцене наблюдались небольшие вертикальные движения небольшой амплитуды, приуроченные к стыку геологических структур. Так, например, в бассейнах рр. Ловати и Мсты амплитуда вертикальных движений составляла 14 м при общем врезе рек за этот период 28 м.⁶ На северо-восточной оконечности Беглово-Винского вала М. Е. Вигдорчиком были обнаружены следы деформации береговой линии I Балтийского ледникового озера, причем весь берег был приподнят до высоты + 62 м. В связи с этим северный склон был абрадирован и лишен четвертичных наносов. М. Е. Вигдорчик приходит к выводу, что «тектонические подвижки в рассматриваемый период (последледниковое время — В. Ж.) имели место лишь в зоне «Крестцовского шва» и носили дифференцированный характер»⁷. Максимальной величины врез рек за последледниковое время достиг в отдельных районах Валдайской возвышенности — до 45 м.

В бореальный период сформировалась вторая надпойменная терраса, а в атлантический — первая. Если принять во внимание, что человек появился в атлантическое время, то окажется, что прямое влияние тектоники и эрозии на ландшафты проявилось только в пределах речных долин и озерных котловин. В остальном воздействие этих факторов на ландшафт было косвенным.

В восточных районах области распространены карстовые формы рельефа, развитие которых протекало также в историческое время.

⁵ Ю. А. Мещеряков. Молодые тектонические движения и эрозионно-аккумулятивные процессы северо-западной части Русской равнины. М., 1967, стр. 20.

⁶ М. Е. Вигдорчик. Новейшие волновые движения в бассейне оз. Ильмень. В кн. «Природа и хозяйственное использование оз. Ильменя и Ильмень-Волховского бассейна». Л., 1970, стр. 4.

⁷ М. Е. Вигдорчик. Поздне- и последледниковые водоемы и развитие речных долин в басс. оз. Ильмень. В кн. «Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада». Л., 1965, стр. 67.

Таким образом, развитие рельефа, происходившее без участия человека в историческое время, привело к формированию сравнительно небольшой группы урочищ, преимущественно низинных.

За историческое время происходили циклические изменения климата и водного режима озер и рек. Н. Н. Соколов первым обратил внимание на колебание уровня оз. Ильменя, отразившегося на геологическом строении береговой полосы⁸. Материалы Н. Н. Соколова были интерпретированы и датированы А. В. Шнитниковым, который использовал их наряду с другими при создании стройной теории циклических изменений климата материков северного полушария⁹.

Таблица 2

Разрез участка поймы р. Волхова. Урочище Коломцы.

Глубина в см	№ слоя	Описание разреза (по Н. Н. Соколову)	Эпохи (по А. В. Шнитникову)
20	1	Аллювий, кофейно-бурый, суглинистый	Современная
35	2	Аллювий, серо-бурый, светлый, с черепками и монетой XVI—XVII вв.	Сухая, 1 тыс. н. э.
75	3	Аллювий, темный ореховый	Субатлантическая, VI—II вв. н. э.
100	4	Аллювий, почти черный, остатки неолита, стоянки (черепки, рыбы кости, кремьень) Глина, сизо-бурая	Суббореальная, до VI в. н. э.

В другом разрезе между отложениями сухой эпохи 1 тыс. н. э. и современной выделяются осадки влажной похи (суглинок, рыхлый, зернистый), которые датируются А. В. Шнитниковым XIII—XVII вв. Уровень оз. Ильменя во время жизни неолитического человека был ниже современного на 1,6—1,8 м, поэтому стоянка Ко-

⁸ Н. Н. Соколов. Геоморфологический очерк района р. Волхова и оз. Ильменя. Матер. по исслед. р. Волхова и его бассейна, вып. VII, 1926.

⁹ А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности..., стр. 235.

ломцы усиленно размывается водами озера. Таким образом, А. В. Шнитников приходит к выводу, что за последние 4 тыс. лет оз. Ильмень испытало две трансгрессии и две регрессии¹⁰.

Трансгрессии	Регрессии
—	Суббореальный, вплоть до VI в. до нашей эры
Субатлантический, VI—II вв. до нашей эры	—
—	1 тысячелетие нашей эры
XIII—XIV века нашей эры	—

А. В. Шнитников также указывает, что перед первой регрессией отмечалась трансгрессия (на рубеже III и II тыс. до н. э.), которая была синхронной с трансгрессией Онежского озера.

Основываясь на материале исторических документов, первичная обработка которых была выполнена М. А. Боголеповым и Е. В. Оппоковым, А. В. Шнитников составил график, дающий климатическую характеристику Европы VIII—XIX вв. Оказалось, что наибольшее количество сведений о неблагоприятных климатических явлениях приходится на XIV—XV вв., причем подъем пика этих явлений начинается уже с XIII в.¹¹

Все сведения о климате, содержащиеся в исторических источниках XII—XVI вв., представляют интерес не только с точки зрения изучения климатических ритмов, но и в связи с установлением критерия оценки климата, которую давали ему современники. Нами были сделаны выписки из ряда летописей о повторяемости отдельных неблагоприятных явлений климата и связанного с ним водного режима рек. Рассмотрим эти сведения по сезонам года.

Зима. Летописцы отмечают суровые и теплые, снежные и малоснежные зимы. Суровые зимы с сильными морозами наблюдались в 1134, 1165, 1384 и в другие годы, причем только в XIV в., судя по летописям, не было суровых зим (см. таблицу). Пример записи: «Тои же зи-

¹⁰ Его же. Изменчивость трансгрессий и регрессий Балтики и Прибалтийских побережий в свете неравенства сил тяготения. Матер. к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. Л., 1965, стр. 21.

¹¹ Его же. Изменчивость общей увлажненности..., стр. 139.

мы бѣше силнии морозы» (1165 г. Н-1, стр. 219). Больше всего теплых зим, так же, как и суровых, отмечалось в XV в. Весьма характерна запись, относящаяся к 1303 г.: «Вся зима была теплая, не было всю зиму снега, и не уродил хлеб, и была большая дороговизна» (Н-1). Зимы с большими снегопадами были зафиксированы летописцами всего 4 раза: в 1253, 1540, 1557, 1562 гг. В 1253 г., как указывается в Никоновской летописи, «не могли доехать (по земле новгородской), потому что снег был глубокий». Малоснежные зимы также рассматривались как неблагоприятные. Например, в 1560 г. «зима была без снега, только семь недель было со снегом, весной воды было мало — обмелели все реки. То лето было сухое, яровой хлеб не родил, высох от бездождия» (Н-1). Подчеркивая значение ярового хлеба, летописец тем самым указывает на плохое состояние озимых посевов.

Лето. Для климата Северо-Запада засухи не характерны, однако в период с XII по XVI вв. они отмечались восемь раз. Первая засуха была зафиксирована летописцами в 1161 году: «Все лето стояла жаркая погода, и пригорел весь хлеб; а на осень мороз убил все яровые хлеба; зима стояла вся теплая с дождями, и гроза была, и покупали малую кадку по семи кун, и в людях скорбь и печаль великая, и плач неутешный» (Н-1, стр. 218). Сильная засуха отмечалась в 1508 г., когда выгорело много городов, сел, лесов. Сгорела половина Новгорода, погибло 2700 человек (Ник., Н-2, Н-3). Наряду с сухими наблюдались дождливые летние месяцы, подавляющее большинство которых падает на XV в. Характерна запись, относящаяся к 1251 г.: «Начались очень большие дожди, и залили и хлеб и сенокосы; и мост снесла вода на Волхове; а осенью мороз побил урожай» (Н-1, стр. 80).

Осень. Неблагоприятные погодные явления осенью причиняли много беспокойства древним земледельцам, поэтому они часто фиксировались летописцами. В качестве примера приведем запись 1420 г.: «Снег выпал на Никитин день; шел он 3 дня и 3 ночи, и выпало его на 4 пяди, и постоял, и всякий хлеб под снег полег; некому было жать его, потому что люди поумирали» (Н-3). Нередко в летописях содержится краткая констатация факта — «мороз побил урожай».

Осени с обильными дождями, когда разливались реки, заливались водой поля и вымокал хлеб, в основном отмечались в XV и XVI вв. Осеннее половодье в Новгороде в 1437 г. описывалось следующим образом: «Осенью в Новгороде вода была очень большая, когда начал образовываться лед, то он выломал семь городен у большого моста, а Жилотучский мост снес и много бед причинил новгородцам» (Ник.).

Весна. Холодная весна отмечалась в XV и XVI вв. В 1551 г. в Новгороде 25 марта шел снег; 4 мая выпал большой снег, да мороз и ветер был большой» (Н-2). Тяжелые воспоминания оставила весна 1462 г.: «Весна была тяжела: были дни со снегом, бурю, холодные, травы не было до Троицы. В Ильмень озере потонули люди в бурю» («Авраамки»).

Сведения о водном режиме. Сведения о водном режиме обычно связываются летописцами с характеристикой климатических явлений. Особенное внимание уделяется большим половодьям, которые вызывали разрушения мостов, затопление сенокосов и другие хозяйственные убытки. Большим половодьям обычно предшествовали сильные дожди. Запись 1143 г.: «Вся осень была дождлива, от Госпожина дня до Корочюна (самый короткий день зимой — В. Ж.) было тепло, и была очень большая вода в Волхове и всюду» (Н-1, стр. 213). Очень большое половодье было в 1338 г.: «была такая большая вода в Волхове, какой не было никогда» (Н-1). Наряду с половодьями указываются годы сильного обмеления рек. Они соответствуют датам засух. Например, 1403 г.: «Волхов обмелел и все поля сухие были» (Н-2). Запись 1430 г.: «Осенью вода была малая, земля и леса горели» (Н-1).

Представляет интерес описание оползня в Новгороде, относящееся к 1437 г.: «Весной вода подмывала у Кремля город и оползевала земля у стены, и упала стена каменная и звонница у Волхова» (Н-1, стр. 419). Несколько раз в летописях отмечается обратное течение Волхова. Например, запись 1176 г.: «Снова Волхов течет вверх по течению 5 дней» (Н-1). Летописцы, вероятно, фиксировали факты сильного обратного течения, так как кратковременно изменение течения Волхова весной — явление нередкое. [106]

На основании летописных сведений И. Е. Бучинский делает вывод об ухудшении климата Русской равнины XIV—XV вв.¹²

Таблица 3 {см. сл. стр.}

---

¹² И. Е. Бучинский. Указ. соч.

**Сведения о климатических и гидрологических явлениях
в Новгородском крае в XII—XVI вв. (по материалам летописей)**

Климатические и гидрологические явления	Века и годы				
	XII	XIII	XIV	XV	XVI
Суровые зимы	1134, 1165	1284	1417, 1443, 1481	—	—
Снежные зимы	—	1253	—	—	1540, 1557, 1562
Малоснежные зимы	1145	—	—	—	1558, 1560
Теплые зимы	1161	—	1303	1420, 1474, 1493	1564
Холодная весна	—	—	—	1462, 1485	1540, 1559, 1562, 1589
Дождливое лето	1145	1201, 1251	—	1404, 1421, 1455, 1464, 1468, 1484	1562
Сухое лето (засуха)	1161	—	—	1403, 1430, 1471	1508, 1533, 1560, 1572
Холодная осень (заморозки)	1121, 1161	1215, 1229, 1230, 1251, 1291	1314, 1345, 1390	1420, 1453, 1479	—
Дождливая осень	1143	—	—	1406, 1437, 1456, 1476	1540, 1562, 1564
Сильное половодье весной	1127, 1128	1291	1314, 1338	1421, 1470	1540, 1544, 1555, 1562
Сильные летние и весенние половодья	1143, 1145	1228, 1251	1335, 1356	1407, 1421, 1437, 1455, 1456, 1464, 1468, 1474, 1484	1540, 1544, 1564
Обмеление рек	—	—	—	1403, 1430, 1471	1533, 1554, 1560
Обратное течение р. Волхова	1176	—	1373, 1376, 1377	1415, 1468	—

С неблагоприятными климатическими условиями нередко были связаны в Древней Руси голодные годы. В следующую таблицу сведены данные о голодных годах [108]

на Новгородской земле, обусловленные преимущественно влиянием отрицательных погодных явлений.

Таблица 4

Голодные годы на Новгородской земле в XII—XV вв.

Неблагоприятные погодные явления	Годы													
	1125	1127	1128	1145	1161	1201	1215— 1216	1230	1251	1291	1303	1314	1421	1430
Ранний осенний мороз					+		+	+	+	+		+		
Сырая зима					+								+	
Поздняя весна		+												
Засуха летом					+									
Дожди летом			+	+		+			+					+
Буря	+													

Особенно тяжелыми были годы, когда неблагоприятные явления проявились в течение всего времени (1161 г.). Обращает на себя внимание почти ежегодный голод в период 1125, 1127, 1128 гг. Обычно голод сопровождался эпидемиями и эпизоотиями. Голод, вызванный неблагоприятными условиями, усиливался политическими конфликтами. Так, например, голод 1314 г. был обусловлен ранним морозом и распрей с низовскими князьями. Голод 1215—1216 гг. был также вызван ранними заморозками и усилился в связи с торговой блокадой Новгорода Владимиро-Суздальским князем Ярославом Всеволодовичем. Многие голодные годы были полностью обусловлены общественно-экономическими причинами¹³.

Но не все годы, в течение которых наблюдались неблагоприятные погодные явления, являлись голодными. Например, 1403 г., по свидетельству Псковской I и Новгородской II летописей, был сухим, обмелел Волхов, но хлеба тем не менее уродилось много. Наоборот, 1404 г.

¹³ В. Т. Пашута. Голодные годы в Древней Руси. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г., Минск, 1964. [109]

был дождливым, но тоже урожайным. Сравнивая записи о неблагоприятных явлениях природы и их последствиях по Новгородской и Псковской земле, можно прийти к выводу, что засухи, дожди, заморозки и другие явления чаще вызывали голод в Новгороде, чем в Пскове. В этом, в частности, проявляется большая зависимость древнего Новгорода от торговых сношений с соседними территориями.

Таким образом, все сведения о климатических явлениях, содержащиеся в летописях, всегда имеют отношение к экономике, особенно к сельскому хозяйству. Это не является случайным. XII—XV вв. — время повсеместного широкого распространения трехпольного пашенного земледелия. В связи с введением в практику земледелия озимых культур повысилось значение климата в сельском хозяйстве. Возможно, увеличением сельского населения занимавшегося пашенным земледелием, агротехнически более сложным, чем подсека, следует объяснить повышенное количество сведений о неблагоприятных явлениях природы в XIV—XV вв. Кстати, по данным Новгородских летописей следует, что и XVI в. отличался разнообразными неблагоприятными климатическими явлениями

В современный период (с 1880 г.) на Северо-Западе наблюдалось три маловодные и две полные многоводные фазы. Средняя продолжительность маловодных фаз 15 лет, а многоводных — 13 лет. В 1953 г. началась новая многоводная фаза, продолжающаяся до настоящего времени¹⁴.

Все ритмические изменения климата, особенно увеличение увлажненности, оказывали влияние как на природные комплексы, воздействуя на сезонную ритмику, так и на хозяйственную деятельность населения. Например, в многоводную фазу (1922—1936 гг.) наблюдались годы с большими половодьями на оз. Ильмень, вызывавшими тревогу приильменского населения. Такие большие половодья были в 1922, 1923 и 1924 гг. В это время проводились изыскательские работы в связи со строительством Волховской ГЭС, и местное население полагало, что повышение уровня воды в Ильмене и Волхове было обусловлено сооружением плотины¹⁵.

---

¹⁴ В. П. Нехайчик. Влияние внутривековых колебаний общей увлажненности территории на водный баланс озер. Автореферат канд. дисс. Л., 1965.

В полноводные годы сильно изменялось очертание береговой линии восточного побережья Ильменя, менялась ситуация в пределах дельт, надолго затапливались понижения в пределах Поозерья. Такие же изменения наблюдались в районе «Большой поймы» Волхова.

За историческое время происходили изменения в растительном покрове и в почвах. В бореальном периоде были широко распространены сосновые леса с примесью березы и ели. В связи с увлажнением климата в конце периода появляется ольха. В эпоху климатического оптимума (атлантический период — 7000 лет назад), когда климат был теплее современного, на юге области были распространены чистые широколиственные леса, активно развивались процессы заболачивания. В суббореальное время на всей территории области господствует ель. В середине этого периода происходит осушение территории и в торфяниках образуется «пограничный горизонт». В субатлантическое время господствующими породами становятся сосна и режа — береза¹⁶. Это, конечно, общая схема смены растительного покрова, изученная путем спорово-пыльцевого анализа.

Динамику растительного покрова Ленинградской области подробно изучал А. А. Ниценко. Он выделяет следующие возможные пути естественных смен растительности:

1. Процесс расселения ели на сосновых местообитаниях. Приходит к выводу, что ель уже успела завоевать все подходящие местообитания, но процесс внедрения ее под полог сосны еще продолжается, хотя и очень медленно.

2. Угасание широколиственных элементов. Считает, что «процесс является очень медленным и по прямым признакам фактически неуловимым»¹⁷. Причину этой «неуловимости» А. А. Ниценко видит в том, что в ре-

---

¹⁵ По этому поводу была переписка Губисполкома с «Волховстроем», проводились специальные совещания, обсуждалась заметка в газете «Звезда» от 21.I.1924 г. на тему «Приильменцы в тревоге», писались докладные записки и т.п. (ГАНУ, ф. Р-822, оп. I, д. 630, лл. 1-11, 17-23, 20—31, 45, 63, 66).

¹⁶ Вигдорчик М. Е., Жуковский Ю. С. Палеогеография Новгородской области в четвертичное время. Учен. зап. Ленингр. пединстит. им. Герцена, т. 350, стр. 64—65.

¹⁷ А. А. Ниценко. Изменение естественной растительности Ленинградской области под воздействием человека. Л., 1961, стр. 6.

зультате искусственного прореживания лесов происходит развитие дубравных элементов.

3. Угасание остатков лесостепной и южноборовой флоры. Полагает, что судить об интенсивности этого процесса в настоящее время «трудно».

4. Смены на вновь естественно образующихся субстратах. Поскольку новые субстраты образуются редко, этот процесс почти никакой роли не играет.

5. Заращение водоемов и заболачивание суходолов. Считает, что массовое развитие процесса заращения водоемов наблюдалось в ксеротермический период. В настоящее же время «лишь отдельные озера перешагивают «порог выполнения» (т.е. заполнения озера сапропелем — В. Ж.) и обращаются в болото... Также не имеет широкого распространения и процесс заращения озера с пологими берегами, поскольку современный климат не способствует обмелению водоемов, а все мелководья, доступные для растительности, уже заросли ею¹⁸. Как известно, процессы болотообразования находят свое отражение в скорости прироста торфа. По М. И. Нейштадту, изучавшему крупнейший в области Тесово-Нетьльский болотный массив, скорость ежегодного прироста торфа составляет в среднем за 6275 лет 0,54 мм, причем в первую стадию образования болота прирост торфа происходил быстрее — 2,6 мм в год¹⁹.

А. А. Ниценко считает, что вопрос о заболачивании суходолов вообще является спорным. После атлантического периода, когда происходило интенсивное болотообразование, заметного увеличения болот не было. Полевые наблюдения этого автора показывают, что сфагновый мох развивается только на влажном органическом веществе. Он приходит к определенному выводу, что «заболачивание суходолов не играет роли и сводится к вспышкам во влажные периоды»²⁰.

6. Развитие болот в процессе их дальнейшей эволюции. Эти процессы «протекают на обширных площадях, но очень медленно и тоже практически незаметно»²¹.

В заключение А. А. Ниценко приходит к выводу, что «естественные смены действительно имеют ничтожный

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. И. Нейштадт. Тесово-Нетьльское болото. В кн. «Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена». М., 1965.

²⁰ А. А. Ниценко. Указ. соч., стр. 7.

²¹ Там же.

удельный вес в сравнении со сменами антропогенного характера»²².

Современные подзолистые почвы начали формироваться в области примерно 9—10 тыс. лет тому назад. А. А. Хантулев различает подзолообразование на легких породах, сильно выщелоченных от карбонатов, от почвообразования на тяжелых породах, которые еще были богатыми карбонатами. На первых образовывались типичные подзолистые почвы, на вторых — почвы, напоминающие современные выщелоченные дерново-карбонатные и дерново-глеевые. В эпоху климатического оптимума под широколиственными лесами формировались неоподзоленные или слабооподзоленные почвы с «признаками лесных буроземов». Широко были также распространены дерново-карбонатные почвы. В дальнейшем в связи с изменением климата лесные буроземы и дерново-карбонатные почвы преобразуются в дерново-подзолистые.

В середине суббореального периода, когда климат делается более сухим, подзолообразование и торфонакопление затормаживаются, а дерновый процесс почвообразования, наоборот, усиливается.

В современную эпоху создаются благоприятные условия для распространения смешанных лесов и формирования типичных дерново-подзолистых и подзолистых почв²³.

В целом картина почвенных изменений, нарисованная А. А. Хантулевым, является весьма схематичной. В частности, остаются неясными критерии, позволяющие отличать естественные дерново-подзолистые почвы от аналогичных почв, имеющих антропогенное происхождение.

Вопросами изменения ареалов отдельных животных лесной зоны за историческое время занимался С. В. Кириков. Его исследования, основанные на использовании исторических документов, показали, что западный ареал соболя в XVI—XVII вв. находился в Белоруссии и Литве. Об этом свидетельствует тот факт, что города Великого княжества Литовского должны были платить крымскому хану подать, в которую входили и собольи меха, правда, в ограниченном количестве²⁴. Значительно боль-

²² Там же, стр. 7.

²³ А. А. Хантулев. Вопросы генезиса и агропроизводственной оценки почв Новгородской области. В сб. Дерново-подзолистые почвы. Л., 1967.

²⁴ С. В. Кириков. Изменения животного мира в природных зонах СССР. М., 1960, стр. 54.

ше соболей было в районах Европейского Севера. Так, например, «29 сентября пинежанин Иван Михнев явил товару 12 сороков соболей», другая запись — «того же дни мезенцы Семейка Силуянов, Ларька Трифонов явили товару 2 сорока соболей...»²⁵. В XVI—XVII вв. добыча соболя принималась во внимание при определении денежного оброка. Оброк берется «за соболя и за белку». Таким образом, в рассматриваемый период соболь являлся важным промысловым зверем в Новгородском крае.

Еще более широкое распространение имели бобры. В Грамотах Великого Новгорода и Пскова часто упоминаются бобровые ловища на реках Севера, причем бобровые ловища обычно приравнивались к другим типам угодий. Это говорит о широком распространении бобров.

Вероятно, в XII—XIV вв. на территории Новгородского края обитали благородный и северный олени. Еще в конце XVIII века олени водились в лесной даче по рекам Ловати и Комле (северо-восточная Белоруссия). Северные олени встречались на территории современной Новгородской области сравнительно недавно — в 80-х годах XIX в.²⁶

В настоящее время в Новгородских лесах совершенно не встречается косуля. Однако еще в XVIII веке косуля водилась в бассейне Ладожского и Онежского озер.

Значительно большим распространением пользовались такие животные, как росомаха, медведь, рысь и другие. Так, в Боровичском уезде росомаха встречалась в 70-х годах прошлого века.

Значительно больше в рассматриваемый период, чем настоящее время, было белок. Шкурки белок играли роль разменной монеты и поэтому часто фигурируют в различных грамотах. Так, например, за покупку земли Варфаломей Гаврилович заплатил Ивану Алексеичу «20 сороков белки да попопонка пузь жита»²⁷.

Количество примеров, свидетельствующих о более богатом животном мире в историческом прошлом по сравнению с настоящим временем, можно было бы привести очень много. Но все они свидетельствуют не о естественном процессе изменения ареалов отдельных видов животных, а о воздействии человека на животный мир как

²⁵ Словарь названий жителей РСФСР. М., 1964, стр. 28.

²⁶ С. В. Кирнков. Указ. соч., стр. 104 и другие

²⁷ ГВН и П, стр. 236.

в связи с развитием промысла, так и косвенным путем — посредством изменения растительного покрова.

В заключение следует отметить, что как бы ни пытались мы выделить естественные процессы развития природы в староосвоенных районах, неизбежно сталкиваемся с разнообразными прямыми и косвенными влияниями человека на ландшафты, перекрывающими процессы спонтанной эволюции.

2. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛАНДШАФТ

На протяжении долгого исторического времени сельское хозяйство являлось основным занятием населения, поэтому влияние землепользования на современные геокомплексы является очень большим. Характер сельскохозяйственного землепользования определяется системой земледелия, распространенной в данный исторический отрезок времени. Изучение угодий с точки зрения их происхождения, степени окультуренности, трансформации позволяет сделать выводы не только о характере землепользования, но и о времени возникновения и процессах развития культурных геокомплексов.

При исследовании истории землепользования использовались древние акты материалы (для XII—XIV вв.), писцовые книги, описания путешественников, материалы по экономической статистике и другие. Следует заметить, что «сквозные» работы по истории сельского хозяйства Северо-Запада отсутствуют.

Освоение человеком земель на Северо-Западе происходило в трудных условиях избыточного влажного климата, большой облесенности и местами сильной заболоченности, бедных каменистых подзолистых почв. Этот общий неблагоприятный фон, конечно, не должен скрывать тех поместных ландшафтных различий, которые всегда очень внимательно учитывались земледельцами. Последние, находясь в неблагоприятных для развития сельского хозяйства природных условиях, всегда с большим вниманием относились к перечислению своих угодий, пытаясь дать им точные качественные определения. Вероятно, поэтому многие древние источники по Двинской земле и Обонежью содержат больше сведений об угодьях, нежели юридические акты центральных погостов Новгородского края.

Сходный смысл, вкладываемый земледельцами разных погостов в названия сельскохозяйственных угодий, позволяет распространять выводы о типах природопользования на большую территорию Северо-Запада и Севера Русской равнины. При этом, конечно, необходимо учитывать особенности местной лексики.

Землепользование в Новгородском крае было преимущественно связано с распространением подсечной и пашенной (двух и трехпольной) системы земледелия. В зависимости от прогресса в сельском хозяйстве каждая система земледелия не оставалась без изменений²⁸.

Земли подсечной системы земледелия

Подсечная или огневая система земледелия является одной из наиболее исторически устойчивых систем: возникнув за тысячу лет до нашей эры она просуществовала на Новгородской земле вплоть до 1934—1936 гг.²⁹ Такая живучесть подсеки объясняется большой урожайностью полей — сам 20, сам 30, сам 40. О существовании подсеки свидетельствуют следующие термины, встречающиеся в древних актах: «страдомый лес», «пашенный лес» (часто противопоставляется «дикому» лесу), «лесная пашня», «топорная земля», «пашня посекирная», «репища» (посевы репы на подсеке), «суки» (поле, засеянное ячменем), «кулиги» (отдаленные угодья, иногда покосы) и другие. Сам факт расчистки угодья из-под леса нашел отражение в словах: «чищоба», «росчисть», «чисть», «притереб», «новотереб», «дор» (от слова «драть») и другие. В НПК указанием на подсеку следует считать выражение «сеют яри (столько-то) коробей».

Подсека — это определенная система взаимодействия между населением и природой, основанная на большой продуктивности земли в первые годы ее использо-

²⁸ Вопросы землепользования в XII—XIV вв. подробно рассматриваются автором в статье «Историческая география и вопросы природопользования». Учен. зап. Ленинградск. пединст. им. Герцена, т. 350, Л., 1970.

²⁹ Сущность огневой или подсечной системы заключается в следующем: на участке вырубается, высушивается и сжигается лес, без предварительного рыхления почвы производится посев. Через несколько лет почва теряет плодородие, покрывается сорняками, и участок забрасывается. О распространении подсеки в XX в. см. статью Г. Г. Громова «Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв.» Вестник МГУ, истор.-филолог. серия, М., 1958.

вания. Земледелец, выбирая участок под поле, учитывал ряд природных особенностей. По В. И. Гомилевскому, участок должен был удовлетворять следующим требованиям:

- а) быть покрытым мелким, но густым смешанным лесом,
- б) иметь небольшую завалуненность,
- в) индикаторами хороших почв считались — белая ольха, костяника, малина, куманика,
- г) располагаться на возвышенном месте³⁰.

Некоторые авторы указывали, что под подсеку выбирались участки, поросшие еловым лесом (Брусиллов, Любомудров). П. Н. Третьяков отмечал, что «совершенно непригодна под разработку лядина, поросшая сосной, потому, что почва тут песчаная», но с другой стороны, под подсеку можно осваивать местоположения с сосной, растущей на «хороших дресвяных землях с плотным характером»³¹. Работа на подсеке была исключительно трудоемкая. Не случайно в ней принимал участие былинный богатырь Илья Муромец, который был призван своим батюшкой «ляду теребить» — «он дубье колоду всю повырубал». В связи с распространением подсеки сильно расширилось влияние человека на природу: коренные леса заменялись вторичными мелколиственными ассоциациями, появились тетеревиные птицы, расширился ареал зайца-русака и т.п.

Судьба заброшенного подсечного поля была различной. Одни участки в течение некоторого времени использовались под покосы, другие покрывались лесом и превращались в «лядины», некоторые — заболачивались («Се купи...наволок, межи до мшарины по ручеи, где Евша рожь сеивал»)³². Наконец, подсека могла перейти в паровую пахотную землю. В НПК прямые указания на подсеку относятся к восточному Приильменью. В Новгородской области имеются многочисленные топонимы, отражающие подсечную систему земледелия — дд. Суки, Репища, Ляды, Дорищи и др.

В заключение следует отметить, что технология подсечного земледелия изменялась на протяжении истории. В своей классической форме она господствовала до IX—X вв., т.е. до появления пашенного земледелия. В это время подсека создавала основной ландшафтный аспект, после появления двухполья и трехполья подсека исполь-

³⁰ В. И. Гомилевский. С крайнего севера России. Сельское хозяйство, 1878.

³¹ В. И. Петров. Подсечное земледелие. Киев. 1968.

³² ГВН и П, стр. 263.

зовалась в качестве подспорья. Так называемые «лесные перелог», которые часто отмечались писцами в эпоху экономического кризиса и в последующее время, представляют собой разновидность подсеки. Не следует забывать, что удобрение золой является основным агротехническим приемом этого земледелия. Он позволял получить аккордные урожаи и поэтому привлекал внимание земледельцев. Но этот прием использовался при любых модификациях подсечной системы. Поэтому не вполне понятным является стремление некоторых авторов выделить особую систему земледелия в лесной зоне — переложную. Так, например, автор обстоятельного исследования Н. Л. Рубинштейн, характеризуя агротехнику земледелия во второй половине XVIII в., пишет: «Этот способ удобрения (золой — В. Ж.) широко применялся на лесных росчистях, которые, однако, нельзя смешивать со старой подсекой, поскольку речь шла о периодическом запуске под лес, сменявшемся длительным периодом эксплуатации под посев с твердо установленным порядком чередования культур»³³.

По этому поводу можно сказать следующее: в условиях «старой» подсеки выпаханые участки тоже периодически запускались под лес, причем этот своеобразный лесопольный севооборот регулировался целыми поколениями крестьян. И, наконец, у Н. Л. Рубинштейна совершенно неясно, какими удобрениями пользовались крестьяне «в длительные периоды эксплуатации», ведь хорошо известно, что в условиях относительно бедных почв лесной зоны земли быстро истощаются и покрываются сорняками.

В большинстве случаев следует говорить не о новой системе земледелия, а о смене подсечной системы пашенной и наоборот. Такие смены вызывались экономическими причинами. Лесные перелог 70-х гг. XVI в. возникли в связи с кризисным состоянием экономики Новгородского края. В последующее время они вновь были распаханы (безусловно, пройдя через стадию подсека) и превратились в нормальную пашенную землю.

Земли паровой системы земледелия

Относительно времени возникновения паровой системы земледелия существуют разные мнения. А. В. Кирья-

---

³³ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во 2-й половине XVIII века (историко-экономический очерк), М., 1957, стр. 346 [118]

нов на основании изучения зерна культурных растений и сорняков пришел к выводу, что начальные элементы паровой системы формировались в IX—X вв.³⁴ Б. Д. Греков записи в Новгородских летописях от 1127 и 1161 г. о посевах «озимицы» и «яри» трактует как известие о применении на Новгородской земле трехполья, или двухполья³⁵. Вопрос о времени возникновения и развития паровой системы обстоятельно исследуется Г. Е. Кочиним. Он считает, что начало полевого пашенного земледелия относится к IX—X вв, что же касается времени широкого внедрения трехполья в земледелие, то это было не ранее XIII—XIV вв.³⁶ Отвальное пахотное орудие (соха с полицей) появилось в XIII в.

Распространение пашенного земледелия сопровождалось формированием деревенских поселений и возникновением многочисленных и разнообразных окультуренных геокомплексов.

Развитие пашенного земледелия вызвало необходимость качественного определения земли. На основании актовых материалов все земли, были нами классифицированы по следующим признакам:

1. По местоположению. В условиях избыточно влажного Северо-Запада фактор местоположения в рельефе пахотного угодья часто имеет решающее значение, определяющее качество почвы.

А. Земли возвышенные, «горнии» («на гори три поля»)³⁷.

Б. Земли речных долин и озерных котловин («Се купи... горнии земли орамые, и луговые земли орамые»³⁸, «бережное поле»³⁹).

В. Островные земли. Упоминаются в актах Обонежья и Двинской земли.

2. По величине угодья. В актах часто фигурируют: полосы, лоскуты, гоны, оклады, заполки. Особое внимание уделяется «заорам» и «закраинам», то есть краям пашни. В целом наблюдалась большая чересполосица полей

³⁴ А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. Труды Новгород. археолог. экспед., т. 2, 1959, стр. 321.

³⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, стр. 37.

³⁶ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965, стр. 153.

³⁷ ГВН и П, стр. 203.

³⁸ Там же, стр. 231.

³⁹ Там же, стр. 269.

и поэтому неудивительно, что в этих условиях происходит рост оврагов («врагов»). Они часто упоминаются в актах Северо-Восточной Руси.

3. По возделываемым культурам. В земледелии культивировались: пшеница, рожь (после распространения трехполья сделалась ведущей культурой), овес, просо, хмель, горох и некоторые другие. В грамотах упоминаются репищи, ржище, овсище, хмельники, огороды. Частое упоминание огородов позволяет рассматривать их как устойчивые окультуренные геокомплексы. Огородным растением являлась конопля. Имелись посевы льна. Таким образом, набор культурных растений был достаточно разнообразным.

Развитие скотоводства в Новгородском крае имеет длительную историю. Еще во втором тысячелетии до нашей эры на территорию Приильменья с юга проникли скотоводческие племена. Поселения этого типа обнаружены археологами около с. Бронницы, д. Расщеп, напротив Юрьева монастыря в Новгороде и в других местах. Данные археологии свидетельствуют о широком развитии животноводства в XII—XV вв.⁴⁰ Сенокосные или пастбищные угодья фигурируют во всех грамотах, посвященных описанию землевладений. О большом хозяйственном значении сенокосных угодий свидетельствуют договоры Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославовичем, в которых всегда значился пункт о пожнях⁴¹.

Изучение названий луговых земель позволило выделить следующие типы сенокосных и пастбищных угодий:

- а. Сенокосные пойменные земли («наволоки», «пожни речные», «рели», «сенные покосы» и другие).
- б. Низинные, часто заболоченные сенокосы («пожни на болоте», пожни на мхах, «подле лыву»).
- в. Суходольные сенокосы (пожни «горнии»).
- г. Лесные, удаленные от селения пастбища («ухожи»).
- д. Пастбища вблизи от селения («поскотина»).

В настоящее время наблюдается в принципе идентичное распределение в ландшафте сенокосных и пастбищных угодий.

⁴⁰ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949. Т. М. Константинова. Археологические о работы Новгородского музея в послевоенный период. Новгород. истор. сборн., вып. 9, 1959.

⁴¹ ГВН и П, № 1, стр. 10.

Интерес представляют сведения об улучшении сенокосов («А та земля Сидору... и парить и пожни очищать»)⁴².

Очевидно, что между формированием окультуренных геокомплексов и образованием деревенских поселений имела самая прямая связь. Сначала «на черном лесу» или на пустоше возникали починки — зарождающиеся деревни, жители которых были плохо обеспечены пашней. Несомненно, что постоянное пахотное угодье проходило стадию подсеки. В дальнейшем починки превращаются в деревни. Каждая деревня представляла собой постоянное сельское поселение с целым комплексом сельскохозяйственных угодий: пахотных, сенокосных, пастбищных, бортных и др. Особенно интенсивно процесс образования деревень, а следовательно и формирования окультуренных комплексов, протекает в XIV—XV вв.

Однако наряду с активным освоением новых территорий наблюдается запустевание земель. Войны, эпидемии, непосильные налоги часто приводят к тому, что малонаселенные деревни (а многие деревни имели один, два, три двора) прекращали свое существование. На месте этих селений возникали пустоши, которые очень часто фигурируют в древних актах. Хорошо обработанные земли пустошей высоко ценились современниками. Они обычно их обрабатывали «наездом». Слово «пустошь» нашло широкое отражение в топонимике.

В аналогичном значении использовался термин селище — место, образованное после запустевания села. Наконец, заброшенная пашня, выпаханная земля обозначалась словом «ветша». Перелог также рассматривался в значении запущенной пашни, иногда покрытой кустарником или мелким лесом⁴³. Перелоги возникали либо в связи с запустеванием земель, либо в результате потери почвой своего плодородия.

В НПК писцы классифицировали земли на хорошие, средние и худые. Для того, чтобы определить степень доброты земли в понимании писцов, нами были сопоставлены по Шелонской пятине сведения о земле (в под-

⁴² ГВН и П, № 260, стр. 268.

⁴³ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря..., стр. 234. И. И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. II, стр. 909.

счетах Гневушева⁴⁴) с данными по ландшафтам и почвам. В результате подобного сопоставления была составлена таблица, которая приводится в сокращенном виде.

Таблица 5

Природные округа, ландшафты, группы урочищ	Погосты	Земля в обжах		
		Добрая	Средняя	Худая
Ильменско-Лужский округ	Коростынский	—	124	51.5
Южно-Приильменский низменный моренный ландшафт на карбонатных породах	Буряжский	—	66.5	19.5
Нижне-Шелонский, пойменно-приозерный комплекс урочищ	Голинский	25.5	29	10
Лужский, низменный, моренный, перекрытый песками и супесями (комплекс урочищ)	Сабельский	—	103	1
Ильменско-Волховский округ	Дремятский	13.5	38	—
Ильмень-Веряжский, пойменно-приозерный (на песках, супесях) комплекс урочищ	Поозерье	57.5	15	9.5
	Куретский	5	25.5	2
Псковско-Лужский округ	Быстреевский	73.5	213	—
Приплюсский, возвышенный на легких породах и суглинках	Лядский	60.5	90.2	51

Таким образом, «добрыми» в прошлом считались земли на легких породах, а также почвы речных долин и озерных котловин. Любопытно, что дерново-карбонатные и слабоподзолистые почвы Южного Приильмения, относящиеся к числу наиболее плодородных, таковыми писцами не считались. Эти почвы сильно завалунены и являются плотными, т.е. неудобными для обработки, особенно такими примитивными орудиями, которые применялись в XIV—XV вв.

⁴⁴ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни...

Сельскохозяйственное землепользование в XVIII — начале XIX вв.

Итак, основные особенности сельскохозяйственного-землепользования сложились в Новгородском крае в XII—XVI вв. в связи с повсеместным распространением трехпольной системы земледелия и деревенских поселений. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции трехполье господствовало в малоземельном крестьянском хозяйстве. Таким образом, несмотря на определенный прогресс сельскохозяйственной технологии изменений в землепользовании было немного. Остановимся вкратце на общих моментах этих изменений, памятуя о том, что детали землепользования будут освещены ниже в связи с характеристикой конкретных ландшафтов.

Конец XVI и XVII вв. были, как указывалось выше, отмечены кризисными явлениями в экономике. Запустевание земель являлось общим процессом, но наиболее сильно он проявился в Новгородском уезде. Писцами указываются перелог и многочисленные пустоши, заросшие мелким лесом. Неблагополучное состояние экономики Новгородского края было обусловлено длительной Ливонской войной (1558—1583 гг.), разгромом Новгорода Иваном Грозным (1570), польско-шведской интервенцией.

В дальнейшем Петр I превращает Новгородский край в экономическую базу строительства новой столицы, и в XVIII в. наблюдается некоторый экономический подъем. Восстанавливаются прежние и расчищаются новые па-

Таблица 6

Структура сельскохозяйственных угодий в 1798—1800 гг.

Уезды	Пашни и поселен. в %	Сенокос в %	Леса в %	Удобной в %	Неудобной в %	Всего в дес.
Новгородский	10.76	4.70	65.99	81.45	18.55	1090921
Старорусский	18.10	3.77	58.76	80.63	19.37	885475
Крестецкий	13.31	2.49	75.10	85.10	10.26	861667
Валдайский	15.61	2.21	57.68	85.50	14.50	665516
Боровичский	17.81	1.51	70.95	90.30	9.70	912255
Тихвинский	5.05	0.85	77.20	83.10	16.9	1602996
Устюжский	11.09	1.98	62.38	75.45	24.55	1144536
Белоозерский	6.53	1.02	72.48	80.03	19.97	1316919
Кирилловский	5.69	1.72	84.51	91.92	8.08	1249882
Всего по губ.	11.14	2.16	71.16	84.46	15.54	10451004

[123]

хотные земли. Соотношение угодий в 1798—1800 гг. в бывшей Новгородской губернии было следующим⁴⁵: (см. табл.). Из таблицы в частности следует, что наибольшее количество пашни находилось в староосвоенных уездах губернии — Старорусском и Боровицком, наибольшее количество сенокосов было приурочено к Ильменско-Волховской пойме (Новгородский и Старорусский уу.), восточные и северо-восточные уезды имели больше лесов, чем западные и центральные. Обращает на себя внимание и оценка земли современниками: большая часть территории оценивалась как удобная для сельского хозяйства.

Основными культурами являлись рожь, овес, ячмень, высевалось небольшое количество пшеницы, гречихи, гороха, чечевицы. Из технических культур возделывали лен и коноплю⁴⁶. Картофель появился в губернии с 1756 г., когда в Новгород были присланы 4 четверика картофеля⁴⁷. Картофель долго являлся огородным растением. В западных уездах он появился в полях в середине XIX в., а в восточных уездах — еще позже⁴⁸.

Сведения, содержащиеся в Военно-Топографических описаниях Новгородской, Псковской, Санкт-Петербургской губерний, свидетельствуют о тщательной обработке земли. Под озимые хлеба пашут и боронят по три раза, а под яровые — по два раза. На полях делают борозды для стока воды. Землю удобряют навозом, золой, болотной тиной, семена перед посевом вымачивают в навозном соке. В восточных уездах в качестве пахотного орудия применяется и косуля. Количество пашни увеличивается за счет расчистки «порослых» мест. Урожайность культур была различной, в среднем она колебалась от сам 2 до сам 5.

Во второй половине XVIII в. на рожь и овес приходилось около 90% всего посева. Последние особенно расширяются в 90-х годах XVIII в. Вместе с тем своего хлеба недоставало. Этот недостаток в целом по губернии составлял 1000—1300 четвертей⁴⁹.

⁴⁵ Табель о пространствах разных делений земель Новгородской губ. ЦГИА, ф. 380, оп. 183, д. 48, л. 3.

⁴⁶ Топографическое описание Новгородского наместничества. ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 18875, лл. 22, 47, 163 и другие.

⁴⁷ Очерки истории СССР. XVIII. Вторая половина. М, 1956, стр. 34.

⁴⁸ Военно-Статистическое обозрение Российской империи, т. III, ч. 3, Новгородская губерния. Спб, 1849, стр. 121.

⁴⁹ Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России..., стр. 338, 332, 375.

Начало XIX в. ознаменовалось освоением новых южных районов России. В связи с этим происходит обесценивание северных земель. Е. И. Индова, изучавшая крепостное хозяйство в начале XIX в. семьи Воронцовых, имения которых располагались и в Новгородской губ., отмечает, что земля на Северо-Западе утрачивает для Воронцовых свое значение. Они вырубали леса, сдавали землю в аренду. Средства, вырученные от коммерческих операций, использовались для покупки земель на юге. Помещиков привлекала идея экспортировать зерно за границу, которая могла быть реализована после открытия Одесского порта⁵⁰.

Стремлением получить аккордные урожаи хлеба следует объяснить использование подсеки в помещичьем хозяйстве. И. Пушкарев защищает помещиков, которые истребляют леса на подсеки: «помещики после двух, трех хлебов обыкновенно запускают эти нови и лет через 15, много 20, лес на них вырастает новый»⁵¹. Указания на подсеку мы находим и в других источниках, что говорит о ее повсеместном распространении. Характерно, что термин «перелог» в описаниях не используется.

Все поля делились на ближние, хорошо удобряемые и ухоженные, и дальние, которые нередко «после нескольких посевов без удобрения остаются наконец без всякого употребления»⁵². На ближнее поле вывозится на десятину 90 возов навоза (в возе 10 пудов).

Луговое хозяйство новгородские помещики занимались мало, их основное стремление сводилось к увеличению пашни. О крестьянском травосеянии источники не содержат сведений, хотя известно, что в соседних губерниях им занимались. Вместе с тем обращает на себя внимание изменение соотношения между пахотными и сенокосными угодьями в конце XIX в. (по сравнению с данными по XVIII в.).

⁵⁰ Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX в. М., 1955, стр. 179.

⁵¹ И. Пушкарев. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I, тетрадь 1. Новгородская губ. Спб. 1844, стр. 93.

⁵² Военно-Статистическое обозрение... 1849, стр. 121.

Структура сельскохозяйственных угодий (в %)⁵³

Уезды	Пашни и усадьбы	Покосы
Новгородский	10.4	22.7
Крестецкий	9.3	15.1
Валдайский	11.5	17.5
Старорусский	22.8	22.2
Демянский ⁵⁴	18.1	26.1
Боровичский	11.3	16.0

Увеличение покосов произошло за счет более полного использования так называемых удобных земель, т.е., главным образом в связи с расчисткой лесов и кустарников. Размер пашни остался приблизительно прежним. В конце XIX в. произошло некоторое уменьшение размера посева озимой ржи — главной продовольственной культуры дореволюционной России.

Данные о посевах ржи за 1846 и 1888 гг.⁵⁵ (в четвертях)

Уезды	1846	1888
Новгородский	20836	34863
Крестецкий	23567	24309
Демянский	35768	20673
Валдайский	28885	15073
Боровичский	42540	31244
Старорусский	—	58107
Округа пахотных солдат. Новг. и Старорусск. уездов	60365	—
Всего	212061	184269

⁵³ ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 1921, л. 27.

⁵⁴ Выделение Демянского уезда затрудняет сопоставление земельных площадей.

⁵⁵ Военно-Статистическое описание губернии Новгородской, составленное в 1846 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18883, л. 129. Обзор Новгородской губернии за 1888 г. ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 189, л. 5, 6. [126]

Подобное уменьшение посева ржи свидетельствует не о сокращении посевных площадей, а об изменении землепользования, заключающемся главным образом в резком увеличении посадки картофеля. Напомним, что в начале века посадка картофеля занимала незначительную площадь. В конце XIX в. на первом месте по размеру посева находился овес, на втором — рожь, на третьем — картофель. Остальные культуры сильно уступали первым трем по занятой площади. Характерно, что пшеница, которая на заре пашенного земледелия занимала большие площади, сохранилась только в Демянском уезде. В качестве подтверждения всему сказанному приведем данные о посевах за 1888 г.⁵⁶

Таблица 9

Данные о посевах (в четвертях) за 1888 год

Уезды	Пшеница озимая	Рожь	Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Гречиха	Остальные яровые хлеба	Картофель
Новгородский	—	34863	35	68013	2576	88	1376	33968
Старорусский	7	58107	4	124075	3657	77	3659	29104
Крестецкий	—	24309	—	53205	1032	375	1317	13111
Демянский	285	20673	—	44276	1938	453	1837	16366
Валдайский	—	15073	22	30109	3430	1263	527	14768

Огородничество не имело товарного значения. По существу, огородным растением являлась конопля, которая высевалась вблизи от изб на хорошо удобренных почвах. Садоводство было мало распространено среди крестьян губернии. Особенно большое развитие льноводство получило в Старорусском уезде⁵⁷.

В дальнейшем принципиальных изменений в характере землепользования не происходило. Отмечается только некоторое перераспределение площадей, занятых под отдельные культуры. Так, например, в 1912 г. на первое

⁵⁶ ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 189, л. 47.

⁵⁷ Там же, д. 491, лл. 15, 16.

место по размеру посева вышла рожь. Ею было засеяно в целом по губернии 284 041 дес., под овсом в это время было занято 244 057 дес.⁵⁸

Увеличение удельного веса животноводства в сельском хозяйстве требовало расширения кормовой базы. Так, например, в 1875 г. в губернии насчитывалось 205210 лошадей и 379 855 голов рогатого скота, в 1912 г. эти цифры соответственно увеличились до 284 312 и 572 553⁵⁹.

В целом общий уровень развития сельского хозяйства в предреволюционное время был очень низким. Пятая часть крестьянских хозяйств не имела сельскохозяйственных орудий. В среднем на 100 хозяйств приходилось 53 плуга, 5 борон, 2 молотилки, 4 веялки; на 1000 дворов имелось всего лишь 7 косилок и по одной жатке и сеялке. В условиях крестьянского малоземелья (13 тыс. дворов имели около 1 дес. земли) господствовала чересполосица, что затрудняло рациональное землепользование.

Земли в 1917 г. принадлежали (в % ⁶⁰):

помещикам, царской фамилии, торговцам, монастырям и церкви — 44,5,
из них:

земли дворян и других сословий — 25,7,

земли церковей и монастырей — 2,3,

земли царской фамилии и казенные — 16,5,

земли крестьян — 55,5,

надельные — 35,7,

собственные — 19,8.

Среди крестьянских хозяйств 26% не имели лошадей, 35% были малоземельными, 34% не имели коров и другого скота.

Таким образом, в течение длительного исторического времени на Новгородской земле складывалась система землепользования, приспособленная к нуждам малоземельного крестьянства, живущего преимущественно в небольших деревнях, образовавшихся в связи с распространением трехпольного пашенного земледелия.

⁵⁸ Там же, л. 2, 8.

⁵⁹ Памятная книжка Новгородской губернии за 1875. Новгород, 1875, приложение, стр. 19.

⁶⁰ Новгородская область за 50 лет. Статистический справочник. Новгород, 1967, стр. 39—40.

Классифицируя антропогенные геокомплексы, необходимо учитывать исторически сложившиеся типы сельскохозяйственных угодий. Преемственность в их использовании является характерной чертой истории сельскохозяйственных земель, особенно в староосвоенных районах страны. Следовательно, сельскохозяйственное землепользование оказало чрезвычайно большое влияние на комплексы различного таксономического достоинства.

3. ПРОМЫСЛЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЛАНДШАФТЫ

Низкая доходность сельского хозяйства способствовала развитию крестьянских промыслов. Среди них мы остановимся только на тех, которые имели повсеместное распространение по территории Новгородского края, причем будут отмечены только те промыслы, которые были связаны с использованием природных ресурсов. Промыслы, имеющие локальное распространение, будут описаны при характеристике освоенности ландшафтных округов.

Охота и охотничьи угодья

Исторические корни охотничьего промысла уходят в глубину неолитического общества, когда люди добывали промысловых зверей и птиц, занимались рыбной ловлей и собирательством.

Первые письменные сведения об охоте мы находим в древних актовых материалах. В описях владений нередко фигурируют охотничьи угодья, приемы и орудия охоты. Характерно, что пункт об охоте фигурирует в Договорных грамотах Новгорода с тверскими великими князьями Ярославом Ярославичем и Михаилом Ярославичем⁶¹. Во всех грамотах указывается место княжеской охоты — с. Взвяд на оз. Ильмень («А на Озвадо ти книже, ездити лете звери гонит»⁶²) и предписывается: «А свиньи ти бити за 60 верст от города». Об этом же говорится и в «Договорной грамоте Великого Новгорода с великим князем Васильем Васильевичем о мире» (1435 г.)⁶³. Таким образом, на протяжении нескольких веков Взвяд выступает как традиционное место княжеской охоты. Но, конечно, особенно много пушнины добывалось в северных волостях, где охота и рыбная ловля в течение длитель-

⁶¹ ГВН и П, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22.

⁶² Там же, № 1, стр. 10, тоже и в других.

⁶³ Там же.

ного времени превалировали над земледелием и животноводством. Поэтому именно в северных грамотах мы находим частые и вполне определенные сведения об охотничьих угодиях. Особенно часто в грамотах в качестве угодий фигурируют «лешевные (лесевные леса)» и «полешие леса». Примеры: «... и лесевные леса, и путики, и всякий угодия»⁶⁴, «Се... дал и землю и воду, и полеший лес и страдомый лес, и водный ловищи»⁶⁵.

О широком развитии бобровой охоты свидетельствуют многочисленные записи, относящиеся к Европейскому Северу. Бобровые ловища всегда выделяются в грамотах среди других типов угодий. Это свидетельствует о значении бобровой охоты и ее постоянстве в отдельных районах: на рр. Сюзьма, Малая Юра, Ижма, Большая Юра, на оз. Селигер и в других водоемах⁶⁶. Интересно, что существовала особая повинность — участие в ловле бобров («бобровое»). В «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» часто встречаются указания на бобровую охоту («бобры», «бобровые тоны» и т.п.).

В юридических документах повсеместно упоминаются способы охоты: «перевесья», «путики», «ловища», «плохи» (просеки в лесу для ловли птиц перевесами). Характерно, что они часто фигурируют среди других угодий. Например, «...поля, и пожни... и ловища, и перевесища, по Тифине реке...»⁶⁷. Таким образом, древние акты содержат сведения об охоте. К сожалению, данных об охоте очень мало в Новгородских писцовых книгах, освещающих центральную часть Новгородской земли. Здесь указания на охоту имеются только для района Приильмсья (см. ниже). Конечно, это не значит, что в XV—XVI вв. население не занималось этим промыслом. Однако, несомненно, что охота все же являлась подспорьем к сельскому хозяйству крестьянина. Другое дело — районы Севера, здесь писцы, описывая отдельные деревни, вообще не принимают во внимание размер посева и количество накашиваемого сена, т.е. для них — это территория охотничьего промысла (например, Задняя Корела)⁶⁸.

⁶⁴ ГВН и П, № 135, стр. 190.

⁶⁵ Там же, № 99, стр. 154.

⁶⁶ Там же, № 146, 194, 201, 207. АСЭИ, т. II, № 417, стр. 449.

⁶⁷ ГВН и П, № 121, стр. 178.

⁶⁸ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси..., стр. 287.

Сведения об охоте отсутствуют и в Топографических описаниях Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний. Основное внимание в этих районах уделяется земледелию и скотоводству. В Топографическом списании Вологодского наместничества охотничий промысел отмечается в Тотемском и особенно в Яренском уездах⁶⁹.

В середине XIX в. охотничий промысел был больше всего распространен в Кирилловском и Демянском уездах, и в меньшей степени — в Крестецком и Тихвинском. В Кирилловском у. было 650 охотников, выручка от охоты составляла 10 000 руб. серебром. В Демянском у. ежегодно промышляли до 150 лисиц, 100 куниц, 550 белок, 3500 зайцев, 50 медведей, 65 волков⁷⁰. Вероятно, довольно много дичи добывалось в Новгородском у., поскольку промышленники отвозили ее в Петербург возами зимой и лодками — летом⁷¹. Особенно много дичи промышляли в дельте Ловати. В целом, конечно, товарное значение охоты в губернии было небольшим. Крестьяне занимались промыслом для собственного употребления, а помещики — в спортивных целях.

Рыболовство и рыболовные угодья

На протяжении всего исторического времени рыболовный промысел играет существенную роль в экономике Новгородского края. Рыбные кости были обнаружены во многих стоянках неолитического человека.

Сведения о рыбной ловле содержатся в актовых материалах, берестяных грамотах, политических документах, писцовых книгах. В договорных грамотах Великого Новгорода с тверскими князьями Ярославом Ярославичем, Михаилом Ярославичем, Александром Михайловичем всегда содержался пункт о посылке осетренников на Ладогу⁷². Например, в Договорной грамоте 1264 г., в частности говорится: «А осетрънику твоему ездите в Ладогу по отца твоего грамоте». Причем, подобное условие («по отца твоего грамоте» или «по старым грамотам») содержалось в течение двух столетий. Так, в «Договорной

⁶⁹ Топографическое описание Вологодского наместничества. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18638. лл. 38, 72.

⁷⁰ Военно-Статистическое обозрение..., стр. 131.

⁷¹ Там же.

⁷² ГВН и П, № 1, 2, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 22.

грамоте Великого Новгорода с великим князем Васильем Васильевичем о мире в Яжелбицах» (1456 г.) подчеркивается: «А в Ладогу вам слать осетреникы и медовары, по старым грамотам по крестным»⁷³. Напомним, что осетрник — сборщик подати осетрами с рыбных ловель (В. И. Даль). Есть грамоты, адресованные к белозерским рыбникам, об ежегодной выдаче осетров в Кирилло-Белозерский монастырь⁷⁴, а также о выдаче рыбы (осетров, стерлядей) на монастырские праздники⁷⁵.

В древних актах повсеместно встречаются указания на рыбную ловлю (ловища, ловля, вода ловецкая и другие). Но особенно часто встречается термин «тоня». Тоня — рыбное угодие, место ловли рыбы, по Г. Е. Кочину и И. И. Срезневскому. В древних актах указываются различные орудия лова: сети, кереводы, разные неводы, верши, морды, переметы и т.п. Характерно, что орудия лова на протяжении долгого времени оставались неизменными.

На реках часто устраивались езы, котцы и колы. Езы — это заборы из бревен, которыми перегораживались реки. В них оставлялись проходы для рыбы. Весной она свободно проходила в истоки реки на икрометание, а позднее задерживалась езами. Котцы и колы — загородки на небольших реках с проходами, лабиринты из дранок, используемые для ловли рыбы. Термин «котцы» нашел отражение в топонимике: дд. Речные Котцы и Ручьевые Котцы (Старорусский район). Некоторые новые сведения о рыбной ловле, в частности о промысле лососевых рыб, содержатся в берестяных грамотах⁷⁶. Так, например, в грамоте № 2 (XIV в.) говорится: «В Спехове за Стефаном лосось, за братом его лосось, за Фролом 20 и 12; за Зайцем 4 белки; за Лавром 2 лосося, за Олферьем 9 лососей, за Зуйком 9 лососей, у Петра 13 лососей, за Стуковицей 2 лосося, за Сидором 2 лосося». Очевидно, что автор записки является купцом, которому рыбаки продавали рыбу. В грамотах также упоминаются: балтийский таймань («таймень»), сиг, осетр, семга.

⁷³ Там же, № 22, стр. 40.

⁷⁴ АСЭИ, т. II, № 113, стр. 70.

⁷⁵ Там же, № 172, стр. 108.

⁷⁶ В. С. Жекулин. Географические сведения в Новгородских берестяных грамотах. Известия ВГО, № 5, 1966.

Сооружение плотины Волховской ГЭС исключило возможность проникновения проходных рыб в реку Волхов и озеро Ильмень.

В НПК сведения о рыбной ловле содержатся по приильменским и по волховским селениям, причем имеются как прямые указания на рыбный промысел («ужинянам ловится рыбу...» и т.п.), так и косвенные: данные о небольшом размере посева свидетельствуют о промысловой деятельности населения прибрежных деревень.

В Топографических описаниях прямых сведений о рыбной ловле немного (крестьяне такого-то уезда «ловят рыбу»), но зато везде перечисляются промысловые виды рыб, что само по себе, по мысли авторов, должно явиться указанием на промысел.

Вообще, на протяжении всей истории приильменские и многие поволховские деревни занимались товарной рыбной ловлей, селения других районов использовали преимущественно рыбу для собственных нужд.

В начале XIX в. рыбной ловлей занимались на 42 реках, 3, больших и 55 средних озерах: «Лучшими рыбами» считались: осетры, стерляди, лососи, судаки, лещи, щуки, белая рыба. Всего в 1804 г. было выловлено рыбы 875 тыс. пудов и 700 возов, причем «на промысел сей издерживается до 300 тыс. рублей, а выручается вдвое». Рыба вывозится в Петербург, Москву, в Тверскую, Псковскую, Ярославскую и другие губернии⁷⁷.

Сведения по рыболовной статистике не отличались большой точностью. И. Кучин указывает, что, «по скромному расчету Н. Я. Данилевского», доходность озер Ильменя, Белого и Воже в 70-х гг. XIX в. составляла 380 тыс. рублей. В связи с развитием промысла в конце столетия доходность этих водоемов увеличилась в два раза⁷⁸.

Развитию промысла способствовало улучшение сбыта рыбы (построены новые дороги), открытие новых рынков сбыта (например, г. Варшава), увеличение населения и другие.

---

⁷⁷ Е. Зябловский. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. III, Спб. 1810.

⁷⁸ И. В. Кучин. Опыт текущей рыболовной статистики в Белозерском и Кирилловском уездах Новгородской губернии. Вестник Новгор. земства, № 20, 1902, стр. 46—47.

Бортничество

Бортничество было весьма развито на древней Руси. Мед и воск использовались как внутри страны, так и служили предметом внешней торговли. В договорных грамотах Новгорода с тверскими князьями значился пункт о посылке княжеского медовара в Ладогу⁷⁹. «А в Ладогу ти, княже, слати осетръник и медовара по грамоте отца твоего Ярослава»⁸⁰. Значение воска как предмета внешней торговли хорошо показано в специальной «Договорной грамоте Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами о торговле воском» (1342 г.)⁸¹ В этой грамоте особенно подчеркивалась необходимая чистота воска: «Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, каким бог его дает, с его собственной подсадой, таким, какой он есть. Новгородцам не брать воск с примесями ни от низовых, ни от корелов. А будет, что привезет кто-либо поддельный воск в Новгород и случится с ним что-либо из-за этого, то не жаловаться ему ни на кого, а только на самого себя».

В качестве бортных угодий фигурируют в грамотах борти, бортные леса. Борть — дерево с выдолбленным или естественным дуплом, где живет рой диких пчел. Борти располагались в бортных лесах, занимавших большую площадь. В таком же значении используются термины «бортная земля», «бортная вотчина», «бортной отвод»⁸². В документах под словом борть понимается обычно лесное угодье с пчелиными роями. Именно в таком смысле борть употребляется в грамотах при перечислении угодьев: «... и лес, и борти, и ловище на Ловати»⁸³. В «Договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом о союзе» (1323 г.) упоминаются «пчелиные борти»⁸⁴. Иногда содержатся более подробные сведения о бортях. Пример из Купчей XIV в.: «...А по той земле и борт стародет и новодет...»⁸⁵, т.е. деревья со старыми и новыми бортями.

Бортничество особенно было развито в южных районах Новгородского края (Деревская пятина, Шелонская пя-

⁷⁹ ГВН и П, № 2, 3, 6, 9, 10, 14, 15, 22.

⁸⁰ Там же, № 2, стр. 10, 1266 г.

⁸¹ Там же, № 41, стр. 73.

⁸² АСЭИ, т. II, № 340, стр. 338, № 381, стр. 377—381.

⁸³ ГВН и П, № 80, стр. 139, 1125—1137 гг.

⁸⁴ Там же, № 37, стр. 65, 66.

⁸⁵ НПГ, № 7, стр. 51.

тина, Псковская земля). В последующее время пчеловодство утрачивает такое большое значение, какое оно имело в древней Руси, хотя и было распространено во многих уездах Новгородской губернии.

Лесной промысел

Лесной промысел всегда играл большую роль в жизни Новгородского населения. Вся жизнь крестьянина была связана с лесом: пашня отвоевывалась от леса, жилища строились из древесины, скот пасли в лесу, там же устраивали борти, путики и т.п. Поэтому не случайно многие угодья имеют названия, образованные от слова «лес»: «страдамый лес», «лешая пашня», «лешеный лес» и т.п. Почти все сельскохозяйственные угодья вышли из «дикого» леса. «Дикие» коренные леса в актах обычно противопоставляются лесам пашенным. Пример: «...дал есми им пустого леса дикого, а тот лес лежит от века не пахан»⁸⁶. Идентичное ландшафтное значение имеют термины: «старь лес», «матерой лес» («да и половина леса матерого»⁸⁷), лес «дичь» и т.п. Упоминание коренных лесов обычно связано с описанием границ земельных владений.

В течение длительного времени население края не испытывало недостатка в лесе. Беспокойство по этому поводу впервые обнаруживается в XVIII в. В «Экономических примечаниях» всегда содержится пункт о качестве леса, причем очень часто отмечается недостаток строевого леса.

В Топографических описаниях отмечается, что население многих уездов занято продажей леса на дрова и строительство. М. Чулков приводит сведения о количестве плотов, поступивших с разных рек Новгородской губ., которые косвенно характеризуют развитие лесного промысла. Так, с рек Тигоды, Пчевжи, Оскуя поступило 1141 плот из сосновых бревен, со Свири и Паши — 733 плота, с Вишеры — 101 плот⁸⁸. Дубовый лес (308 плотов) поступил в 1777 г. только из Осташкова, Холма и Великих Лук. Сплава строевого леса по остальным рекам практически не было.

⁸⁶ АСЭИ, т. I, стр. 530.

⁸⁷ АСЭИ, т. I, стр. 30.

⁸⁸ М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. IV, кн. V, М., 1786. стр. 641 (таблица). [135]

Много леса в XVIII в. использовалось для солеваренного промысла (Старорусский у.), винокуренного завода (Устюжажелезнопольский у.), изготовления деревянной посуды, телег и других предметов домашнего обихода. Много леса шло на строительство судов. По данным М. Чулкова на продажу в 1777 г. поступало: из Новгорода 117 судов (барок, полубарок, водовиков, лодок), из Приильменя — 221 судно, с Тихвина — 158 судов, с берегов Мсты — 428 судов, с Осташкова, Холма и Великих Лук — 431 судно, из Старой Руссы — 186 судов и т.д.⁸⁹ Барок, имеющих наибольшее водоизмещение по сравнению с другими судами, больше всего изготовлялось на берегах Мсты, особенно в районе знаменитых Боровичских порогов (Потерпелицы, Боровичи и др.).

Таблица 10

Развитие судостроения в Новгородской губ. в 1791 г.⁹⁰

Уезды	Сколько в год строится				Итого	
	Барок	Полубарок	Лодок больших	Лодок малых	Всего судов	На сколько рублей
Крестецкий	41	—	—	—	41	125
Старорусский	265	30	6	120	475	29265
Валдайский	19	7	—	—	26	—
Боровичский	75	37	30	23	135	5526
Тихвинский	75	26	—	—	101	3730
Устюжский	—	—	1000	800	1800	2640
Белозерский	80	95	—	55	230	3915
Кирилловский	364	22	50	30	466	30060
Череповской	375	10	—	230	615	38210

Пытаясь сохранить лес, правительство неоднократно издавало указы, запрещающие применение топорного леса на «судовое и домовое строение». Усиленно предпри-

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Описание Новгородского наместничества, ЛОИИ, колл. 115, д. 392.

сывалось использовать в различных целях, в том числе и в судостроении, только пильный лес⁹¹. Для этого поощрялось строительство пильных мельниц. В 1791 г. в губернии насчитывалось 16 пильных мельниц: в Устюжском уезде — 4, в Тихвинском, Боровичском и Крестецком по 3, в Новгородском — 2, в Старорусском у. — 1, в других уездах мельниц не было⁹².

Таким образом, пильных мельниц было мало, а потребность в судах была большая. Напомним, что по территории губернии проходил знаменитый Вышневолоцкий водный путь, соединявший Санкт-Петербург с центральными районами России. Поэтому правительственные запрещения на изготовление топорных судов практически не выполнялись.

Со второй половины XIX в. лесная промышленность быстро развивается. Крупнейшим потребителем новгородских лесоматериалов являлся Петербург. Лес сплавливали по рекам. О масштабе сплава дает представление следующая таблица.

Таблица 11

Размеры ежегодного сплава леса⁹³

Уезды	Число бревен строевого леса	Число сажень трехполенных дров
Кирилловский	до 30 000	до 2000
Белозерский	до 47 000	до 1000
Череповецкий	до 55 000	до 4500 трехпол.
Череповецкий	до 10 000 досок	до 2000 однопол.
Череповецкий	—	16 000 на лучину
Устюжский	145 000	500
Устюжский	15 400 досок	—
Тихвинский	317 000	98 000
Боровичский	65 000	40 000
Валдайский	16 000	8 000
Крестецкий	29 500	95 000
Демянский	36 150	53 100
Демянский	152 800 досок	18 500 саж. хворосту
Новгородский	—	весьма мало
Удел Старорусский	Лес идет только для собственного потребления	
Всего по губернии	до 1 000 450 бревен 178 200 досок	дров 304100 Хворосту и лучины 34 500

⁹¹ ЦГИА, ф. 157, от. 1, д. 7, л. 9.

⁹² ЛОИИ, колл. д. 392, л. 5.

⁹³ Военно-Статистическое обозрение..., стр. 127.

В 90-е годы в Санкт-Петербург по Волхову ежегодно сплавлялось до 1,5 млн. бревен и свыше 335 тыс. сажен дров⁹⁴.

Отношение к лесам, особенно частновладельческим, было хищническое. Запущенность лесного хозяйства в губернии уже отмечалась в первой половине XIX в. «Почти вся Новгородская губерния покрыта лесом: но большая часть онаго есть не что иное, как высокий и частый кустарник, лесов же строевых и дровяных в губернии находится 3210257 дес.» пишет автор «Обозрения». Он же указывает, что рубка лесов производится без деления на лесосеки, беспорядочно, «помещики жгут их беспощадно»⁹⁵. В ряде уездов (Белозерском, Кирилловском) лес переводят в связи с гонкой дегтя и смолы. Продолжается использование леса на постройку судов, причем центр судостроения формируется в восточных уездах (Череповецкий, Тихвинский), где ежегодно изготавливается до 800 судов⁹⁶. Это объясняется развитием судоходства на новой Мариинской системе, более удобной для судоходства, нежели Вышневолоцкий водный путь.

Хищническое лесопользование подчеркивается нерациональным распределением по территории губернии и XIX в. лесопильных предприятий.

Таблица 12

**Соотношение между лесистостью уездов, числом лесопилен
и их сравнительной мощностью⁹⁷**

Уезды	Лесопокрытая площадь в %	Число лесопилен	Сумма производства (в тыс. руб.)
Крестецкий	65	4	204
Боровичский	63	2	10
Валдайский	58	5	75
Новгородский	51	3	435
Демянский	46	—	—
Старорусский	35	8	675

⁹⁴ А. И. Абульханов. Черты дореволюционного развития и размещения промышленности Новгородской области. Доклады отделений комиссии ГО СССР, Л., 1967, стр. 91.

⁹⁵ Военно-Статистическое обозрение..., стр. 125, 126.

⁹⁶ Там же, стр. 128.

⁹⁷ Абульханов. Указ. соч., стр. 91.

Как видно из таблицы, наиболее мощные предприятия были сконцентрированы в уездах (Старорусском, Новгородском), отличающихся от других меньшей лесистостью.

В половине века развиваются отрасли промышленности, связанные с использованием древесины, — бумажная, спичечная, скипидарное производство. Более половины всей продукции деревообрабатывающей промышленности до революции составляли пиломатериалы, 25% — спички, 18% — фанера. Пиломатериалов в 1913 г. было произведено 134 тыс. куб. м. Наиболее крупными предприятиями являлись завод Стюарта и завод Канцеленбогена в Новгороде (по 120 рабочих), завод товарищества Шеляпина в Старорусском районе (130 рабочих), завод Браслова в Старорусском районе (100 рабочих). Спичечные фабрики концентрировались в районе Чудова. Всего было 7 фабрик, на которых работали 3161 рабочий. Производством фанеры занимались три фабрики: в Старой Руссе (800 рабочих), в пос. Парахино (292 рабочих), в д. Березовик Окуловского района (58 рабочих). В 1913 г. производство бумаги в губернии составляло 17,3 тыс. тн. Всего было 6 бумажных, 3 картонных и 2 фабрики по производству древесной массы. Большинство предприятий этой отрасли концентрировались в пос. Парахино и в Вельгии⁹⁸.

Большая часть предприятий лесной промышленности до революции размещались по рекам и вдоль железной дороги. Необходимо подчеркнуть большое значение лесного промысла в экономике Новгородского края, уступающего первое место только сельскому хозяйству.

Другие промыслы

Среди неописанных промыслов, пользующихся широким распространением, следует назвать только один — гончарный, который был развит во всех уездах. Другие промыслы имели большое хозяйственное значение, но были ограничены в своем распространении отдельными районами. К ним следует отнести: солеваренный, железоделательный, стекольное, производство изделий из «огнепостоянной глины», добычу известняка, производство

⁹⁸ Новгородская область за 50 лет., стр. 28—29.

кирпича, цемента. Некоторые из этих производств впоследствии утратили свое первостепенное значение или прекратили существование. Совершенно забыт жемчужный промысел, некогда привлекавший большое внимание государственных деятелей.

Первые сведения о новгородском жемчуге относятся еще к 1488 г. В этом году князь Иван III послал в подарок венгерскому королю Матиашу «...соболь черный, ноготки у него золотом окованы с жемчюги, 20 жемчюгов Новгородских на всех ногтях, а жемчюги не малы и хороши и чисты»⁹⁹.

В конце XVI в. состоялся интересный разговор московского посла с персидским шахом, в котором в частности говорится: «Жемчуг, государь, ведется у государя нашего в земле на Двине на Холмогорах и в Великом Новгороде в реках»¹⁰⁰.

Наиболее полные сведения о жемчужном промысле относятся к XVIII в. В 1715 г. крепостной крестьянин Гаврил Кузнецов добыл сто жемчужин, о которых узнал Петр I. В 1716 г. отыскивать жемчуг в реках Петербургской губернии по указу царя отправляется Вильяшев, который вскоре представил в Бергколлегию 5 жемчужин, добытых в Новгородском крае. В 1721 г. выходит указ Петра I о запрещении беспорядочного лова жемчуга. Дворяне расписываются по рекам для ловли жемчуга и «смотрения» за ним. Воего за период с 1721 по 1731 год было представлено 4936 жемчужин¹⁰¹.

Интенсивный лов жемчуга подорвал его запасы, и промысел постепенно сокращается. Поэтому высказываются мысли о необходимости его искусственного разведения. Так, С. Г. Гмелин, описывая свойства «валдайских вод», указывал, что хотя в реках Полометь и Кремечь мало рыбы, но зато здесь много речных раковин, которыми можно было бы нагружать целые суда и следовало бы «труда стараться по примеру Швеции о размножении через искусство жемчугу»¹⁰².

---

⁹⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. VI. Спб. 1817, стр. 164.

¹⁰⁰ Цитируя по И. Н. Ухановой. Новые данные об одном из северных промыслов. Докл. отд. этнографии ГО СССР, вып. 2, Л., 1960.

¹⁰¹ В. Козлов. Новгородский жемчуг. «Неделя» от 27 июня 1966 г.

¹⁰² С. Г. Гмелин. Путешествие по России..., стр. 16.

В настоящее время трудно сказать, какое было количество ловцов жемчуга. Видимо, этот промысел не был систематическим. Однако сам факт его развития является замечательным свидетельством своеобразного влияния на природу человека в средние века.

В заключение характеристики промыслов отметим, что наибольшее влияние на ландшафт имел лесной промысел. Интенсивное его развитие привело, во-первых, к резкому уменьшению лесов в ряде районов и, во-вторых, к изменению породного состава насаждений.

[141]

{Страница в источнике оставлена пустой}

IV

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ И ДРЕВНЕЙ ОСВОЕННОСТИ ЛАНДШАФТОВ И ОКРУГОВ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Современное состояние природы является результатом длительного исторического процесса ландшафтных изменений, происходивших под влиянием хозяйственной деятельности населения. Описанные в предыдущей лекции особенности природопользования нашли свое отражение в характере современных ландшафтов. В отличие от некоторых других областей земли, например, аридных, где между природой и населением иногда возникали «конфликтные» ситуации, приводившие к перемещению городов, поселков и т.п., Северо-Запад так же, как и многие другие районы, является относительно «спокойной» территорией. Природные процессы, развивавшиеся в историческое время, не порождали здесь коллизий между географической средой и населением. Места первых обитателей Новгородского края обживались последующими поколениями людей, не испытывавших стремления к «бродяжничеству». Изменения в сельскохозяйственной технологии отражались на характере ландшафтов, структура которых испытывала антропогенную переработку.

Анализ современной освоенности проводился по типам ландшафтов и по природным (ландшафтным) округам. За основу были положены материалы кадастра геокомплексов, карты современной и древней освоенности, исторические источники.

СОВРЕМЕННАЯ ОСВОЕННОСТЬ ЛАНДШАФТОВ

Дадим краткую типологическую характеристику современной освоенности геокомплексов Новгородской области. Тип ландшафта представляет собой обобщение свойств, присущих группе конкретных комплексов, имеющих однохарактерную структуру¹.

---

¹ В. С. Жекулин. К вопросу о типологии ландшафтов. Изв. ВГО, вып. 2, 1958. Его же. О методике изучения структуры ландшафтов в целях типологии. Географический сб., вып. 6. Изд. Львовск. университет., 1961. [143]

Холмистые комплексы с частой сменой условий увлажнения, поверхностных пород, мозаичностью почвенного и растительного покрова. Среди этой группы комплексов, особенно характерных для Валдайской возвышенности, наилучшую освоенность имеют грядово-ложбинные и холмисто-равнинные. От холмисто-котловинных и камово-моренных ландшафтов они отличаются отсутствием озер, обилием мелких рек и ручьев, наличием выровненных участков. Массивные моренные холмы и гряды с покатыми вершинами и пологими склонами чередуются с понижениями и равнинными участками. Условия для земледелия здесь лучше, чем в других видах холмистых комплексов, поэтому они и лучше освоены. Особенно хорошо освоена юго-западная и местами, восточная части Валдайской возвышенности — до 70% и более. Холмисто-котловинная местность лучше всего освоена в районе Центрального Валдая (40—50%) и хуже всего — в северной части Валдайской возвышенности (10—20%).

Камово-моренная местность представлена главным образом в подтайге. Освоенность ее колеблется в больших пределах, но в среднем составляет около 30%.

Возвышенные полого-волнистые и плоские равнины с нормальным или кратковременным избыточным увлажнением характерны для Валдайской возвышенности, Предвалдайской полосы, Овинищенской возвышенности. Лучше всего освоены ландшафты, сформировавшиеся на моренных бескарбонатных глинах и суглинках. Они окаймляют с северо-запада Валдайскую возвышенность в пределах Маревского, Демянского и частично Валдайского районов. Коренная растительность представлена фрагментами еловых лесов. Почвы средне и сильноподзолистые и дерновоподзолистые, в понижениях — дерново-подзолисто-глееватые. Кроме того, ландшафты этого вида занимают восточную часть Валдайской возвышенности, расположенную в подтайге. Освоенность их также велика — до 60—70%. Особенно хорошо освоена территория, прилегающая к р. Уверь. Коренная растительность — еловые зеленомошные леса (черничники и кисличники) на среднеподзолистых и дерново-среднеподзолистых почвах.

Ландшафты на озерно-ледниковых глинах и суглинках (звонцах) не занимают большой площади. Из 33 комплексов 24 имеют площадь до 3 кв. км. и только 3 комплекса имеют площадь более 10 кв. км. Освоенность звонцев очень слабая — общая площадь освоенной территории около 15 кв. км. Однако коренные леса сохранились на звонцах тоже плохо: повсеместно преобладают леса из мелколиственных пород с примесью широколиственных элементов, а также местами ельники кисличники и сложные. Почвы дерново слабо- и среднеподзолистые и поддубицы.

Ландшафты на озерно-ледниковых песках и супесях освоены лучше, чем звонцы. Освоенность их достигает 50%, некоторые небольшие по площади комплексы освоены полностью. Ландшафты, расположенные в подтайге, освоены лучше, чем местности, находящиеся в полосе южной тайги. Растительность южнотаежных комплексов представлена главным образом еловыми зеленомошными лесами на среднеподзолистых почвах. В подтайге больше вторичных лесов и дерново-слабоподзолистых почв. На песках формируются поверхностно-подзолистые почвы.

Среди всех комплексов описываемой группы наименее освоенными являются ландшафты на флювиогляциальных песках. В подтаежной части Валдайской возвышенности освоенность их не превышает 10—20%, в южной тайге освоенность изменяется от 0 до 10%. На водоразделах много верховых болот. Основной фон растительности составляют сосновые брусничные и вересковые леса, занимающие повышенные местоположения, и сосняки — осоково-сфагновые — по понижениям. Почвы поверхностно-подзолистые и реже — дерново-слабоподзолистые.

Приречные и приозерные участки, сложенные флювиогляциальными озерно-ледниковыми супесями, относятся к числу районов древнего освоения.

Низменные преимущественно плоские, местами заболоченные равнины занимают большую часть Приильменской низменности, причем преобладают комплексы на бескарбонатных породах. К ним относятся урочища на озерно-ледниковых глинах и суглинках, песках и супесях, на моренных глинах и суглинках, на флювиогляциальных песках. Ландшафты на озерно-ледниковых глинах и суглинках распространены глав- [145]

ным образом в северной части Ильмень-Волховской низменности. Освоенность колеблется от 20 до 40%. Западное побережье Ильменя (Поозерье) освоено полностью. Приречные территории, за исключением района «Большой поймы» Волхова, освоены значительно лучше, чем водораздельные урочища. Коренные леса сохранились плохо. Повсеместно преобладают вторичные леса с фрагментами ельников-черничников и сосняков-сфагновых (по понижениям). Преобладают дерново-сильно-подзолисто-глееватые почвы. Ландшафты этого типа в основном расположены в южной тайге. Значительно лучше освоены комплексы на озерно-ледниковых песках и супесях.

Здесь выделяются несколько крупных по площади ландшафтов, имеющих сравнительно высокую освоенность: Нижнеловатский ландшафт имеет освоенность 54,5%, Полометьский — 43,9%, Пришелонский — 83,3%, Среднемстинский — 77,9%, Верхнемстинский — 15,4%, Нижнемстинский — 9,1%, Верхнеловатский — 43,3%. Подтаежные ландшафты освоены лучше южно-таежных. В растительности южнотаежных комплексов преобладают сосновые и реже еловые (на супесях) долгомошные и сфагновые леса и сосняки — брусничники и вересковые (на повышенных участках). Наряду с сильно и среднеподзолистыми почвами широко распространены разности торфяно-подзолисто-глеевых и торфяных почв. В растительности подтаежных ландшафтов господствуют вторичные леса с фрагментами ельников и сосняков сфагновых по понижениям. Ландшафты на глинах и суглинках в Приильменской низменности обычно плохо дренированы и как следствие — сильно заболочены. Примерами таких комплексов являются — Маловишерский, Бегловский, Среднеловатский, Полистовский. Освоенность их изменяется от 20 до 30%. Сельскохозяйственные земли расположены почти исключительно вдоль рек, водоразделы покрыты болотами и заболоченными лесами.

Ландшафты на флювиогляциальных песках расположены в Приильменской и Молого-Шекнинской низменностях. В западном Приильменье они представлены в виде вытянутых полос зандрового рельефа и обычно имеют освоенность около 30—40%. Значительно большую площадь занимают они в Пестовском районе (освоенность 8,2%) Кроме верховых болот, занимающих водо-

разделы, здесь распространены сосновые леса разных типов на почвах различной степени оподзоленности и заболоченности.

Комплексы на карбонатных моренных глинах и суглинках относятся к числу наиболее хорошо освоенных ландшафтов. Они расположены в южном и западном Приильменье. Южно-Приильменский ландшафт занимает хорошо дренированную территорию, издавна освоенную человеком. Сельскохозяйственные земли и залежи занимают 75,5% площади.

Западно-Ильменский ландшафт в отличие от Южного Приильменского хуже дренирован, здесь больше болот (главным образом низинных), дерново-глеевых и дерново-подзолисто-глееватых почв. Освоенность ландшафта 31,9%. Среди растительных ассоциаций преобладают леса из мелколиственных пород с примесью широколиственных элементов. Хорошее возобновление широколиственных пород позволяет нам включить этот ландшафт, так же, как и Южный Приильменский, в подтайгу.

Таким образом, наилучшая освоенность характерна для хорошо дренированных равнин, комплексы, которых формируются на моренных карбонатных и бескарбонатных глинах и суглинках, а также озерно-ледниковых песках и супесях. Хорошо освоены также грядово-ложбинные и холмисто-равнинные ландшафты.

По признаку освоенности территория Новгородской области разделяется на следующие районы:

1. Районы высокой освоенности — 70—100%. Сюда относятся: Мстинская впадина, Пришелонье, Южное Приильменское Поозерье, берега рек и озер.

2. Районы средней освоенности — 30—70%: восточная часть Предвалдайского округа, южная часть Северо-Валдайского округа (Мошенской, Пестовский районы), северная часть Ильмень-Лужского округа, южная часть Ильмень-Ловатского округа, отдельные участки Южно-Валдайского округа, преимущественно приуроченные к грядово-ложбинным и холмисто-равнинным местностям. Все эти районы хорошо дренированы, расположены в подтайге.

3. Районы низкой освоенности — 10—30%: западная часть Ильмень-Волховского округа, центральная часть Ильмень-Ловатского и Южно-Валдайского округов. [147]

4. Районы очень низкой освоенности — 0—10%. Это преимущественно плохо дренированные территории по нижней Мсте, в восточной части Ильмень-Волховского округа, задровые местности Хвойнинского и Пестовского районов. Кроме того, почти в каждом природном округе имеются комплексы, слабо освоенные или неосвоенные человеком. Обычно площадь их невелика. Классификация геокомплексов по их освоенности населением необходима для определения степени измененности природы региональных и типологических единиц.

Современная освоенность ландшафтов является следствием экономической деятельности населения, находящейся в связи со сложившейся системой сельского расселения. Обычно хорошо освоенный ландшафт имеет не только сильно измененную природу, но и густое население. В таблицу № 13 сведены результаты исследовательской работы, выполненной совместно с А. Ф. Челпановой, по изучению освоенности и заселенности геокомплексов Новгородской области. Как видно из таблицы, между освоенностью комплексов и плотностью населения имеется некоторая прямая связь (комплексы 6, 12 и другие). Более отчетливо выражена обратная зависимость между людностью населенных пунктов и освоенностью: наибольшую людность имеют селения, расположенные на слабо дренированных низменных равнинах, природные условия которых препятствовали равномерному размещению деревень по территории ландшафта. В наиболее пригодных для освоения приречных местностях издавна формировались крупные поселения.

Очевидно, что типологический анализ дает лишь самую общую картину освоенности и заселенности геокомплексов. К сожалению, на этом общем фоне «растворяются» некоторые специфические особенности освоения территории отдельных районов. Их необходимо учитывать при изучении сопряженных вопросов освоения и сельского расселения. Так, например, среди холмисто-котловинных комплексов своей высокой заселенностью выделяется территория Центрального Валдая: средняя плотность более 20 чел., средняя людность более 115 человек; среди грядово-ложбинных комплексов — южная часть Северо-Валдайского округа: средняя плотность 15,7—19,6 чел., средняя людность 81,8—97,2 чел. Среди камово-моренных комплексов преобладают местности небольшой площади, причем наиболее густое население имеет террито-

рия к югу от Валдайского озера: средняя плотность 17,3 чел., средняя людность 210,7 чел. В группе равнинных комплексов наибольшую заселенность и освоенность имеют ландшафты на карбонатных породах (см. таблицу № 13), а также отдельные местности возвышенных озерно-ледниковых песчаных равнин к западу и к северу от г. Валдая, возвышенных моренных равнин к северу от р. Мсты (Комарово, Зарубино), возвышенных флювиогляциальных равнин в районе с. Марево, низменных на озерно-ледниковых глинах и суглинках в верховьях р. Волхова, низменных, песчаных по р. Мшаге, в Поозерье и др. Среди комплексов низменных равнин на моренных суглинках и флювиогляциальных песках густо заселенные местности встречаются весьма редко.

Изучение взаимосвязи геокомплексов с сельским населением позволило выделить следующие ландшафтные типы сельского расселения:

1. Хорошо и умеренно дренированные равнины, сложенные карбонатными и бескарбонатными глинами и суглинками и реже — озерно-ледниковыми песками и супесями. Это наиболее населенные местности Новгородской области. Природные условия не ограничивали сельское расселение, поэтому здесь наблюдается не только густое, но и равномерное распространение населенных пунктов территории. Последние тянутся цепочками вдоль рек или расположены на водоразделах. Расстояние между населенными пунктами обычно не превышает 1—3 км. Преобладают мелкие и реже — средние по людности селения. Изучение Новгородских писцовых книг показало, что уже к XV в. здесь в связи с повсеместным распространением трехпольного земледелия сложилась устойчивая система сельских поселений. Древний возраст освоения этой территории отразился в современных ландшафтах — широко распространены окультуренные и сильно измененные комплексы. Подавляющее большинство сельского населения занято сельскохозяйственным трудом. Здесь сосредоточена большая часть сельскохозяйственных угодий. Большинство хозяйств имеет льноводно-животноводческую специализацию.

Ареал этого типа освоения и сельского расселения включает большую часть территории Ильмень-Лужского, южную часть Северо-Валдайского и отдельные комплексы Предвалдайского ландшафтных округов. Благоприятные для развития сельского хозяйства природные усло-

вия сближают между собой эти разобщенные территории. Однако имеющиеся различия, играющие в целом подчиненную роль, отражаются на модификации сельского расселения и главным образом на топографии населенных пунктов. Последние по характеру их физико-географического расположения в пределах описываемого типа можно классифицировать следующим образом:

а. Приречные (преимущественно мелко-речные) — широко распространенный тип поселений. Как свидетельствуют данные археологии, новгородские славяне VII—IX вв. расселялись главным образом по малым рекам — притокам Ловати, Полы, Шелони, Мсты и др. Например, из 143 могильников, описанных, в бассейне Ловати, 102 (71,5%) расположены на ее притоках. 82,5% сопкок находятся на притоках р. Полы, 71% — на притоках р. Шелони и т.п.² Сопоставление археологической карты и карты современного расселения показало, что многие поселения занимают места древних славянских селищ.

б. Водораздельные — особенно характерны для Ильмень-Лужского округа, хотя встречаются и в других местах. Поселения приурочены к ложбинам (водораздельно-ложбинный подтип), занятым небольшими ручьями или выходами грунтовых вод, или расположены на равнинных участках, находясь, по классификации авторов «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», при «копанных колодезях». Изучение географического распространения починков (XV—XVI вв.) показало, что большая часть современных водораздельных селений возникла в связи с широким распространением трехпольного земледелия. Многие из них испытали опустошающее влияние экономического кризиса, т.е. поселения не отличались устойчивостью во времени. В настоящее время многие селения, сохранившиеся до наших дней, оказались расположенными вдоль автомобильных дорог областного и районного значения.

Очень своеобразна сельская местность в Южном Приильменье: на фоне полого-волнистой моренной равнины, сложенной карбонатными породами, выделяются невысокие гряды и ложбины, к которым приурочены небольшие селения (45% селений имеет число жителей до 50 чел.) Местность почти полностью освоена, коренных лесов нет,

² В. В. Седов. Новгородские сопки. М., 1970, стр. 9.

большие массивы пашни на слабоподзолистых и дерново-карбонатных почвах чередуются с лугами, занимающими неглубокие замкнутые котловины. Формы водораздельных селений более разнообразные, чем приречных — здесь наряду с линейной встречаются кучные и звездообразные формы.

в. Приозерные — распространены в пределах Валдайской возвышенности. Они в большей степени характерны для холмисто-котловинных и камово-моренных ландшафтов, чем для равнины. Равнинные берега озер удобны и для застройки, и для разработки сельскохозяйственных угодий, поэтому они издавна освоены человеком. Здесь распространена кольцевая форма селений.

2. Низменные, плохо дренированные равнины, сложенные моренными суглинками и глинами, озерно-ледниковыми и флювиогляциальными песками. Большая заболоченность ограничивала возможности сельского расселения. Поэтому вдоль рек, в местах, удобных для освоения, издавна концентрировалось сельское население. В настоящее время селения отличаются сравнительно большой людностью. Например, в Маловишерском ландшафте более 35% населенных пунктов имеет число жителей свыше 50 чел. Средняя людность селений, расположенных на озерно-ледниковых глинистых и суглинистых равнинах, достигает максимальной в области величины — 127,2 чел.

Селения преимущественно расположены по рекам — линейного и гнездового типа и по отдельным суходолам среди болот. К последнему типу физико-географического расположения населенных пунктов следует сделать следующее примечание: в период повсеместного распространения трехполья крестьяне пытались освоить все более или менее удобные для разработки пашни места. Так среди лесов и болот возникли многочисленные починки и малодверные деревни. Изучение системы поселений около огромного Тесово-Нетьльского болотного массива, Пелгорского, Должинского и др. болот, проведенное на материале Писцовых книг Шелонской и Вотской пятин, «Экономических примечаний» и современным данным, показало, что во всех перечисленных местах уже в средние века сформировалась система многолюдных поселений, существующая местами до настоящего времени. Внешний облик такой местности достаточно специфичен: на фоне болот и заболоченных лесов выделяются непра-

вильной формы пятна обработанных земель и селения, приуроченные к «островам», «веретям» (длинным грядам среди болот) или «горушкам». В дореволюционное время это были настоящие «медвежьи углы», расположенные недалеко от главного города Российской империи — С.-Петербурга. Преобладает линейная форма селений. Господствуют слабо измененные комплексы. Судя по «Экономическим примечаниям», многие используемые в XVIII в. пустоши включали болота и заболоченные леса. Напомним, что «пожня на болоте» являлась распространенным угодьем новгородского крестьянина в XV в. Лучшие условия для развития сельского хозяйства имеются на слабо дренированных равнинах, сложенных карбонатными породами (Западно-Ильменский ландшафт): потенциально плодородные дерново-подзолисто-глееватые и дерново-карбонатные местами почвы, низинные луга в замкнутых котловинах, подтапливаемых жесткими грунтовыми водами. Проводимые здесь мелиоративные работы дают быстрый положительный эффект. Здесь господствуют измененные комплексы. В прошлом здесь были освоены долины р. Луги и ее мелких притоков, а также отдельные урочища, расположенные на водоразделах (размытых моренных холмах, песчаных участках и др.).

3. Возвышенные слабо дренированные зандровые и озерно-ледниковые равнины. Характеризуются слабой освоенностью и заселенностью. Населенные пункты почти исключительно приурочены к рекам и реже — озерам. Наряду с сельскохозяйственными распространены лесопромышленные поселки. Многие населенные пункты расположены по дороге Москва — Ленинград (через Пестово, Хвойную). Преобладают слабо измененные и измененные комплексы, возникшие главным образом в связи с распространением лесных промыслов. Карты Генерального межевания свидетельствуют о небольшой освоенности этой территории в прошлом.

4. Холмисто-котловинные и камово-моренные комплексы с большой пестротой природных условий и мелкой контурностью сельскохозяйственных земель. Эти ландшафты типичны для Валдайской, Вепсовской и других возвышенностей Северо-Запада. Пестрота природных условий всегда ограничивала здесь, за некоторыми исключениями, возможности возникновения крупных населенных пунктов. Поэтому исторически сложилась дис- [152]

персная форма сельского расселения. Она находит свое отражение в весьма разнообразных по своему физико-географическому положению населенных пунктах.

а. Приозерных с кольцевой застройкой. Берега многих валдайских озер были заселены уже в неолите. Можно выделить селения, приуроченные к малым и крупным озерам — Селигеру, Валдайскому, Велье и др. Карты Генерального межевания свидетельствуют о полной освоенности озерных берегов в XVIII в. Здесь образовалось немало устойчивых центров освоения территории — г. Валдай, г. Осташков, с. Полново и др.

б. Холмисто-моренных с кучной застройкой. Имеются в виду населенные пункты, приуроченные к крупным моренным возвышенностям и «горам». Характерным примером является д. Ильина Гора Демянского района (184 чел.). Старинное селение расположено на вершине крупного завалуненного моренного холма с разнообразным микрорельефом. В плане деревни выделяется несколько коротких улиц, но большая часть домов расположена беспорядочно, сообразуясь с особенностями рельефа. Приусадебные участки очень маленькие, так как нет места. Поля занимают склоны, сенокосы — понижения.

5. Грядово-ложбинные и холмисто-равнинные комплексы с густым сельским расселением «полосного» типа. В условиях этого типа ландшафтов имеются лучшие по сравнению с предыдущим типом природные предпосылки для развития сельского хозяйства: больше выравненных участков и легких по механическому составу почв (играли роль в прошлом), больше заливных лугов. Современная освоенность этих ландшафтов примерно в два раза больше, чем холмисто-котловинных комплексов.

Населенные пункты расположены в пределах следующих типов урочищ:

а. Моренных гряд с линейной формой застройки. Вытянутые плоские вершины способствуют оптимальной застройке в условиях возвышенного моренного рельефа. Селения этого типа встречаются в различных районах Валдайской возвышенности, в частности по дороге Марево — Демянск — Яжелбицы (дд. Беляевщина, Сухая Нива, Михальцево, Черный Ручей и др.).

б. Ложбин (часто доледниковых), занятых речками и ручьями. Вдоль ложбин имеются участки, удобные для заселения и освоения. Преобладает линейная форма за-

стройки, но возможны и другие — звездообразная, кучная и др. Наиболее крупные населенные пункты ландшафтов этого типа приурочены к ложбинам и равнинным участкам — Демянск (в прошлом г. Демон), Марево, Шереховичи и др. Большинство поселений — древние, упоминаются в писцовых книгах.

в. Холмисто-моренных участков, сложенных преимущественно легкими породами. В период широкого распространения трехпольного земледелия (XIV—XV вв.) земледельцы всегда отдавали предпочтение легким песчаным и супесчаным почвам, удобным для обработки. Поэтому многие деревни оказались приуроченными к песчаным моренным и камовым холмам, небольшим участкам зандров и т.п. Современные поля также обычно имеют песчаные почвы. Иногда типы сельскохозяйственных угодий имеют точную привязку к литологии — поля обязательно на песках и супесях, остальные угодья и лес — на суглинках. Характерно, что само поселение вовсе не обязательно приурочено к воде. Главное для земледельца было найти участок, удобный для устройства пашни. Это очень распространенная группа селений и на Валдайской возвышенности, и в Предвалдайской полосе. Названия многих деревень образованы от слова «пески». Формы застройки — разнообразные. Все перечисленные группы связи между урочищами и селениями являются, наиболее характерными. Меньшее распространение имеют селения, приуроченные к подножию моренных гряд (разновидность «карнизного» типа), суглинистым равнинным участкам.

6. Крупные реки и озера. К группе относятся населенные пункты, сформировавшиеся в связи с развитием рыболовного промысла на Ильмене или судоходства на рр. Мсте, Шелони, Волхове, Ловати. Во время функционирования Вышневолоцкого водного пути возникли многочисленные пристани: Опеченский Посад, Басутино, Ножкино, Потерпелицы — все на Мсте, Новгород, Сосницкая пристань, Олонма и др. — на Волхове. Крупной пристанью на Ловати было с. Рамушево, где переваливались грузы, следовавшие «Серигерским» путем. На Шелони вырос посад Сольцы. Селение Взвяд на Ильмене на протяжении нескольких веков (начиная с XII в.) упоминается в юридических документах как место традиционной княжеской охоты. В писцовой книге Шелонской пятины Взвяд фигурирует как посёлок рыболовов. Сове-

менный Взвяд (444 чел.) сохранил свое значение центра рыбного промысла в Южном Приильменье. Взвяд расположен на пологом песчаном увале, с трех сторон окружен водой. На этой же гряде расположены исторически связанные с Взвядом селения Корпово, Подборовок, Некрасово. Песчаное поднятие — единственно возможное место для устройства селений в дельте Ловати. Планировка Взвада незамысловата: одна главная улица и два переулка. Жители исключительно занимаются рыбным промыслом (колхоз «Красный рыбак»). Пашни и общественного животноводства нет. В личной собственности у колхозников много коров и овец. Пастбищ не хватает, поэтому, по выражению местных жителей, «коровы землю едят». Дд. Устрека, Ужин, Заднее Поле, селения Поозерья (с.-з. берег Ильменя) имеют рыболовецко-сельскохозяйственную специализацию.

Таким образом, между ландшафтами, урочищами и характером сельского расселения и типами населенных пунктов по местоположению имеется прямая связь. Она позволяет говорить о возможности создания ландшафтной типологии сельского расселения. Преимущество ее заключается в учете конкретных природно-экономических условий, оказавших влияние на расселение как в прошлое, так и настоящее время. Однако все выводы о влиянии ландшафтных факторов на сельское расселение должны подкрепляться количественными данными. Существующая классификация населенных пунктов по местоположению обязательно должна учитывать характер того ландшафта, в котором расположен исследуемый населенный пункт. Выше приводилась попытка создания такой типологии.

2. СОВРЕМЕННАЯ И ДРЕВНЯЯ ОСВОЕННОСТЬ ЛАНДШАФТНЫХ ОКРУГОВ

В Новгородской области находится 7 ландшафтных округов. Их расположение в системе зонального и а зонального подразделения Северо-Запада показано на следующей схеме.

Среди ландшафтных округов наилучшую освоенность имеет Ильмень-Лужский округ, географическое положение и природные условия которого издавна способствовали заселению его территории. Учитывая высокую степень окультуренности ландшафтов Ильмень-Лужского [155]

округа, рассмотрим исторический процесс освоения его комплексов в специальной лекции.

Ограниченные размеры лекции позволяют нам привести только самые краткие сведения об освоенности природы других ландшафтных округов.

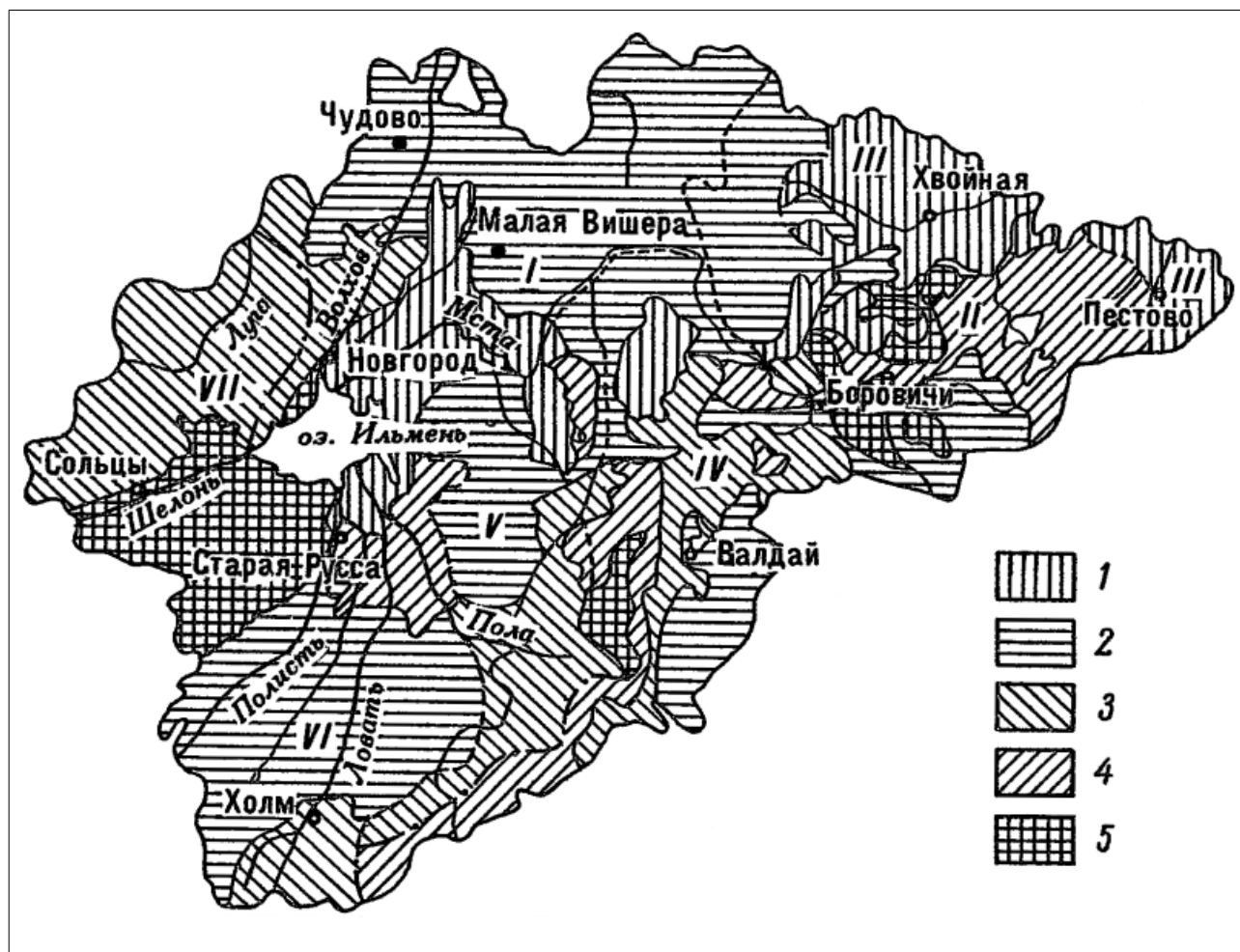
Таблица 14

Зональное подразделение (подпровинции)	Азональное подразделение (области)		
	Ильмень-Ловатская низменная область	Валдайская возвышенная область	Молого-Шекснинская низменная область
Южнотаежная	Ильмень-Волховский	Северо-Валдайский	Молого-Чагодский
Подтаежная	Ильмень-Лужский Ильмень-Ловатский Предвалдайский	Южно-Валдайский	—

Ильмень-Ловатский природный округ

Ландшафты округа сформировались на моренных и озерно-ледниковых равнинах. Повсюду распространены бескарбонатные породы (суглинки, супеси, пески). Округ состоит из нескольких ландшафтов, различающихся своей освоенностью. Большая часть низменной моренной равнины, сложенной бескарбонатными глинами и суглинками (Среднеловатский ландшафт), имеет освоенность около 30%. Освоенность резко уменьшается в восточном направлении, где расположен Полистовский болотный массив. В юго-западной части, где рельеф дренирован лучше, освоенность увеличивается до 43%. Такую же освоенность имеет и Холмский низменный ландшафт, занимающий доледниковую впадину, сложенную с поверхности озерно-ледниковыми песками и супесями. Северная часть округа занята песчаной и супесчаной озерно-ледниковой равниной (Нижнеловатский ландшафт). Здесь расположены нижние течения рек — Ловати, Полисти, Порусьи, Редьи, то есть местность неплохо дренирована и удобная для освоения (54,5%). Средняя плотность населения и людность (в скобках) населенных пунктов является следующей: Нижнеловатский ландшафт — 13,9 (97,4), Средне-Ловатский — 4,2 (45,8), [156]

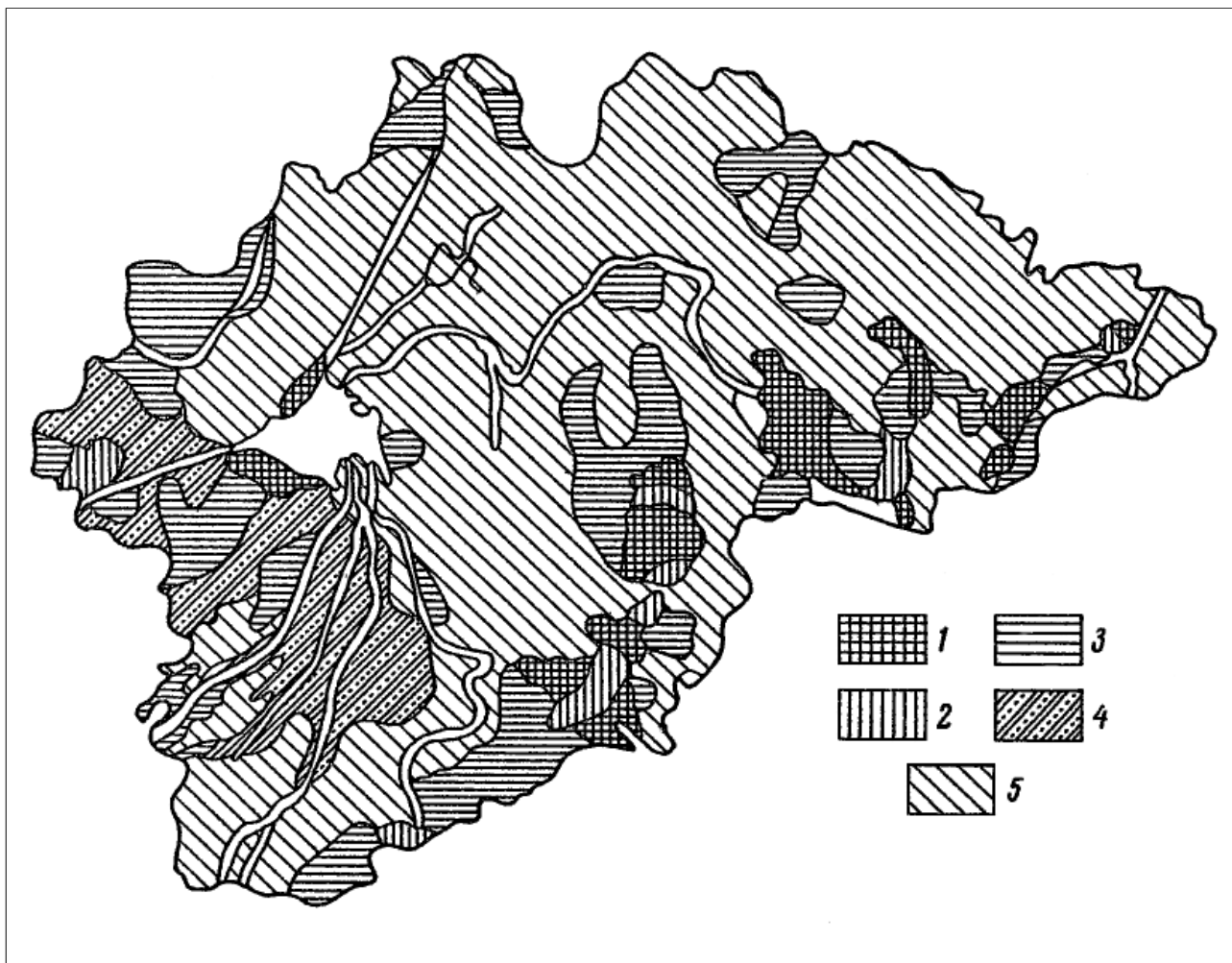
Холмский — 6,1 (49). По Ловати, Поле, в верховьях Полисти, по многим мелким рекам обнаружены остатки древнеславянских захоронений (сопки). Большая их часть приурочена к мелким рекам.

Рис. 1. Современная освоенность ландшафтов Новгородской области, в %.
a — 1—10, *б* — 10—30, *в* — 30—50, *г* — 50—70, *д* — более 70.
 I—VII — округа: I — Ильмень-Волховский, II — Северо-Валдайский,
 III — Молого-Чагодский, IV — Южно-Валдайский, V — Предвалдайский,
 VI — Ильмень-Ловатский, VII — Ильмень-Лужский.

В округе преобладал приречный тип освоения. В XV—XVI вв. хорошо были освоены не только главные реки, но и их многочисленные притоки. Густое население располагалось по р. Снеже, Холынье, Переходе и другим. Среди водоразделов, хорошо освоенных в XVIII в., следует выделить территории между реками Снежа — Холынья и Холынья — Полюсть. Хорошую освоенность имели геокомплексы, расположенные по мелким речкам и ручьям в западной части округа (Среднеловатский ландшафт). В округе преобладали малодворные селе-

ния состоящие из 3—10 дворов. Урожай ржи составлял сам 4, пшеницы сам 5, других культур сам 3³. В целом земли северных ландшафтов округа давали большие урожаи хлеба, чем земли южных ландшафтов. Это является следствием более плодородных и лучше окультуренных почв Старорусского уезда по сравнению с Холмским.

**Рис. 2. Освоенность территории Новгородской области в XVIII в.
(по материалам Генерального межевания).**

**1 — окультуренные комплексы, 2 — сильно измененные комплексы,
3 — измененные с водораздельным и долинным освоением, 4 — измененные,
преимущественно с долинным освоением, 5 — слабо измененные комплексы.**

Большое влияние на природу оказывали промыслы. Особенно широко был распространен лесной промысел. Так, жители Холмского уезда делали доски, сани, деревянную посуду, полубарки⁴. Сено, дрова, корабельный

³ Топографическое описание Новгородского наместничества. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18875, л. 47.

⁴ Топографическое описание Псковского наместничества. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18969, л. 86.

дубовый лес в большом количестве отправлялись в Санкт-Петербург. В г. Старой Руссе исторически сложился солеварный промысел. Развитие этого промысла сопровождалось потреблением большого количества леса. Истребление лесов приняло настолько катастрофические размеры, что в 1719 г. государственное солеварение было временно закрыто.

Самым глухим и плохо освоенным районом округа являлся Полистовский сильно заболоченный ландшафт. В Военно-Статистическом описании Псковской губернии дается следующая характеристика этой местности: «Весь бассейн р. Полисть имеет самое незначительное население, местные дороги, проложенные во мхах, едва проходимы, земледельческая производительность тех мест весьма незначительна»⁵. Только зимой, когда замерзали болота, оживал этот малонаселенный район.

Наряду с хвойными в округе широко были распространены широколиственные и мелколиственные леса. На дубовый лес в окрестностях Старой Руссы обратил внимание еще Петр I в 1693 г. Известный русский путешественник по Северо-Западу Н. Я. Озерецковский отмечал дуб по дороге в Старую Руссу, описывал мореный дуб, местами обнаруженный в береговых откосах р. Ловати⁶.

Сравнение современной и древней освоенности ландшафтов округа позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время несколько сnivelировались различия в освоенности геокомплексов, расположенных в Среднеловатском ландшафте. В XVIII в. эти различия были более заметными, хотя общий рисунок заселенности и освоенности округа в целом остался прежним.

Южно-Валдайский природный округ

Округ имеет сложное морфологическое строение. В его состав входят многочисленные геокомплексы, часто сменяющиеся на коротких расстояниях. Наилучшую освоенность имеют юго-западная часть округа, где широко распространены грядово-ложбинные комплексы, и Мстинская впадина, ландшафт которой преимущественно сформировался на озерно-ледниковых и местами моренных отложениях.

⁵ Военно-Статистическое описание Псковской губ. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18970, л. 73.

⁶ Н. А. Озерецковский. Путешествие по оз. Селигеру...

Освоенность этих территорий до 60—70%. Значительно хуже освоены участки возвышенных зандровых равнин — 10—20%. Пестрая картина современной освоенности округа — характерная особенность его ландшафтов. Такая же пестрота характерна и для распределения на территории плотности населения и людности населенных пунктов. В целом хорошая освоенность ландшафтов округа не является случайной. Здесь по берегам озер, мелким речкам и невысоким водоразделам обнаружены многочисленные могильники раннего славянского времени (оз. Велье, Березай и другие). По Селигеру, Явони, Поле проходил старинный судоходный путь («Селигерский»), вдоль которого образовывались селения. Издавна судоходной была р. Мста, соединявшая Новгородскую землю с Поволжьем и Центром. Еще в XV в. здесь шел процесс образования рядков — зарождающихся городов. Но особенно большое значение этот путь приобрел в XVIII в., когда стала функционировать Вышневолоцкая водная система, соединявшая Петербург с внутренними районами страны. Строительство каналов и бейшлотов, расчистка фарватера р. Мсты, возникновение поселков лоцманов и «судоплатцев», ремонтировавших пострадавшие на порогах суда, — вот далеко неполный перечень мероприятий, проводимых в целях улучшения судоходства.

Сельскохозяйственная освоенность юго-западных районов округа была достаточно высокой в XV—XVI вв. Об этом свидетельствуют данные о селениях и землях по Демонскому присуду, Моревской волости, Вельевскому погосту⁷. В XVIII в., кроме юго-западных, широко освоенными являлись районы Центрального Валдая. Об этом свидетельствуют крупномасштабные карты Валдайского уезда. Лесистость Валдайского уезда на конец XVIII в. равнялась 57,6%, то есть была наименьшей по сравнению с другими уездами Новгородской губернии⁸. В среднем на душу населения в Валдайском уезде приходилось 4,8 дес. земли, что больше, чем в Демянском (3,8 дес.), Крестецком (2,5 дес.), Тихвинском (2,6 дес.), Кирилловском (2 дес.) уездах, но меньше, чем в Устюжском уезде (5,5 дес.)⁹.

⁷ НПК, т. II.

⁸ ЦГИА, ф. 380, оп. 183, д. 48.

⁹ Военно-Статистическое обозрение..., стр. 121.

Строевого леса в округе почти не было. Различные источники указывают на широкое распространение в прошлом лесов с широколиственными элементами. Например, при описании отдельных землевладений в «Экономических примечаниях» отмечаются в лесах дуб и клен¹⁰. Имеются указания на дубовые леса в Жабинском погосте¹¹. На обилие дубового леса на Валдае обратил внимание путешествовавший здесь С. Г. Гмелин¹². На дубы в районе Яжелбиц указывал Гюльденштедт¹³.

Широкая полоса окультуренных и измененных урочищ протянулась по линии Маревы — Молвотицы — Демянск — оз. Велье — Валдай — Лучки. Плохо освоенными оставались районы, расположенные к востоку от оз. Велье и к востоку от современного города Окуловка. Хорошо освоенными были берега рек и озер округа, а также местами территория вдоль тракта Санкт-Петербург — Москва.

Сравнивая современную и древнюю освоенность ландшафтов округа, мы без труда замечаем большие различия, особенно характерные для Центрального Валдая. Большинство лесов этой территории имеет вторичное происхождение и образовалось на месте старых пашен, подсечных участков и в результате лесного промысла.

Предвалдайский природный округ

Округ занимает переходную полосу от Валдайской возвышенности к Приильменской низменности. В его пределах расположен Валдайский уступ, низменность на месте позднеледникового Полометь-Холовского водоема, Бегловский вал.

Западная (Привалдайская) часть округа лучше освоена, чем восточная — величины освоенности соответственно 50% и 23%. Средняя плотность населения и людность (в скобках) населенных пунктов: Полометьский ландшафт — 7,7 (66,7), Бегловский ландшафт — 4,6 (72,2) чел. Освоению территории округа способствовали — легкие песчаные и супесчаные почвы, удобные для обработки, наличие мелких рек (Холовы, Волмы, Веребушки), расположение на дороге Санкт-Петербург —

¹⁰ Экономические примечания. ЦГАДА, ф. 1395, оп. I, д. 873, л. 62.

¹¹ ЦГИА, ф. 380, оп. 183, дд. 48, 52.

¹² С. Г. Гмелин. Путешествие по России...

¹³ Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза. Т. I, М., 1947.

Москва и на Вышневолоцком судоходном пути (проходит по северной окраине округа). Вместе с тем обширные заболоченные водоразделы в западной части округа были и остаются слабо освоенными.

Раннеславянские поселения преимущественно располагались по двум окраинным рекам округа — по Мсте и Поломети, хотя обнаружены древние захоронения были и по мелким речкам округа. В XV—XVI вв. долины Мсты, Волмы, Холовы и других рек были хорошо освоенными. Например, на р. Холове особенно хорошо была освоена местность в районе дд. Куренево, Тербушево, Рыдино (нижнее течение реки). В верхнем течении этой реки наиболее значительными селениями являлись — пог. Крестцы, а также дд. Холм, Березовец, Великая Ветошь и другие. Очень хорошо была освоена местность по небольшой речке Вербушка (Вербенъи); многие селения, расположенные по этой реке, сохранились до настоящей времени. В XVIII в. мелко-речный и притрактный типы освоения являлись господствующими в округе.

Изучение нескольких десятков деревень по данным «Экономических примечаний» позволило прийти к выводу о высокой степени окультуренности отдельных районов округа. Везде указываются плодородные «иловатые» земли, где «хлеб родится хорош» и «изрядные» покосы. Урожаи в целом были выше, чем средние по губернии: рожь — сам 6, пшеница — сам 5, овес, ячмень — сам 4¹⁴. В Крестецком уезде, который целиком располагался в округе, на усадебные пахотные земли и сенные покосы приходилось около 25% от всей его площади. В целом селения округа неплохо были обеспечены покосами, дровяным и строевым лесом.

Кроме староосвоенных земель по долинам мелких рек, в XVIII—XIX веках возникают или расширяются окультуренные площади по тракту Санкт-Петербург — Москва (в районе дд. Зайцево, Вины, Красные Станки и другие). Таким образом, ландшафты округа отличаются друг от друга как степенью, так и возрастом освоения территории.

Ильмень-Волховский природный округ

В округе наибольшее распространение имеют следующие местности:

а. Низменная на озерно-ледниковых глинах и суглинках (Поозерье, Нижне-Волховский ландшафт, Средне-Волховский ландшафт),

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18875, л. 163.

б. Низменная на озерно-ледниковых песках и супесях (Нижне-Мстинский ландшафт),
в. Низменная на моренных бескарбонатных глинах и суглинках (Мало-Вишерский ландшафт). Господство низменного слабо дренированного рельефа — общая особенность ландшафтов округа.

Ландшафты освоены крайне неравномерно. Лучше всего освоены местности в Поозерье (100%) и по р. Волхову (30—37%), а хуже всего — в Нижне-Мстинском (9,1%) и в Мало-Вишерском (16,5%) ландшафтах. Отметим, что восточные районы отличаются от западных большой заболоченностью.

Ландшафты округа имеют следующую плотность населения и людность населенных пунктов (в скобках): Нижне-Волховский — 21,4 (190,2), Средне-Волховский — 6,0 (106,8), Нижне-Мстинский — 6,6 (153,2), Маловишерский — 3,2 (64,5).

Территория округа относится к числу районов древнего освоения. Археологами обнаружены в Приильменьи остатки поселений неолитического времени (Коломцы, Городище, «Холопий городок»). В отличие от других территорий здесь открыто сравнительно немного сопок (10), приуроченных к Поозерью и к истокам Волхова¹⁵.

В XV—XVI вв. природа Поозерья была уже сильно изменена человеком. Об этом свидетельствуют большая густота поселений (на узкой полосе между берегом Ильменя и рекой Веряжью насчитывалось около 30 селений), большой размер посева и покоса. Величина запашки составляла 6 кор. на 1 крестьянский двор, на одну коробью пашни приходилось в Поозерье 9,4, а в Заверяжье 17,4 копны сена¹⁶. Такие селения, как Ракомо, Курицкое, Васильевское и другие, являлись центрами освоения этой территории на протяжении нескольких веков. В Поозерье было распространено огородничество и садоводство. Население прибрежных деревень занималось рыбной ловлей.

На противоположном (восточном) берегу Ильменя наиболее густое население было сконцентрировано в южной части побережья (Сытинский погост). В конце XV в. в этой части Ильменского приозерья была широко распространена подсека. Об этом свидетельствуют записи в писцовых книгах о посевах «яри». Здесь также интен-

¹⁵ Седов. Новгородские сопки...

¹⁶ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни...

сивно занимались ловлей птиц перевесьями¹⁷. Еще в XV в. берега Волхова были хорошо освоены населением. Особенно это относится к территории от истока реки до устья р. Полисти. Очевидно, что так называемая «Большая пойма Волхова» освоена была недостаточно. Среди водоразделов своей хорошей освоенностью выделялся Пидьба-Волховский водораздел. В остальной части территории преобладал приречный тип освоения, причем наиболее густое население располагалось по рр. Полисти, Керести, Кусыне, Оломне. Наибольший размер посева был характерен для деревень, расположенных по Волхову (3—4 кор. на 1 крестьянский двор). Деревни по Полисти сеяли 2—3 кор., а деревни, расположенные в приводораздельных условиях, — 1,5—2 кор. на 1 двор. Все поволховские деревни были хорошо обеспечены покосами. Особенно много сена давали пойменные луга. Так, например, великий князь со своих 27 пожен, перешедших к нему от старых новгородских бояр, получал 3700 копен сена, а «коли вода невелика, ино ставится на них сена больше того и не искашивают...»¹⁸.

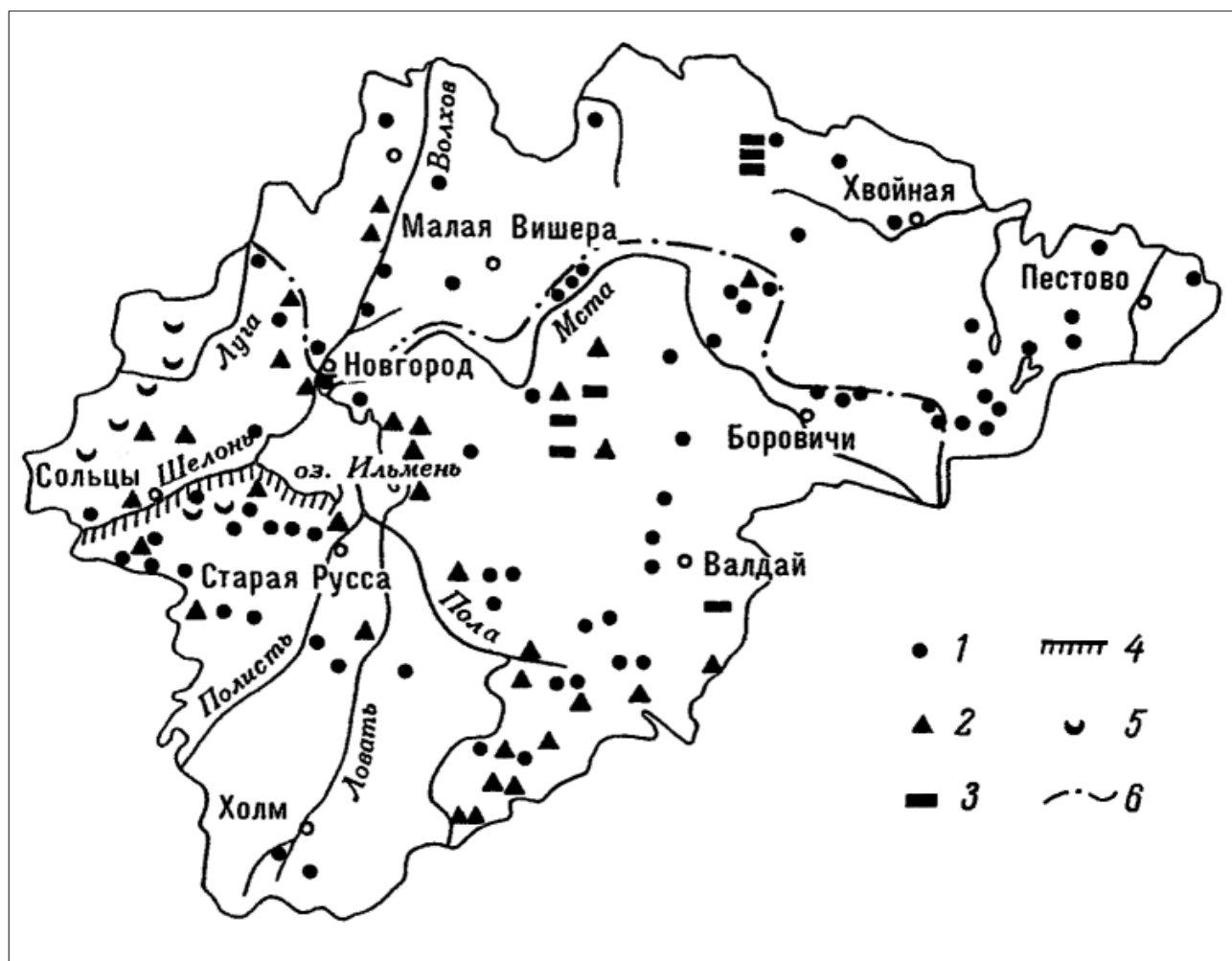
Крестьяне приречных деревень интенсивно занимались рыбной ловлей, о чем свидетельствуют указания на тони и колы¹⁹. В XVIII и XIX веках в целом сохранились старые тенденции в освоении территории округа. Анализ карты освоенности ландшафтов, составленный по материалам Генерального межевания, позволяет выделить в пределах округа: местности высокой (Поозерье, Поволховье, долины мелких рек), средней (северная часть округа) и низкой (водораздельные пространства Нижне-Мстинского и Мало-Вишерского ландшафтов) освоенности. Земли по Волхову, Питьбе, тракту Санкт-Петербург — Москва оценивались современниками как плодородные, дающие «изрядные» и «хорошие» урожаи. Многие селения имели сравнительно много земли — 4—6 дес. на 1 крестьянский двор. Такие селения на Волхове, как Грузино, Коломно, Сольца и другие, существуют в течение нескольких веков и являются центрами освоения Поволховских районов. Восточная часть округа была и остается значительно хуже освоенной, чем западная. В Нижне-Мстинском ландшафте полностью окультуренными были только урочища, расположенные по

¹⁷ НПК, т. II, СПб., 1862.

¹⁸ НПК, т. III, стр. 451.

¹⁹ Там же, стр. 453, 461.

р. Мсте. В Мало-Вишерском ландшафте сельскохозяйственные земли протягивались узкими прерывистыми полосами по рр. Вишере, Хубе и их притокам. Значительные по площади заболоченные, водораздельные пространства были заняты слабо измененными и неизменными комплексами с преобладанием болот и заболоченных лесов.

Рис. 3. Распространение в прошлом широколиственных пород.

1 — по данным топонимики, 2 — по данным исторических документов, 3 — поддубицы (на «звонцах»), 4 — дерново-карбонатные почвы, 5 — пятна дерново-карбонатных почв, 6 — граница между южной тайгой и подтайгой.

В округе возделывались обычные сельскохозяйственные культуры. Средний урожай ржи, пшеницы и чечевицы — сам 5, других культур — сам 4²⁰. Почву хорошо обрабатывали, применяли удобрения, на озимом поле устраивали специальные борозды для стока воды.

В конце XVIII в. среди лесов округа было немало насаждений из широколиственных пород — клена, вяза, ильма, ясеня, дуба (погосты Коломенский, Заверяж-

²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18875.

ский, Егорьевский, Поозерский и некоторые другие²¹). В настоящее время восстановление широколиственных элементов происходит во многих местах (Савинский лес под Новгородом, район Грузина, восточное Приильменье и др.).

Таким образом, неравномерная освоенность ландшафтов округа является следствием как природных, так и социально-экономических факторов. Напомним, что западные и центральные районы находились на издревле оживленных судоходных и сухопутных путях. В истоке Волхова возник древний русский город — Новгород (IX в.), который в течение длительного времени являлся центром освоения обширного края.

Различие в освоенности западных и восточных районов округа хорошо проявляется в характере землепользования и в типах современных лесов. Так, например, пахотные земли в Чудовском районе занимают 6,3%, в Новгородском 6,5%, а в Маловишерском — всего 2,7% от площади района. Более 70% лесов Чудовского и Новгородского районов состоят из мелколиственных пород. В Маловишерском районе хвойные и мелколиственные насаждения занимают приблизительно одинаковую площадь.

Крупным преобразовательным мероприятием в округе явилась постройка Волховской ГЭС. После надстройки плотины в 1929 г. уровень оз. Ильмень поднялся на 70—90 см. В связи с этим увеличилась на 21—34 дня продолжительность затопления поймы (до отметки 19 м). Сравнение съемок 1925 и 1957 гг., выполненных производственными организациями, позволило прийти к следующим выводам: во-первых, произошло изменение растительного покрова — остроосоково-канареечниковые луга заменены манниково-остроосоковыми ассоциациями, разнотравно-злаково-осоковые луга — манниково-остроосоковыми лугами, чистые канареечники — осоково-канареечниковыми лугами с примесью манника. Кроме того в ряде мест исчезли пырейники, увеличилась площадь, занятая ситняково-осоковыми и хвощово-осоковыми лугами. Во-вторых, морфологически пойменный ландшафт в настоящее время стал более сложным: некогда единые массивы пашни и луга сейчас расчленены заболоченными урочищами на отдельные участки сравнительно

²¹ ЦГВИА, ф. 480, оп. 1, д. 48, 52.

небольшой площади. В-третьих, в результате подтопления около 45% луговой площади полностью не может быть использовано в сельскохозяйственных целях, реконструкция этой территории требует больших материальных затрат и практически нецелесообразна.

Северо-Валдайский природный округ

Имеется много особенностей, сближающих ландшафты Северо-Валдайского и Южно-Валдайского природных округов, — свежий расчлененный рельеф, господство бескарбонатно моренных и водно-ледниковых отложений пестрого механического состава, мозаичность растительного покрова и другие. Наиболее распространенными в округе являются возвышенные холмисто-котловинные комплексы и ландшафты возвышенных моренных и зандровых равнин. Небольшую площадь на севере занимают «звонцы». Наиболее освоенной в округе является местность хорошо дренированной возвышенной моренной равнины, сложенной моренными суглинками и глинами (Мошенской и Пестовский районы). Освоенность этой территории 54,2%, причем пахотные земли занимают около 15% от площади ландшафта. Более половины всех лесов состоит из мелколиственных пород.

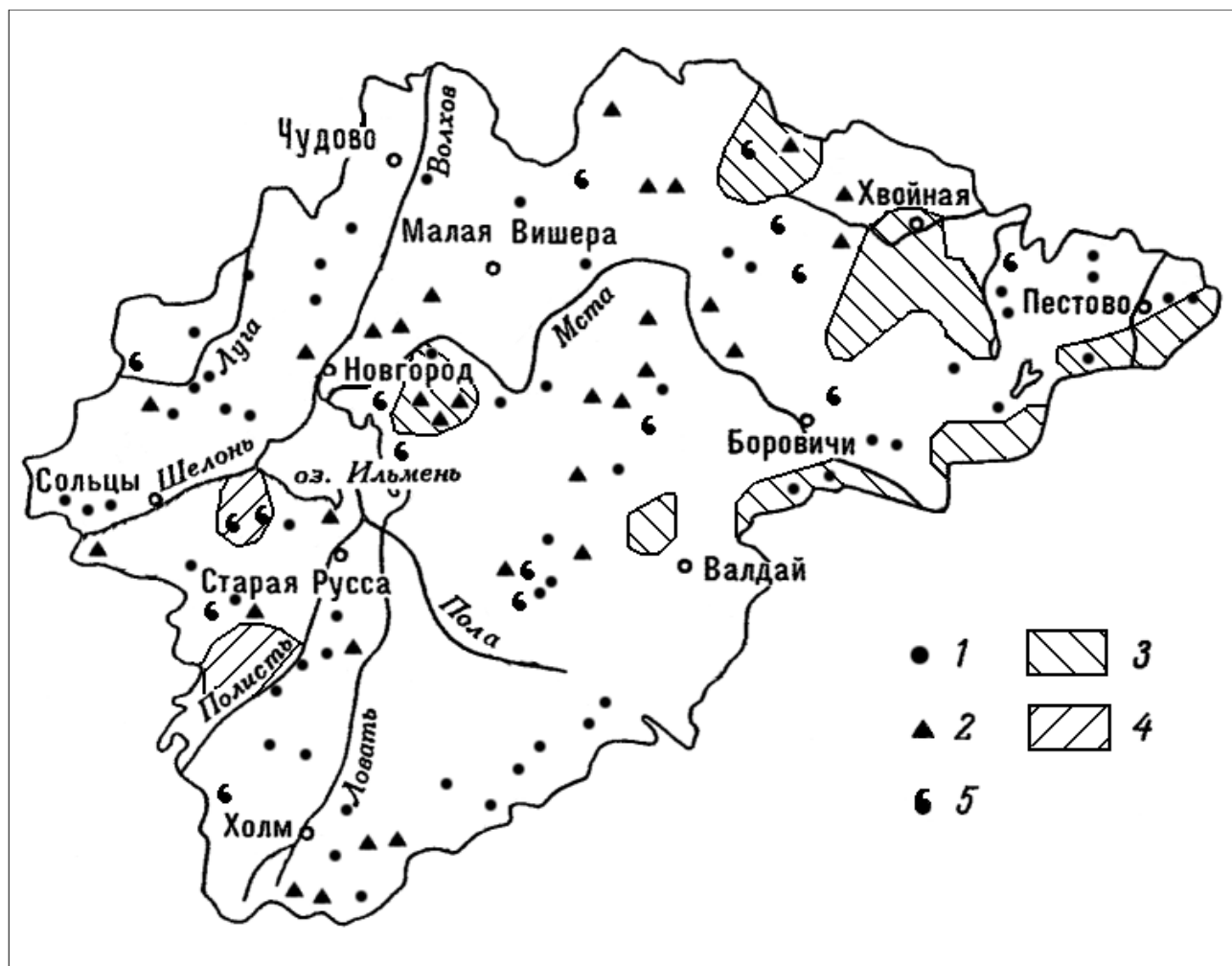
Плотность населения здесь 9,1 чел., а средняя людность населенных пунктов — 56,4 чел. Холмисто-котловинные «заозеренные» комплексы занимают наибольшую площадь в северной части округа. Плотность населения 3 чел., людность поселений 27,4 чел. Он имеет освоенность 18%. Наихудшую освоенность имеют геокомплексы, сформированные на «звонцах» и зандровых равнинах — менее 10%. Пашни в Любытинском районе составляют 4,5%. На мелколиственные леса приходится 56% покрытой лесом площади.

Таким образом, в настоящее время южная часть округа значительно лучше освоена, чем северная.

Наибольшая часть обнаруженных сопок приурочена к южной заозеренной части округа. Их особенно много на берегах озер Великое, Меглино, рр. Кабожи, Мсты. Многие современные селения расположены на месте или в непосредственной близости от могильников древних славян. Так, например, в пейзаж д. Устье, расположенной в истоке р. Меглинки, вписываются 13 сопки, относящихся к периоду раннего железа. Древнее поселение здесь было

[167]

приурочено к холмам водно-ледникового происхождения. На песчаных берегах рек и озер обнаружены остатки и многих других поселений. К их числу относится городище в окрестностях д. Никандрово (озеро Городно), целое скопление сопок, курганов и жалыников в районе д. Жуково и др. По возрасту эти поселения относятся к VI—IX вв. Многие урочища были хорошо освоенными в XV в.

Рис. 4. Распространение земледелия.

- 1 — пашенного (по данным топонимики — топонимы-ориентиры),
- 2 — подсечного (по данным топонимики — топонимы-ориентиры),
- 3 — подсечного, существовавшего до 20-х гг. XX в. (по В. И. Громову),
- 4 — подсечного, XIX в.
- 5 — {в источнике описание отсутствует}

{Качество рисунка в источнике плохое. Карта восстановлена вручную по источнику, возможны мелкие неточности.}

К их числу следует отнести местность в районе Шереховичей, Уверьское приречье, берега многих озер. В XVIII—XIX вв. наибольшую площадь окультуренные геокомплексы занимали в двух районах:

1. Шереховичско-Любытинский район (дд. Шереховичи, Любытино, Каменка, Никандрово). Здесь были хорошо освоены берега рек Мсты, Белой, берега озер Каменского, Ушкава, Городно и других. Неплохо были освоены и некоторые холмистые водоразделы, где возникали деревни «на сухо-

доле, при копаных колодезях» (например, д. Козлавицы).

2. Район оз. Коробожа и Уверьского приречья. Окультуренные геокомплексы протянулись сплошной полосой вдоль р. Увери; к западу и к востоку от нее располагались низменные комплексы, с мозаичным распространением пахотных и лесных угодий. Расположенные на севере «звонцы» в XVIII в. были освоены человеком. В настоящее время некоторые из них покрылись вторичными лесами. В целом Северо-Валдайский округ (особенно его северная часть) был хуже освоенным, чем Южно-Валдайский.

Молого-Чагодский природный округ

В Новгородскую область входит только западная часть округа. Характерная его особенность — широкое распространение геокомплексов, сформировавшихся на песчаных зандровых и озерно-ледниковых равнинах. В пределах области они плохо освоены (менее 10%). Ландшафты имеют следующую плотность населения и людность населенных пунктов: Кабожа-Песьский — 3,2 (63,7), Примологский — 6,3 (93,8).

В XVIII в. так же, как и сейчас, освоенные земли располагались преимущественно по рекам Песи, Левоче, Кабоже, Мологе и другим. Среди участков водораздельного освоения выделялась полоса сельскохозяйственных земель, протянувшаяся от оз. Игорь к р. Песь. Многие селения располагались по суходолам, так как берега малых озер заболочены. Сельскохозяйственные земли составляли в Устюжно-Железнопольском уезде около 20%. Пашен не хватало, поэтому крестьяне «исстараются о приумножении оной обсушением болот и расчисткою излесных мест»²². Население округа в XVIII в. интенсивно занималось железоделательным промыслом. «Крестьяне делают железо из доставляемой руды из находящихся во множественном числе по Устюжскому уезду болот»²⁴. Массовый характер этого промысла очень образно описал новгородский губернатор Яков Сиверс, который совершил большое путешествие по губернии: «Тут я думал, что я заехал в предместье вулкана. Во всех дерев-

²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18875.

²³ Там же, л. 124.

нях днем и ночью была такая стукота от их кузниц, в коих гвозди делают. Сию часть Белозерского и Устюжского уездов подлинно железнопольскими назвать можно, а паче потому, что в болотах и низких местах под первым слоем или дерном железная руда лежит»²⁴. На жжение угля, необходимого для выплавки железа, упот реблялось большое количество леса.

ВЫВОДЫ

Сравнение современной и древней освоенности ландшафтов и округов, а также последовательное изучение исторического процесса освоения территории Новгородской области, позволили в ее пределах выделить следующие районы:

1. Районы высокой современной и древней освоенности — Южное Приильменье, местность по р. Мшаге, Поозерье, местность по р. Волхову, Юго-Западный и Центральный Валдай, Мстинская впадина, Любытино-Шереховичский участок, местность по р. Увери, а также долины рек и озер. Это ландшафты постоянного воздействия человека на протяжении всего исторического времени. Изменение природы началось еще в неолите, но особенно большое влияние на комплексы оказало пашенное земледелие. Возраст интенсивного освоения и заселения этой территории XII—XV вв. (может быть несколько раньше). Издавна сложившаяся система сельского расселения существует до наших дней. Природа этих районов сильно изменена. Почвы и растительность имеют антропогенное происхождение — это дерново-слабоподзолистые почвы, культурные фитоценозы, вторичное мелколесье, иногда занимающее старопахотные земли, осушенные болота и т.п. В прошлом, судя по данным топонимики и историческим документам (см. картосхему), здесь было много лесов с широколиственными породами деревьев.

В холмистых ландшафтах Валдайской возвышенности за длительный период интенсивного землепользования сформировались антропогенные почвы с двойными подзолистыми и гумусовыми горизонтами (в нижней части склона), террасы напахивания на склонах и т.п. Иногда встречаются овраги. Постепенно меняется гидрохимический состав валдайских озер, в которые поступают стоки

²⁴ ЦГАДА, ф. Госархива, № 16, оп. 1, д. 785.

с сельскохозяйственных угодий, обогащенные биогенными элементами. Поэтому наблюдается эвтрофирование водоемов²⁵.

В Мстинской впадине имеются формы антропогенного горно-промышленного рельефа — терриконы, отвалы, шахты и т.п.

В этих районах проживает много сельского населения, и их земли имеют большую ценность, поэтому охрана окультуренных комплексов является главной задачей природопользования.

2. Районы средней освоенности с переменным воздействием населения на природу в течение исторического времени. Здесь преимущественно распространены измененные комплексы, формирование которых было связано с неоднократно повторяющимся процессом регенераций фаций и урочищ. Поэтому здесь много вторичных лесов и кустарников. Однако существенную роль играют и окультуренные комплексы, занимающие не только долины рек, но и дренированные водоразделы.

К этой группе относятся местности, примыкающие к первой группе районов. Наибольшую площадь они занимают в Прилужской части Ильмень-Лужского округа, в западной части Средне-Ловатского ландшафта, остальную часть Валдайской возвышенности, восточную часть Предвалдайского округа, в северной части Ильмень-Волховского округа, в бассейне р. Мологи. Геокомплексы имеют древний возраст освоения, но преобразованы они, по сравнению с предыдущими районами, хуже. Здесь имеются большие возможности для увеличения полезной сельскохозяйственной площади в связи с мелиорацией земель.

Районы 1 и 2 групп имеют освоенность более или менее равномерно распределяющуюся по территории.

3. Районы неравномерной освоенности. К группе относятся местности с низкой и очень низкой современной освоенностью (см. выше). Они главным образом расположены в восточных районах области, хотя имеются и в других местах. Исторически широко распространен приречный тип освоения и заселения территории. На остальной территории природные условия не способствовали формированию устойчивых типов природопользования,

---

²⁵ Г. С. Шилькрот. Сравнительная гидрохимическая характеристика некоторых озер Валдайской возвышенности. В кн. Типология озер, М., 1967. [171]

поэтому здесь дольше всего сохранилась подсека (см. схему). В прошлом большое значение имел железоделательный промысел. В дальнейшем расширяются лесо и торфоразработки. Огромное влияние на освоение территории оказали железные дороги Москва — Ленинград (быв. Николаевская, а также дорога через Пестово, Хвойную). По сравнению с другими районами здесь лучше сохранились неизменные и слабо измененные комплексы, а местности в целом имеют более молодой возраст освоения. Но главная особенность — историческая и современная неравномерность освоения этих территорий. Хорошо освоенные территории вдоль железных дорог, где за годы советской власти возникли многочисленные промышленные предприятия, чередуются с заболоченными водоразделами²⁶.

Из других выводов следует отметить, что данные топонимики и исторических документов позволили уточнить границу между южной тайгой и подтайгой.

---

²⁶ Некоторые данные об освоении ландшафтов могут быть уточнены после использования дополнительных материалов; однако это никоим образом не отразится на наших основных выводах. [172]

V

ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНОГО ОКРУГА

(на примере Ильмень-Лужского округа)

В предыдущих лекциях мы остановились на самой общей характеристике современной и древней освоенности природных округов. Однако цели историко-ландшафтного исследования предполагают более углубленное изучение исторического процесса освоения населением природных округов и ландшафтов. Не имея возможности рассмотреть историю всех округов, остановимся только на одном — Ильмень-Лужском, который может быть принят за эталон. Выбор округа не явился случайным — его территория издавна освоена человеком, а природа — сильно изменена.

На примере Ильмень-Лужского округа попытаемся проиллюстрировать методику детального историко-ландшафтного исследования. Читателя-географа не должно смутить обилие исторического материала, так как только он дает возможность установить конкретные взаимосвязи между населением и ландшафтом в течение исторического времени. Пьер Жорж справедливо отмечает, что история накладывает больший отпечаток на сельскую местность, чем на города¹. Изучение истории отдельных селений и сельского расселения в целом в связи с особенностями землепользования является «ключом» к пониманию исторического процесса изменения ландшафтов. «Привязка» всех исторических сведений к конкретным ландшафтам и их частям — необходимое условие подобного исследования.

1. КРАТКАЯ ЛАНДШАФТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Округ занимает западную часть Новгородской области, частично выходя за ее пределы, расположен в подтайге.

¹ Пьер Жорж. Сельская местность. Перев. с французск., М., 1959 («Введение»).

Кристаллические породы находятся на глубине от 800 до 900 м. Сверху они покрыты мощной осадочной толщей, среди которой наиболее важное ландшафтное значение имеют породы верхнего девона, непосредственно подстилающие четвертичные осадки. Верхний девон представлен глинами, алевритами, песчаниками, а также известняками, доломитами и мергелями. Залегая вблизи от поверхности, карбонатные породы оказывают влияние на химический состав грунтовых вод и почв. Наибольшую карбонатность имеют почвообразующие породы, расположенные к югу от оз. Ильменя. Карбонатность пород других ландшафтов округа проявляется лишь отдельными участками.

В округе имеется несколько месторождений карбонатного сырья, однако в настоящее время они не используются. В прошлом известняки Ильменского месторождения применялись для постройки новгородских храмов. Хлоридно-натриевые воды, содержащиеся в водоносных горизонтах карбонатной толщи, являлись сырьем для солеварения в округе. Для этого промысла особенно пригодными были воды швантойско-старооскольского комплекса, имеющие минерализацию до 20 г/л.

Среди пород четвертичного возраста наибольшее распространение получили моренные отложения — суглинки, глины, супеси, которые в отдельных районах являются карбонатными. Вдоль Шелони протягивается полоса озерно-ледниковых песков и супесей. В северо-западной части округа на фоне моренных отложений выделяются прерывистые полосы флювиогляциальных песков. Аллювиальные отложения представлены в устье р. Шелони и в долине р. Луги.

Минеральные ресурсы в округе невелики, поэтому они не играли существенной роли в истории природопользования описываемой территории.

Поверхность округа — равнина, имеющая высоту от 20 до 100 м. Наиболее пониженные участки приурочены к Шелони, а наиболее повышенные участки — к водоразделам Южного Приильменя и к размытым холмам северо-запада. Моренные равнины Южного Приильменя хорошо и умеренно дренированы, даже водоразделы имеют слабую заболоченность. Неплохо дренирована Пришелонская озерно-ледниковая низина, особенно ее правобережная сторона. Северо-западная часть округа дренирована значительно хуже. На водоразделе рек Луга —

Видогощь много заболоченных урочищ. Судходство было возможным на р. Шелони, р. Луге и местами на р. Мшаге. Являясь судходными путями, эти реки оказали влияние на формирование сельских поселений. Остальные реки — Псижа, Перехода, Саватейка (все — бассейн Ильменя), Иловенка, Сосенка, Колошка (все — бассейн Шелони) и другие никогда судходного значения не имени. Однако они оказали большое влияние на сельское расселение, особенно в Прилужской части округа, где приречные урочища часто являлись единственно удобными местоположениями для устройства деревень. Удобными для устройства селений являлись возвышенные берега оз. Ильменя, который в прошлом имел большое значение для судходства.

Для почвенного покрова округа характерно сочетание из дерново-карбонатных (южный берег Ильменя, правобережье Шелони), дерново-подзолисто-глееватых и дерново-слабоподзолистых почв. Широкое развитие дернового процесса является следствием не только распространения в прошлом травянистых елово-широколиственных и широколиственных лесов, но и влиянием антропогенных факторов — осветления лесов в связи с их вырубкой, появления вторичных временников, распашки земель. Наиболее плодородными являются дерново-карбонатные и дерново-слабоподзолистые почвы. Дерново-подзолисто-глееватые почвы после проведения мелиоративных работ также делаются весьма благоприятными для сельскохозяйственного производства. Такая оценка почв соответствует современным представлениям о их плодородии. В прошлом наиболее плодородными считались иловатые и песчаные почвы Пришелонья.

Растительность Южного Приильмения и Пришелонья сильно изменена человеком. Многие местности здесь полностью обезлесены: берега Ильменя и рек, многие водоразделы (Псижа-Перехода, Псижа-Саватейка и др.). Естественные ассоциации лучше всего сохранились в северо-западной части округа, хотя и здесь много вторичных лесов и кустарников. Исторические данные свидетельствуют о более представительном участии в прошлом широколиственных элементов в лесах округа.

Климатические различия в округе, имеющем сравнительно небольшую площадь и монотонный равнинный рельеф, невелики. Поэтому в системе зональных и азональных связей, положенных в основу выделения гео-

комплексов в ранге ландшафтов, последние имеют более важное значение, чем первые. Анализ азональных взаимосвязей проводится путем сопоставления таксономически соразмерных комплексов. Например, геоморфологический комплекс сопоставляется с почвенным комплексом, последний с растительным комплексом и т.п. Различия в литогенной основе ландшафтов оказывают влияние на буферные свойства других компонентов (почв, растительности и др.). Всего было выделено 5 рядов взаимосвязи:

I. Геоморфологический комплекс хорошо и умеренно дренированных моренных, преимущественно суглинистых (местами карбонатных) равнин представлен сочетанием увалистых и реже — плоских водоразделов, неглубоких речных долин и ложбин, озовых гряд и редко встречающихся заболоченных котловин. Характерно нормальное увлажнение и оптимальные условия стока для равнин Северо-Запада. Почвенный комплекс образуют дерново-карбонатные, дерново-слабо- и среднеподзолистые почвы. В прошлом господствовали елово-широколиственные и местами широколиственные леса. Распространены элементы фауны широколиственных лесов. Такой ряд взаимосвязи представлен в Южном Приильменье, а вне пределов округа — в Ордовикском плато.

II. Геоморфологический комплекс слабо дренированных моренных, преимущественно суглинистых равнин: низменные заболоченные водоразделы сочетаются с хорошо дренированными приречными участками, размытыми моренными холмами и котловинами. Увлажнение избыточное и реже — нормальное, низины подтапливаются жесткими грунтовыми водами. Преобладают дерново-подзолисто-глееватые, дерново-глееватые и дерново-слабо и среднеподзолистые почвы. Пятнами встречаются дерново-карбонатные разности. Господствовали широколиственно-еловые, еловые и сосновые (часто заболоченные) леса. Котловины заняты низинными и переходными торфяниками. Широко распространены низинные луга. Такой тип взаимосвязи характерен для низменных равнин с близко залегающими от поверхности карбонатными породами. В округе он представлен в западном Приильменье.

III. Геоморфологический комплекс озерно-ледниковых песчаных и супесчаных равнин, сочетающихся с поймами и террасами р. Шелони и ее притоков. Увлажнение нор- [176]

мальное, сток направлен в главную реку. В почвенном покрове господствуют дерново-слабоподзолистые и слабоподзолистые почвы, а в растительном — широколиственно-сосновые и сосновые, вероятно, вторичные леса. Взаимосвязь характерна для Пришелонской низины.

Перечисленные ряды взаимосвязи являются в округе ведущими. Их изучение позволило выделить в пределах округа отдельные ландшафты.

IV. Геоморфологический комплекс озерно-ледниковых суглинистых равнин, занятых в прошлом широколиственно-еловыми лесами на дерново-среднеподзолистых почвах (участок в нижнем течении р. Шелони).

V. Участки зандровых равнин со слабоподзолистыми почвами и сосновыми лесами. Они встречаются небольшими пятнами в Западном Приильменье.

VI. Ильменско-Шелонская пойма с дерново-луговыми слоистыми почвами и канареечниковыми лугами. Пойма расположена в устье реки.

Таким образом, три последние взаимосвязи выражены на небольших по площади территориях, соответствующих в таксономической системе комплексам урочищ или отдельным крупным урочищам. Они в качестве гетерогенных комплексов включаются в окружающие их ландшафты, усложняя морфологическую структуру. Однако основные черты морфологии ландшафтов обусловлены не гетерогенными комплексами, а урочищами-доминантами, т.е. наиболее широко распространенными и характерными. Таким образом, Ильмень-Лужский округ состоит из трех ландшафтов:

1. Южно-Приильменского, хорошо и умеренно дренированного, моренно-равнинного, суглинистого, с елово-широколиственными и широколиственными лесами на дерново-карбонатных и дерново-слабо и, реже, средне-подзолистых почвах.

2. Пришелонского, хорошо и умеренно дренированного, озерно-ледниково-равнинного, преимущественно песчаного и супесчаного, с широколиственно-сосновыми и сосновыми лесами на слабоподзолистых и дерново-слабоподзолистых почвах.

3. Западно-Ильменского, слабо дренированного, моренно-равнинного, суглинистого, с широколиственными-еловыми, еловыми и сосновыми лесами, низинными лугами и болотами на дерново-подзолисто-глееватых и дерново-слабо и среднеподзолистых почвах.

Границы между ландшафтами являются четкими, они соответствуют распространению различных генетических типов поверхностных отложений. Морфологическая структура ландшафтов является различной. Южно-Приильменский ландшафт преимущественно состоит из однотипных урочищ, закономерно повторяющихся на большой территории. Генетически сопряженное сочетание урочищ состоит из геокомплексов водораздельных суглинистых равнин, занятых пашнями, вторичными лесами и суходольными лугами, речных долин со слабо выраженным аллювиальным процессом и редких котловин с низинными лугами и болотами. На этом сравнительно однообразном фоне выделяется группа урочищ, расположенная вдоль южного берега озера Ильменя. Высокий берег с обнажающимися породами девона, хороший дренаж, дерново-карбонатные почвы — все это создает специфический облик местности.

Морфологическая структура Пришелонского ландшафта генетически является более разнородной, чем структура Южного Приильменья. Здесь наряду с урочищами полого-волнистых песчаных озерно-ледниковых равнин, занятых в прошлом широколиственно-сосновыми лесами, распространены комплексы суглинистых равнин, пойма Шелони, прибрежные озовые всхолмления. Вместе с тем доминантная роль урочищ озерно-ледниковых равнин и р. Шелонь, пересекающая все геокомплексы и являющаяся здесь регулятором стока, обуславливают целостность ландшафта.

Основной фон Западно-Ильменского ландшафта составляют урочища пониженной слабо дренированной суглинистой равнины, занятой вторичными лесами, низинными лугами (по понижениям), реже — пашнями. Речные долины с окультуренными геокомплексами, зандровые участки с сосновыми лесами и котловины с болотами вносят разнообразие в монотонную морфологическую структуру ландшафта.

Конечно, в каждом ландшафте сочетания конкретных урочищ строго индивидуальны и неповторимы. Анализ этих конкретных групп урочищ крайне необходим при изучении освоенности геокомплексов.

2. СОВРЕМЕННАЯ ОСВОЕННОСТЬ ЛАНДШАФТОВ

В настоящее время ландшафты округа относятся к числу наиболее освоенных районов Новгородской области. Об этом свидетельствует высокий процент пахотных, [178]

сенокосных, пастбищных и залежных земель, сравнительно большая людность населенных пунктов и равномерное их распределение по территории.

Южно-Приильменский ландшафт является в округе наиболее освоенным. На освоенные урочища приходится 75,5% от всей площади ландшафта, который по сравнению с другими ландшафтами занимает весьма большую территорию — 2180 кв. км. Наибольшее количество пахотных земель в области приходится на Волотовский район (23,2%), который целиком расположен в пределах округа. Другие показатели, приведенные в таблице 13, также свидетельствуют о высокой степени освоенности этой территории. Так, например, обращает на себя внимание сравнительно высокая плотность населения в ландшафте (11,5 чел. на 1 кв. км), большая густота населенных пунктов (0,16 на 1 кв. км), равномерное их распределение по территории ландшафта. Средняя людность поселений составляет 70,9 чел.

Население преимущественно занимается сельскохозяйственной деятельностью. Жители некоторых прибрежных селений (Устрики, Ужина) наряду с земледелием и животноводством занимаются рыболовным промыслом. Основное направление хозяйства — молочно-льноводное и скотооткормочно-льноводное. Необходимо подчеркнуть высокую степень использования земли в ландшафте (на 1 кв. км приходится 0,8 кв. км сельскохозяйственных угодий), хорошую обработку почвы, употребление сортовых семян, интенсивное использование удобрений, развитие садоводства (выведен сорт вишни «Коростынский»).

В ландшафте распространены четыре типа расселения и освоения территории — приозерный, мелкоречный, притрактовый и смешанный притрактово-мелкоречный тип. Каждый из выделенных типов имеет свое локальное распространение, что позволяет выделить в пределах ландшафта по характеру расселения и освоенности следующие микрорайоны:

а. Приильменский — густонаселенный, высокоосвоенный. В микрорайоне расположены большие по числу жителей селения — Б. Ужин (280 человек), Устрика (466 чел.), Заднее Поле (152 чел.), Буреги (174 человека), Веряжа (221 чел.), Коростынь (156 чел.), Мстонь (188 чел.) и др. Наблюдается тенденция к слиянию селений (например, Заднее Поле и Устрика). Поселения приурочены к берегу Ильменя или к низовьям малых рек —

Псижи, Переходы, Саватейки. Местность полностью окультурена: пахотные массивы различных селений давно слились друг с другом, леса отсутствуют, неудобных к использованию земель почти нет. Дерново-карбонатные почвы хорошо окультурены. Географическое положение микрорайона (удобная транспортная связь с недалеко расположенной Старой Руссой и Новгородом) и экономические выгоды рыбного промысла способствуют привлечению в микрорайон населения и поддержанию последнего в состоянии высокой освоенности.

б. Центральный, водораздельный — спорадически густонаселенный, хорошо освоенный. Поселения приурочены к мелким речкам — Колошке, Леменке, верховьям Псижи и другим, а также к тракту Сольцы — Волот — Старая Русса. Здесь так же, как и в Приильменском микрорайоне, имеется ряд крупных селений — пос. Волот (1604 чел.), Выбити (925 человек), Сомино (220 чел.), Ратицкие горки (152 чел.), Любыни (182 чел.), Вязищи (179 чел.) и др. В отличие от Приильменского микрорайона здесь наряду с хорошо окультуренными комплексами имеются измененные урочища, которые расположены на междуречьи Псижа-Колошка, а также вдоль дороги Волот — Старая Русса. Распространены дерново карбонатные, дерново-слабо и среднеподзолистые почвы. Преобладают почвы хорошей и средней окультуренности, весьма благоприятные для земледелия.

Поверхность хорошо дренирована, поэтому пахотны земли расположены не только в приречных полосах, но и на водоразделах. В целом для микрорайона характерен необычный для Северо-Запада тип землепользования (Волотовский). Селения расположены вдоль небольших рек или ручьев, в долинах находятся огороды, на водоразделах — пашни, в замкнутых котловинах — луга. Эрозионно-ложбинный рельеф, темноцветные почвы, большие массивы пашни, небольшая облесенность — все это сближает описываемый микрорайон с ландшафтами среднерусских «ополий».

Леса занимают незначительную площадь. Среди них преобладают березово-осиновые мелколесья-кисличники с широколиственными элементами. В них наблюдается возобновление дуба.

в. Юго-Восточный, примыкающий к оз. Должино и Должинскому болоту — менее населенный и хуже освоенный. Преобладают мелко-речный тип расселения и ос- [180]

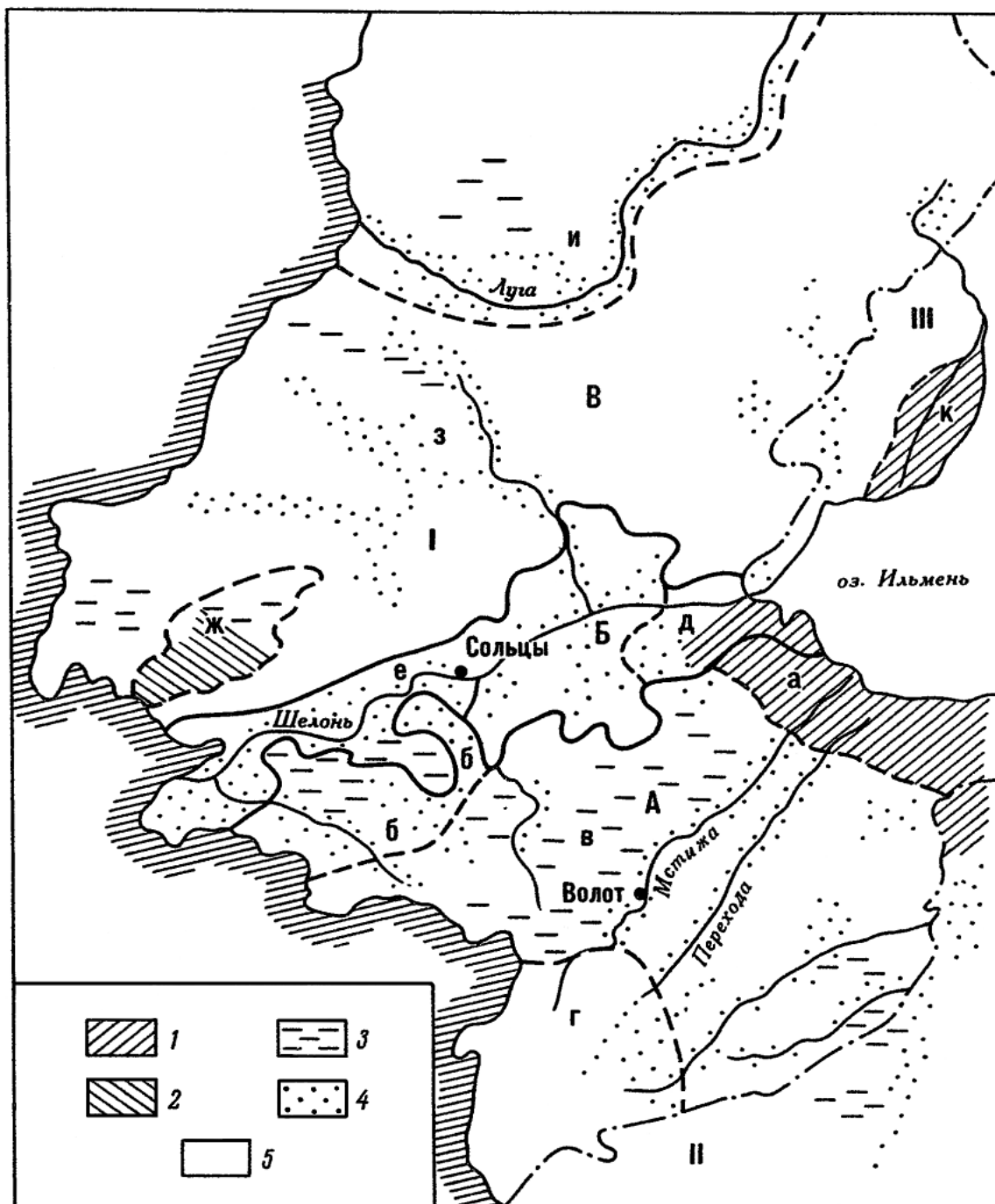

Рис. 5. Освоенность ландшафтов Ильмень-Лужского округа в XVIII в. (фрагмент карты Новгородской области).

Комплексы: *I* — окультуренные, *2* — сильноизмененные, *3* — измененные, *4* — приречные, окультуренные, *5* — слабоизмененные и неизмененные.

Границы: *штрихпунктирная линия* — ландшафтных округов, *сплошная* — ландшафтов, *штриховая* — микрорайонов.

Ландшафтные округа: *I* — Ильмень-Лужский, *II* — Ильмень-Ловатский, *III* — Ильмень-Волховский.

Ландшафты: *A* — Южно-Приильменский, *B* — Пришелонский, *B* — Западно-Ильменский.

Микрорайоны: *a* — Коростынско-Буряжский, *б* — Пришелонский, *в* — Волотовский, *г* — Должинский, *д* — Нижне-Шелонский, *е* — Средне-Шелонский, *ж* — Верхне-Мшагский, *з* — Лужско-Шелонский, *и* — Прилужский, *к* — Поозерье.

{Карта по содержанию идентична изд. 1982 года, различаются лишь обозначения в легенде}

воения. Только три селения в микрорайоне имеют число жителей более 100 человек — Славитино (245 чел.), Шилова Гора (146 чел.) и Соловьево (144 чел.). Большинство других населенных пунктов имеет число жителей свыше 50 человек. Наилучшую освоенность в микрорайоне имеет местность в верховьях р. Псижи. Преобладают измененные комплексы, окультуренные урочища расположены вдоль рек. Крайняя юго-восточная часть занята болотами и осоково-сфагновыми сосновыми лесами.

По характеру своего освоения и расселения микро район приближается к ландшафтам соседнего Ильмень-Ловатского округа.

Таким образом, Южно-Приильменский ландшафт относится к числу высоко освоенных ландшафтов Севера Запада. Главная его особенность — широкое распространение окультуренных и реже — сильно измененных и измененных геокомплексов. Последние образовались в связи с зарастанием сельскохозяйственных угодий. Сохранение земель ландшафта — главная проблема природопользования, которая должна быть учтена при реконструкции сельского расселения в этом районе.

Молочно-льноводная специализация сельского хозяйства лучше всего отвечает природным особенностям территории. Недостаток природных лугов должен компенсироваться устройством культурных пастбищ. Очевидно, что высокая освоенность ландшафта является следствием не только современного, но и прошлого землепользования.

Пришелонский ландшафт, так же как и Приильменский, имеет высокую освоенность, изменяющуюся от 83% (район Средней Шелони) до 100% (район Нижней Шелони). Правда, по сравнению с описанным ландшафтом, Пришелонский занимает меньшую площадь (585 кв. км). На пахотные земли приходится около половины ландшафта. Кроме того, для геокомплекса характерна большая плотность населения (21,4 чел. на 1 кв. км), большая средняя людность населенных пунктов (126,5 чел.), равномерное их распределение по территории. Приведенные данные относятся к большей части ландшафта, расположенной по среднему течению Шелони (комплекс на озерно-ледниковой песчаной и супесчаной равнине). В нижнем течении этой реки при полной освоенности территории средняя плотность населения и людность населенных пунктов является меньшей. [182]

В ландшафте много крупных селений — г. Сольцы (9,4 тыс. чел.), Мусцы (506 чел.), Заречье (436 чел.), Центральная (399 чел.), М. Заборовье (327 чел.), Невское (541 чел.), Скирино (230 чел.) и др. Большая часть крупных селений расположена в центральной части ландшафта. Господствует приречный тип расселения. Поселения приурочены к берегам Шелони или к ее правобережным притокам — нижним течениям рек Колошки, Иловенки, Сосенки, Углинки, Векши. В левобережной части селения расположены только в низовьях р. Мшаги.

Ландшафт относится к числу старых льноводных районов страны. Преобладают дерново-слабоподзолистые хорошо и средне окультуренные почвы. Растительность сильно изменена человеком. К юго-западу от Сольцов расположен довольно большой массив березово-осинового леса (кисличника с широколиственными элементами), местами сочетающегося с сероольшатниками. Вдоль Шелони кое-где встречаются фрагменты сосняков (преимущественно брусничников), имеющих, вероятно, вторичное происхождение.

Таким образом, в ландшафте господствуют окультуренные и измененные комплексы.

По характеру освоенности в ландшафте выделяются микрорайоны:

а. Хорошо окультуренный с преобладанием пашни над другими видами угодий, с густым населением (долина Шелони, правобережная часть ландшафта).

б. Окультуренный и измененный с примерно одинаковым распространением пахотных и сенокосных угодий, с менее густым населением (район Нижней Шелони).

в. Измененный и слабо измененный с преобладанием вторичных лесов и заболоченных урочищ над пашнями (левобережная часть ландшафта).

Западно-Ильменский ландшафт имеет значительно меньшую освоенность по сравнению с другими ландшафтами округа. Главная его особенность — неравномерное распространение освоенности по территории. Большую часть ландшафта составляет низменная слабо дренированная моренная равнина, имеющая освоенность 31,9%. Средняя плотность населения на этой территории 5,9 человека на 1 кв. км, значительно ниже плотности населения в других геокомплексах округа. Средняя людность населенных пунктов 78,8 чел. Население в пределах моренной равнины распределено крайне

неравномерно. Здесь в основном преобладает мелко-речной тип расселения. Некоторые поселения приурочены к дороге Новгород — Батецкая — Луга.

Северо-Западная (Прилужская) часть равнины значительно лучше освоена, чем юго-восточная часть, примыкающая к Поозерью. На северо-западе хорошо освоенным является не только Лужское приречье, но и водораздел Луга — Оредеж. Среди прилужских селений своей величиной выделяются Раглицы (124 чел.), Воронино (122 чел.), Ожогин Волочек (107 чел.), Косицко (144 чел.) и др. Среди водораздельных селений самым большим является районный центр Батецкий (1981 чел.). На Верхне-Лужской равнине пашни приурочены к Луге и увалистым размытым моренным холмам, пастбища и сенокосы — к понижениям, березово-осиновое мелколесье образовалось на месте старых пашен и на вырубках. Дерново-слабоподзолистые и местами встречающиеся дерново-карбонатные почвы находятся в средне и хорошо окультуренном состоянии. Многие заболоченные урочища превращены в сельскохозяйственные земли. Во вторичных лесах встречаются широколиственные элементы. В настоящее время здесь преобладают сильно измененные комплексы. Расположены они не только в долинах, но и на водоразделах — это характерная особенность Верхне-Лужской равнины.

Юго-Восточная часть моренной равнины значительно хуже дренирована и имеет меньшую освоенность. Селения почти исключительно приурочены к долинам мелких рек — Видогоще, Дубенке, Чежи, Веряже, Веронде. Редкие здесь селения являются сравнительно-многолюдными: Видогощ (265 чел.), Кшентицы (165 чел.), Орлово (83 чел.) и т.п. В пределах описываемой части ландшафта окультуренные комплексы сосредоточены в одном массиве только по р. Веронде (между дд. Орлово и Богданово). На остальной территории распространены измененные и слабо измененные комплексы с преобладанием заболоченных лесов. Особенно плохо освоена местность в истоках рр. Видогощи и Веронды. Вместе с тем естественная растительность сохранилась весьма слабо (верховые болота, осоково-сфагновые сосняки). На большей части территории преобладают вторичные леса: осинники дубравно-травяные с широколиственными породами (липой, кленом и другими), березняки чернично-кисличные и кисличные, комплекс зеленомошных березо-

вых лесов (черничных, брусничных, кисличных) с примесью широколиственных элементов.

Гетерогенным элементом в структуре Западно-Ильменского ландшафта является местность в верховьях р. Мшаги (комплексы на озерно-ледниковой песчаной и супесчаной равнине). Эта территория полностью освоена человеком. Непрерывная полоса сельскохозяйственных земель протягивается вдоль долины р. Мшаги и ее притоков — Крапивни и Черной. Селения здесь расположены друг от друга на расстоянии 1—2 км. Среди них своей величиной выделяются — Толчино (156 чел.), Лубино (112 чел.), Каменка (94 чел.), Веретье (82 чел.). Всего здесь в 18 селениях проживает 3196 человек. Средняя плотность населения 34,6 человека. Очевидно, что в этом районе окультуренные комплексы являются господствующими. Леса представлены березово-осиновыми мелколесьями. Гетерогенными являются также комплексы на участках низменных зандровых равнин. Освоенность их обычно небольшая — около 10%. Правда, встречаются участки, половина территории которых освоена человеком. Льноводно-животноводческое направление сельского хозяйства в ландшафте является господствующим.

В заключение характеристики освоенности природы Ильмень-Лужского округа приведем таблицу, в которую сведены некоторые данные кадастра освоенных ландшафтов Новгородской области.

Таблица 15 {184—185}

Современная освоенность ландшафтов Ильмень-Лужского округа

Ландшафты и гетерогенные комплексы урочищ	Площадь в кв. км	Количество населения	Плотность населения	Количество поселений	Средняя людность поселений	Освоенность в %
1. Южно-Приильменский, моренно-равнинный на карбонатных породах	2180.0	25246	11.5	356	70.9	75.5
2. Пришелонский равнинный, озерно-ледниковый, песчаный и супесчаный	585.72	12541	21.4	99	126.5	83.8
а. Озерно-ледниковый суглинистый и глинистый	93.9	1505	16.0	15	100.3	100
б. Приозерный, пойменный	41.0	150	3.6	1	150	100
3. Западно-Ильменский моренно-равнинный, слабо дренированный суглинистый	3808.0	22619	5.9	28	78.8	31.9
а. Низменный на озерно-ледниковых песках и супесях (урочище по р. Мшаге)	92.16	3196	34.6	18	177.5	100
б. Низменный на флювиогляциальных песках (Прилужский участок)	32.7	92	2.8	4	23	55.0
в. Низменный на флювиогляциальных песках (участок в верховьях р. Веронды)	16.1	447	27.7	1	44	11.1

К таблице следует сделать следующие примечания: во-первых, функциональная связь между плотностью населения и освоенностью территории лучше всего обнаруживается в комплексах, имеющих большие площади, во-вторых, людность селений характеризует степень концентрации человеческой деятельности и позволяет сделать выводы о центрах освоения геокомплексов, в-третьих, причиной имеющегося несоответствия между плотностью населения и освоенностью геокомплексов являются особенности современного и прошлого землепользования. Например, освоение пойменной приозерной территории осуществляется не только колхозниками д. Голино, но и земледельцами других селений, расположенных в других ландшафтах. В настоящее время доля такого землепользования (из дальних центров) будет возрастать в связи с реконструкцией сельского расселения. Очевидно, что каждое сопоставление демографических показателей с данными о современной освоенности предполагает однородный характер производственной деятельности населения.

Хорошая освоенность территории округа проявляется в сильном изменении как отдельных компонентов ланд-

[186]

шафта, так и геокомплексов в целом. Почти все растительные группировки округа имеют вторичное происхождение. Почвы в целом хорошо окультурены, большая их часть имеет антропогенное происхождение (современные дерново-подзолистые и дерново-карбонатные почвы). На северо-западе много осушенных земель. Окультуренные комплексы занимают в округе следующие территории: Южное Приильменье, западную (Пришелонскую) часть Южно-Приильменского ландшафта, Шелонское поречье, Лужское поречье, местность в верховьях р. Мшаги. Сильно измененные распространены в водораздельной части: Южно-Приильменского ландшафта, в Пришелонском ландшафте, к северо-западу от р. Луги. Измененные — занимают остальную территорию Южно-Приильменского ландшафта, водораздел Мшага — Шелонь, водораздел Луга — Веронда и некоторые другие. Слабо измененные — встречаются пятнами в пределах плохо дренированных участков моренной равнины (Западно-Ильменский ландшафт).

Такова картина современной освоенности ландшафтов округа. Объяснить ее, исходя только из анализа современной производственной деятельности населения, не представляется возможным. Особенно трудно установить возраст освоения геокомплексов. Кроме того, различный характер изменения природы в прошлом отразился в современной структуре освоенных ландшафтов и их морфологических единиц.

Все эти вопросы имеют не только теоретический, но и большой практический интерес. Особенно важное значение они приобретают в связи с проблемой охраны хорошо окультуренных земель Северо-Запада. Проводимая в настоящее время реконструкция сельских населенных пунктов наряду с другими факторами должна учитывать и близость к новым укрупненным поселениям массивов издавна хорошо освоенных земель.

Предпринимая экскурс в историю освоения ландшафтов округа, будем основываться на двух положениях: во-первых, на данных о современном изменении геокомплексов, так как это значительно облегчает ретроспективный анализ ландшафтных изменений и, во-вторых, на том, что реакция географической среды на однотипные хозяйственные мероприятия населения была в целом идентичной. Именно такой подход к методике историко-ландшафтных исследований позволяет сделать естественно-научные выводы из исторического материала.

3. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ОКРУГА

Уже априорное суждение о том, что в топонимике отражен длительный исторический процесс освоения территории, позволяет нам сопоставлять результаты топонимического исследования с данными о современной измененности природы. Рассматривая составленную нами топонимическую карту Новгородской области, нетрудно прийти к выводу о богатстве территории округа географическими названиями, имеющими историко-ландшафтное значение.

В Южно-Приильменском ландшафте названия многих деревень отражают широколиственные породы деревьев, особенно дуб (12 названий). Кроме того, есть топонимы, образованные от липы, вяза, орешника, клена и других пород деревьев. Встречаются названия, указывающие на дубовые рощи — Вольные Дубравы, Зеленая Дубрава, Барские Дубравы (Солецкий район). Если принять во внимание распространение в ландшафте плодородных дерново-карбонатных и дерново-слабоподзолистых почв, а также хорошее возобновление широколиственных пород во многих урочищах, то становится очевидным, что топонимы, образованные от «дуба» и других широколиственных элементов, отражают повсеместное распространение в прошлом насаждений с дубом, липой, кленом и другими породами деревьев. Таким образом, закон негативности географических названий в пределах данной территории не имеет силы. Правда, есть возможность допустить, что широкое распространение этой группы названий является результатом хорошего развития земледелия в Южном Приильменье. Местоположения с «поддубицами» весьма ценились древними земледельцами, и поэтому неудивительно, что дуб нашел широкое отражение в системе географических названий населенных мест.

До настоящего времени сохранилось много названий, отражающих земледелие. К их числу относятся деревни: Треполье, Заполье, Нивы, Горное Веретье, Старое Веретье, Подклинье, Клинь, Теробони, Гороховище и другие — все Солецкий район; Заклинье, Пустошь, Пашниково и другие — Старорусский район (в пределах округа); Гумнище, Парник, Нивки, Полянки, Заполосье и другие — Волоотовский район; Теробник, Пустошки, Нива, Любино Поле, Теробец и другие — Батецкий район. [188]

Следует заметить, что в писцовой книге Шелонской пятины содержится значительно больше топонимов, отражающих земледелие. Типичными являлись названия, образованные от слов «сук», «лядина» и другие.

Кроме того, имеется множество названий, косвенно-отражающих сельскохозяйственную деятельность населения. К ним относятся топонимы, образованные от горы (повсеместно встречаются деревни с названием «Горка»), гряды, бели, камня и другие. Отдельные названия указывают на развитие в прошлом промыслов — Сольцы, Старые Дегтяри и др.

Обилие названий, отражающих землепользование, является характерной особенностью округа. На топонимической карте видно, что наибольшая концентрация названий, имеющих историко-ландшафтный интерес, находится в пределах хорошо дренированной юго-западной части Южно-Приильменского ландшафта, в западном Пришелонье и в меньшей степени — по берегам оз. Ильменя и рек — Переходе, Псиже, Мшаге, Луге.

Таким образом, топонимика, так же как и данные о современной освоенности территории, свидетельствует о сильном и древнем изменении природы Ильмень-Лужского округа.

4. ИЛЬМЕНЬ-ЛУЖСКИЙ ОКРУГ В РАННЕЕ СЛАВЯНСКОЕ ВРЕМЯ

Территория округа имеет длительную историю освоения его человеком. Она относится к числу районов Новгородского края, в первую очередь заселявшихся ильменскими славянами. Сопки VII—IX вв. концентрируются по Шелони (среднее течение), Мшаге, Луге, значительная их часть расположена на западе Южно-Приильменского ландшафта. Изучение географического распространения сопок показывает: во-первых, их приуроченность и к крупным и главным образом к мелким рекам, во-вторых, подавляющее большинство сопок расположено вблизи или в пределах современных селений, в-третьих, большинство могильников находится в местах, имеющих высокую степень современной освоенности их человеком.

Пришелонский ландшафт. Наиболее крупное скопление сопок обнаружено у д. Любитово. Здесь на берегу Шелони расположено 5 сопок. Кроме того, сопки описаны у дд. Волок, Замостье, Сосновка, Отрадное и др. Все-

го в ландшафте имеется 10 мест с остатками славянских могильников.

Южно-Приильменский ландшафт. Больше всего сопок в западной пришелонской части. На территории современного с. Горцы имеется 2 сопки и курган, у д. Большая Витень в прошлом было 6 сопок, у д. Подгощи 5 сопок. Есть сопки у многих старинных поселений — дд. Завал, Солоницко, Солобско Старое, Гостеж и др. Всего в ландшафте описано 13 мест с могильниками.

Западно-Ильменский ландшафт. Основная масса сопок приурочена к р. Луге. Здесь больше всего сопок у д. Подгорье — 4, в других местах — по 1—2 сопки. Здесь также многие сопки находятся у древних селений — дд. Малый Волок, Большой Волок, Радовеж и др. Всего здесь 16 мест с могильниками. На берегу р. Мшаги могильники обнаружены у селений Старый Медведь, Плосково, Турская Горка, Лучка, Красовицы. К сожалению, до настоящего времени подавляющее большинство сопок не исследовано раскопками. Кости животных были обнаружены в сопках у д. Большая Витонь².

5. ИЛЬМЕНЬ-ЛУЖСКИЙ ОКРУГ В XV—XVI ВВ.

Писцовые книги Шелонской пятины свидетельствуют о высокой степени освоенности территории округа в XV—XVI вв. Рассмотрим освоенность территории округа в этот период по отдельным ландшафтам.

Южно-Приильменский ландшафт

Относится к числу наиболее хорошо освоенных ландшафтов Новгородской области. **Северный (Коростынско-Буряжский) микрорайон** занимает берег оз. Ильменя от устья Шелони до Тулебельского залива, а также прилегающую с юга территорию. Местность была густо заселена. Поселения концентрируются вдоль берега озера — Коростынь, Буряги, Заполье, Мстони, Устрека, Ретле, Заднее Поле, Пустошь, Ужин и др., а также по долинам рек в их нижнем течении. По Переходе расположены: Овинцево, Перетерги, Савкино, Волковичи, Заднее и др. Густо населенной была долина

² В. В. Седов. Новгородские сопки... Н. К. Рерих. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, Спб., 1899. Архив отдела культуры Новгородского облисполкома. [190]

р. Псижи — дд. Бахматово, Псижа, Отока, Валагатино, Подоложье, Горки и др. По небольшой речке Саватейке расположены дд. Речка и Ручье. Освоены были и водоразделы. Так, например, на Переходо-Псижском водоразделе возникли деревни Столец, Заклинье, село Солопско, а на Псижа-Саватейском водоразделе — дд. Конопно, Корчища, Бобовище.

Все поселения, отмеченные в НПК, за немногими исключениями, существуют до настоящего времени. Центрами освоения явились погосты Буреги, Коростынь, а также дд. Ретле, Мстоня, Верижища, Горцы и др. Всего в микрорайоне было 177 крестьянских дворов и 291 человек. Размер посева составлял 736 коробий, что соответствовало 1766,4 десятинам земли в трех полях. О развитии трехпольного земледелия свидетельствует следующая запись: «В деревни в Устреки... пашни в одном поле 7 коробей, а в дву потому-ж»³. Наибольшая величина посева была характерна для дд. Ретле (140 кор.), Вережица (159 кор.), Коростынь (77 кор.), Буреги (48 кор.) и др. В среднем на 1 крестьянский двор в Коростыньском погосте приходилось 4,7 кор., а в Буряжском погосте — 4,1 кор. Это довольно высокий показатель уровня развития пашенного хозяйства (крестьянский двор имел до 10—11 десятин пашни в трех полях).

Характерно, что даже водораздельные деревни имели сравнительно высокий размер посева (д. Конопно — 6 кор., д. Корчища — 3 кор.). В целом для микрорайона было характерно широкое и равномерное распространение пахотных угодий по территории.

Сена накашивалось 5990 копен, а на 1 двор от 34,4 (Буряжский пог.) до 36,6 копен (Коростыньский пог.). Таким образом, на 1 кор. пашни приходится 7—8 копен сена, что свидетельствует о нормальном соотношении между пахотными и сенокосными угодьями. Правда, наблюдаются отклонения от средних цифр. Например, в д. Горцы, не имеющей заливных лугов, на 1 кор. пашни приходится около 3,5 копен сена. Большое количество накашиваемого сена позволяет допустить два предположения: во-первых, использовались удаленные от деревень отхожие пожни на поймах Ильменя, во-вторых, основная масса сена получалась за счет широкого использования сухо-

³ НПК, т. V, стр. 404. Вес ржи в одном коробьи равнялся 7 старым московским пудам. Средние данные по погостам — по А. М. Гневушеву. [191]

дольных лугов. В книге письма Матвея Валуева (1499 г.) встречаем следующую запись, подтверждающую наше первое предположение: «Да в той же волости Буряской Буряжские крестьяне по Матвееву письму на великого князя косят откос на Матвеевских Деревяжкина пожнях, в Чертицком наволоке, на пожни на Словетино да на пожне на Жару...»⁴. В записи указывается пожня на берегу Тулебельского залива, а также суходольная пожня недалеко от д. Жар. В книге 1551 года наряду с Матвеевской пожней упоминаются: пожня Городи, пожня Полица, «да во Мстону 2 пожни, да луг на усть Шелони реки...»⁵.

О разнообразном сельском хозяйстве свидетельствуют данные об оброке. Так, например, в оброке, получаемом великим князем с 22 деревень Буряжского погоста, в частности значилось «56 кор. пшеницы, 336 кор. ржи, 112 кор. ячменя, 15 кор. хмеля, 4 яловицы, 8 боров, 56 баран, 112 куров, 4 пуд. масла, 112 сыров, полтретья тысячи яиц»⁶.

Таким образом, уровень освоения микрорайона был в конце XV — нач. XVI вв. весьма высоким.

В Коростыне было 2 сада, в которых насчитывалось 970 дерев вишневых и 60 леших яблонь. Кроме того, крестьяне занимались рыбной ловлей. В Коростынском погосте в 1499 году было 14 рыбных веж, а в них 33 невода⁷. Особенно широко рыбная ловля была распространена в Ужине. В этом крупном селении насчитывалось в 1499 году 81 двор. Современное селение Ужин состоит из трех деревень — Ужин, Большой Ужин, Малый Ужин. Ужин стоит на берегу озера, Б. и М. Ужины находятся в некотором отдалении от него. В настоящее время большал часть населения проживает в Б. и М. Ужинах, местоположение которых с точки зрения сельскохозяйственной деятельности является более благоприятным, чем местонахождение старого Ужина. В XV—XVI вв. основная масса населения проживала в пог. Ужин и занималась рыболовством. На этот счет в НПК сказано следующее: «А угодя ужиняном, ловят рыбу на озере на Ильмене лете и зиме»⁸. Занятие земледелием затруднялось в связи

⁴ НПК, т. V, стр. 403.

⁵ Там же, стр. 324.

⁶ Там же, стр. 419.

⁷ НПК, т. V, стр. 397.

⁸ Там же, стр. 328.

с низким положением территории, поэтому в НПК в качестве благоприятных называются годы, когда «вода борзо сойдет»⁹. Хорошие условия были для развития скотоводства — вдоль Ильменя и его Тулебельского залива протягивается широкая пойменная терраса. Преобладало грубое сено переувлажненных лугов. Об этом свидетельствует указание писца на то, что ужиняне накашивали 1000 копен «болотины». Всего жители Ужина в 1551 г. ставили около 3700 копен, из них около 1000 копен на отхожих пожнях. Нами была предпринята попытка сравнить степень освоенности микрорайона на основании письма 1499, 1524 и 1551 гг.

Таблица 16

Использование земли по данным 1499 и 1524 гг. (по НПК, т. V)

Селения	1499 г.		1524 г.	
	Посев в кор.	Сено в коп.	Посев в кор.	Сено в коп.
Коростынский погост				
Овсица	51	360	28	80
Вержица	159	900	120	600
Пустошь	26	80	16	60
Горелое	30	140	14	60
Ручьи	5	50	4	15
Подгощи	54	370	34	255
Горцы	140	660	60	200
Жар	15	пол 200	7	20
Заполье	15	60	8	30
Пещивая	6	10	4	6
Щербут	10	60	2	10
Вершица	—	—	7	30
Мстоня	150	1070	91	390
Витони	56	400	30	110
Витонце Меньшее	пол 30	пол 300	12	60

⁹ Там же.

Таблица 16 (окончание)

Селения	1499 г.		1524 г.	
	Посев в кор.	Сено в коп.	Посев в кор.	Сено в коп.
Гостино	6	100	18	60
Хворхово	3	40	3	20
Речки	12	100	7	40
Горицы	22	100	9	50
Конопно	6	50	4	30
Корчица	3	15	3	15
Ненова на Псиже	—	—	2	15
Псижа	—	—	4	20
Бахматово	8	80	6	30
Филистово	6	60	—	—
Глиняница	10	70	6	60
Ескино	6	100	2	20
Фомкино	—	—	2	80
Поч. Деревик	—	—	2	15
Осломех	—	—	2	20
Буряжский погост				
Липитцко	11	100	6	10
Ретле	140	400	90	30
Волковичи	40	200	18	90
Горка	14	300	9	пол 50
Ивовицы	10	200	5	20
Перетерги	10	100	6	40
Заклинье	6	100	пустошь	—
Корень	6	пол 200	3	15
Подоложье	4	10	2	10
Дудкино	6	30	2	10
Столец	пустошь	—	пустошь	—
Березно	50	120	6	30
Луншин Мост	16	200	9	50
Восцы	3	8	1.5	10
Клычетово	6	60	3	15
Котелинка	4	70	2	10
Солопско	18	100	9	30
Иванцево	3	30	3	20
Конечек	20	110	—	—
Вишенье	8	100	—	—
Устье Река (Устрека)	16	200	—	—
Хилиново	2	20	—	—

Данные таблицы свидетельствуют о сокращении земельных угодий. Особенно бросается в глаза уменьшение количества накашиваемого сена. Правда, следует иметь в виду, что значительная часть сена получалась за счет использования удаленных пожен — на берегах Тулебельского залива, в устье р. Шелони. Поэтому изменение взаимоотношения с другими совладельцами лугов могло оказать влияние на временное уменьшение количества получаемого сена.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что большого запустения земель все же не было — в НПК указаны лишь немногие пустоши (Заклинье, Хилино, Столец). Говоря о причинах запустевания некоторых деревень, в книге 1551 г. указывается, что деревни «запустили лета 7051, потому что землю худы и письмом описаны дорого и крестьян тягло тянуть и не мочно, и они с тех деревень сошли»¹⁰. Образовавшиеся пустоши использовались крестьянами под покосы. Например, на пустоши Хилино, которая по старому письму была деревней, «жена Фетинья косила сено»¹¹.

В середине XVI в., как свидетельствует писцовая книга 1551 г., происходило образование починков. Одни из них возникали на месте старых пустошей. Например, д. Столец возникла на земле, которая в описях 1499 и 1524 гг. значилась пустошью. На отхожей пашне недалеко от сельца Веряжицы был поставлен починок Бобовище. Некоторые починки возникли на «черном лесу» — Панютино, на Ломливой Гари, Бередничиха (см. таблицу 17).

Большая часть починков состояла из 1—2-х крестьянских дворов. Указывая размер пашни, писец везде прибавляет «в дву потому-ж», что свидетельствует о трехпольном земледелии. Никаких сведений, позволяющих предположить подсеку, НПК не содержат. Позднейшие книги подтверждают развитие в микрорайоне садоводства (Коростынь) и рыбной ловли (прибрежные деревни).

Таким образом, в целом северная часть Южно-Приильменского ландшафта в XV—XVI вв. была хорошо освоена человеком. К этому времени здесь сложилась устойчивая система поселений, существующая до наших дней, и выработались основные формы природопользования.

¹⁰ НПК, т. V, стр. 323.

¹¹ Там же, стр. 402.

Сведения о починках (по книге 1551 г.)

Починок	Посев в кор. в 1 поле	Сено в коп.	Где возник
Столец	пол 3	30	На пустоши
Валташино	1	нет	—
Красной Луг	1	5	На отхожей пашне
На Ломливой Гари	2	10	На черном лесу
Бердничиха	1	5	На черном лесу
Бобовище	пол 2	нет	На отхожей пашне
Панютино	1	10	На черном лесу

В микрорайоне распространены два типа освоения — крупно-озерный (Приильменье) и мелко-речной (местность по р. Переходе, Псиже, Саватейке). Мелко-речной тип освоения широко распространен в Южно-Приильменском ландшафте. В южной части ландшафта он сочетается с водораздельным равнинным типом освоения.

Пришелонский микрорайон расположен в верховьях рек Колошки и Илеменки. Большая часть поселений приурочена к этим небольшим речкам. Многие поселения являются центрами освоения — дд. Ретно, Шенуха, Гремек, Болотово, Дубровка, Глубокое и др. — все по рр. Колошке и Илеменке, а также дд. Мяково, Сухлово, Речка, Еревша и др. — верховья Колошки. Большая часть старых деревень существует до настоящего времени. На водоразделе расположились дд. Гумнище, Жар, Марково, Филипково, Ляцка и другие. Об освоении Пришелонской части ландшафта свидетельствуют следующие данные о соотношении посева и покоса (см. табл. 18). Приведенные в таблице сведения относятся к территории, расположенной в верховьях рек Илеменка и Люто. Деревни по этим рекам, а также по их небольшим притокам, расположены на расстоянии до 2 км. Таким образом, все пространство, включая водораздельное, было освоено. Исключение составляет заболоченное урочище Сокольники, занимающее водораздел между Илемен-

**Сведения о соотношении посева и покоса в дд. Пришелонской части
Южно-Приильменского ландшафта (НПК, т. V)**

Селения	Дворы	Тип освоения	Посев в кор. в 1 поле	Сено в коп.
По книге 1552—1553 года				
Ретно	10	Водоразд. равнинный	31	250
Гремек	3	Мелко-речный	10	70
Шенуха	2	Мелко-речный	7.5	150
Бочаны	1	Мелко-речный	4	100
Болотово	5	Мелко-речный	32	390
Глубокое	2	Мелко-речный	9	130
Водос	1	Мелко-речный	8	40
Дубнево	1	Мелко-речный	4	30
Брод	2	Мелко-речный	7.5	60
По книге 1498 года				
Городище	—	Водоразд. равнинный	18	70
Дубище	—	Мелко-речный	8	60
Должицы	—	Мелко-речный	10	140
Лютец	—	Мелко-речный	8	50
Зарево	—	Мелко-речный	10	100
Гачки	—	Мелко-речный	8	70
Любонеги	—	Мелко-речный	10	100
Лукома	—	Мелко-речный	12	100
Валуи	—	Мелко-речный	19	200
Раменье	—	Водоразд. равнинный	10	130

кой и Лютой. Сельское расселение в прошлом в этом районе совершенно идентично современному.

Сведения, содержащиеся в книге 1498 г., позволяют сделать вывод о том, что по сравнению со «старым

письмом» население увеличилось. Например, в волост вел. князя всех деревень по старому письму было 40, дворов 104, людей 108, обож 115. По новому письму деревень стало 40 (с 8-ю общими деревнями), дворов 134, людей 184, обож 154¹². Такое явление наблюдается и в других волостях Илеменского погоста. Пустошей в книге 1498 г. зафиксировано немного, в одной записи упоминается пашня наездом.

Хотя сельскохозяйственные возможности Пришелонской части Южно-Приильменского ландшафта в целом идентичны его северной половине, но в отдельных волостях наблюдался низкий удельный вес пшеницы в посевах. Например, в волости великого князя бывш. монастыр. оброку «положено рубль и пять гривен з денгою, а хлеба 30 кор. и 3 четвертки ржи, 41 коробьи овса, 5 коробей пшеницы с полчетверткою и 10 коробьи ячменя»¹³. Хотя у нас и нет особых оснований сомневаться в распространении в это время трехполья, все же состав оброка, а именно большой процент овса и ячменя, скорее характерен для подсечной, нежели пашенной системы.

В книге 1552—1553 гг. в письме прямо указывается: сеют столько то коробей, «а в дву потому-ж». Есть и топонимическое указание на трехполье — д. Триполье.

Письмо 1552—1553 года не свидетельствует о приближающемся кризисе. Хотя писцы и указывают на пустые дворы в отдельных деревнях, но в это время возникают новые починки (Кропотов, Каменка). Указывается только одна пустошь, которая «лежит перелогом». Как показали наши подсчеты, в Ретенском погосте, большая часть которого расположена в Пришелонской части ландшафта, на 1 двор размер посева составлял 4,6 кор., на 1 чел — 4,4 кор. Сена на 1 двор приходилось 44,8 коп., а на 1 чел. — 42,2 коп. На 1 кор. пашни приходилось 9,6 коп. сена. Все эти данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития сельского хозяйства.

Таким образом, Пришелонская часть Южно-Приильменского ландшафта характеризуется такой же высокой степенью освоенности, как и его северная половина. Этому, несомненно, способствовало обилие здесь небольших речек и ручьев, а также плодородие почв. Особенно следует подчеркнуть древность освоения всей территории, расположенной в пределах современного Волотовского

¹² НПК, т. V, стр. 168.

¹³ Там же, стр. 171. Обжа — мелкая окладная единица.

района. В заключение характеристики Южно-Приильменского ландшафта остановимся вкратце на его южной части, прилегающей к Полистовскому болотному массиву.

В верховьях Переходы и Псижи поселения концентрируются только по этим рекам: дд. Подберезье, Михалево, Кисляково, Погорелово, Городец и некот. др. В районе оз. Должинского все поселения были приурочены к р. Северке: Заход, Великая Нива, Кривичи, Сельцо, Заречье. Лишь немногие деревни располагались на водоразделе: Дубец, Тучное, Дубье, Сеницыно и некоторые другие. Освоенность этой территории значительно уступает предыдущим районам. Это является следствием большой заболоченности местности. Но там, где условия более или менее благоприятствовали развитию сельского хозяйства, возникали деревни. Интересно, что д. Сеницыно была поставлена на самом краю обширного болота. Примерно в таких же условиях возникли дд. Тучное и Дубец.

Таким образом, мы рассмотрели различные участки Южно-Приильменского ландшафта и убедились, что в XV—XVI вв. он в целом имел высокую освоенность. Широкое распространение своеобразного мелко-речного и ложбинно-водораздельного типа освоения территории составляет специфику этого ландшафта.

Пришелонский ландшафт

На освоение этой территории в XV—XVI вв. оказали влияние следующие факторы: различие в литологии и рельефе отдельных участков, распространение соленосных подземных вод, расположение вдоль судоходного пути, который использовался славянами при их движении на северо-запад.

Нижне-Шелонский микрорайон расположен ниже впадения в Шелонь левого притока р. Мшаги. Основные природные особенности: низменный рельеф озерно-ледниковой равнины, переходящей в обширное Ильменское приозерье, преобладание глинистых и суглинистых пород, обилие лугов на оглеенных почвах.

Об освоенности микрорайона можно судить по описям Голинского и частично Струнинского погостов Шелонской пятины (по книге 1501 г.). Основным центром освоения района, безусловно, являлся пог. Голино, а также дд. Оспино, Шимско, Велец, Заречье. Эти селения и в

настоящее время являются достаточно крупными пунктами. Другие деревни, указанные в описи 1501 г., в настоящее время не существуют.

Изучение данных по землепользованию показало широкое использование населением пойменных лугов. На 1 крестьянский двор в среднем приходилось 55 коп. сена, а на 1 кор. посева до 26 коп. сена. Так, например, крестьяне пог. Голино при посеве 30 кор. ставили 800 коп., крестьяне д. Оспино сеяли 26 кор., ставили 440 коп., д. Шимск — соответственно 40 и 400, д. Белец — 14 и 260, д. Заречье — 27 и 500 и т.п. Размеры посева также были довольно высокие — 3,6 кор. на 1 крестьянский двор в одном поле. Пахотные земли были сконцентрированы вокруг дд. Шимск, Голино, Оспино, Заречье. Особенности природы в данном месте позволяют заниматься земледелием в сравнительно узкой 3-х — 4-х км полосе, расположенной между озером, рекой и болотами. В составе оброка, которым были обложены крестьяне погоста, были включены, кроме денег, «70 кор. ржи, 140 кор. овса, мяса: 2 яловицы, 4 борова, 20 баранов, 10 лебедей»¹⁴. Обращает на себя внимание отсутствие в оброке пшеницы и включение в его состав лебедей. Кроме того, великому князю принадлежали две тони в р. Шелони. В д. Тучино был сад с 117 яблонями.

Книга 1551 года интересна своим указанием на трехполье и на количество зерна, высеваемого на 1 десятина пашни. Так, на погосте в селе великого князя «по старому письму» было «в поле по четырнадцать десятин, а на десятине сеяли по коробью с четверткою ржи, а в дву потому-ж. А по новому письму пашни в поле 17 десятин, а в дву потому-ж, а на десятине сеют по коробье с четверткою ржи»¹⁵. В приведенной выдержке интересно указание на сравнительно большой для Северо-Запада размер пашни. Вообще писец весьма положительно оценивает качество земли этой территории. По этому поводу в книге 1551 г. говорится следующее: «И в тех деревнях (имеется в виду 19 деревень — В. Ж.) 20 полшесты обжи земля добра, а 29 обиж середняя, а 10 обиж земля худа»¹⁶.

Приведенных данных достаточно для того, чтобы убедиться в полной освоенности территории Нижне-Шелон-

¹⁴ НПК, т. V, стр. 304.

¹⁵ Там же, стр. 320.

¹⁶ Там же, стр. 321.

ского микрорайона. Вся полоса, расположенная между рекой, озером и дорогой Новгород — Шимск в XV—XVI вв. представляла собой полностью окультуренный аспект с широким распространением сенокосных угодий.

Средне-шелонский микрорайон занимает большую по площади территорию, чем Нижне-Шелонский. Он расположен на озерно-ледниковой равнине, сложенной песками и супесями. Пойменные террасы в долине реки выражены плохо. Правобережье дренировано лучше, чем левобережная часть микрорайона, поэтому селения здесь располагались в 4—6 км полосе вдоль р. Шелони, а также по рр. Мшаге и Мшанке. Основным организующим центром микрорайона являлась р. Шелонь. На ее берегах возникли многие старинные поселения: Свинорд (Свинорецк), Мусцы, Сольцы, Строкино, Березка, Илеменка, Лютец, Пенино, Любитово, Блудово, Заречье и др. На Шелони расположены центры погостов Мусецкого, Скнятинского, Свинорецкого, Илеменского.

Таблица 19

{в источнике расположена на стр. 201—202}

Сведения о соотношении посева и покоса в приречных селениях за 1552—1553 гг. (по НПК, т. V)

Селение	Дворы	Посев в кор.	Покос в коп.
Свинорецкий погост			
Прилук	1	30	100
Город на Шелони	2	20	100
Лубье	2	15	60
Велебицы	6	30	100
Старый Ям	6	—	100
Великое Болото	6	40	200
Мусецкий погост			
Мусцы	10	41	170
Сольцы	67	82	пол 400
Пороги	3	25	120
Блудово	4	16	100
Заречье	4	30	пол 200
Каменка	3	12	50
Скнятинский погост			
Струги	2	25	40
Городок	1	8	30
Горы	4	20	100
Любитово	3	20	80
Немецкая Лука	2	7	30
Илеменский погост (по книге 1498 г.)			
Рельбицы	3	20	150
Быстерская	4	14	30

Приведенные данные свидетельствуют о значительной окультуренности берегов Шелони. Обращает на себя внимание сравнительно большой размер посева, приходящийся на крестьянский двор. На фоне общей хорошей освоенности приречной местности выделяется густо населенная полоса Свинорд — Мусцы — Сольцы — Блудово. Население Сольцов состояло из 11 крестьянских и 52 бобыльских дворов, 4 двора занимали священнослужители. Покосов, близко расположенных от деревень, не хватало, поэтому в описях имеются многочисленные указания на отхожие пожни. Некоторые из них располагались довольно далеко — в устье Шелони и на берегах Ильменя. Например, у крестьян д. Лубье имеется «отхожая пожня у озера у Ильменя во Жгуте, а ставитца на ней 40 копен»¹⁷.

В середине XVI в., судя по НПК, продолжался процесс освоения водораздельных пространств, особенно в левобережье. Об этом свидетельствуют сведения о починках, содержащиеся в книгах 1552—1553 годов. Многие из указанных в НПК починков впоследствии превратились в деревни и их удалось разыскать на крупномасштабных картах. Сведения о починках являются двойными: во-первых, вполне конкретные, т.е. указывается название, количество дворов, людей, размер посева и т.п., во-вторых, имеется общее указание на наличие по-

---

¹⁷ НПК, т. V, стр. 504.

чинков. В этой связи типичной следует считать следующую запись, относящуюся к д. Изор Мусецкого погоста: «Да за Офоняю ж за Болаксом деревни и починки, а изстари были селища письменные, а ставили их ново»¹⁸. В этой общей фразе образно рисуется картина освоения запустелых в прошлом земель. Многие починки, указанные в НПК, по существу являются скорее новейшими деревнями, нежели починками в полном смысле этого слова. Приведем для примера сведения о починках, возникших в Средне-Шелонском микрорайоне (по НПК, т. V, 1552—1553 гг.).

Таблица 20

Сведения о починках Средне-Шелонского микрорайона

Название	Дворы	Посев в кор.	Сено в коп.	Тип освоения
Мусецкий погост				
Пирогово	1	3	10	Водоразд. равн.
Микульское	1	пол 3	15	
Коспелово	1	4	30	
Пупков	1	3	20	
Веребяз	2	5	20	
Плешков	1	2	10	
Мурашкино	1	3	20	
Скнятинский погост				
Дедуха	1	2	30	Водоразд. равн.
Лук Яхново	1	пол 2	10	
Мошатино	1	3	30	
Свинорецкий погост				
Гузново	2	пол 2	15	Водоразд. равн.
Молодошка Подсев	3	3	20	
Горушка	2	пол 3	15	
Жорткино	2	пол 2	20	
Язвище	2	пол 3	15	
Грузовище	2	2	10	
Каменка	2	пол 3	10	

¹⁸ НПК, т. V, стр. 505.

Из таблицы следует, что ряд починков имел сравнительно развитое хозяйство — Коспелово, Пупков, Дедуха, Мошатино и другие. Изучение географического распространения починков и новейших деревень Левобережья показывает, что почти вся незаболоченная территория была к середине XVI в. освоена человеком.

Пустоши интенсивно использовались в качестве сенокосных угодий, хотя указаний на них и немного. Это свидетельствует о том, что большая часть пустошей превратилась в починки и деревни. Только о трех починках можно определенно сказать, что они возникли в ранее не обжитом месте. Так, о починках Дедуха, Лук Яхново и Мошатино сказано, «что ставили их после письма ново на лесу»¹⁹. Кроме образования починков, следует указать на расширение деревень путем устройства новых крестьянских дворов по их окраинам. Так, например, после описания д. Острова (Свинорецкий погост) отмечается: «Да у тое ж деревни по конец поля выставок Гаря: дв. Михалко Онтипов, пашни в одном поле коробья, а в дву потому-ж, сена 15 копен»²⁰. Прямых указаний на наезжую пашню в микрорайоне мало. Наездом, видимо, обрабатывалась запустелая деревня Пенино (Скнятинский погост), так как в описи указывается размер посева — 5 кор. и покос — 50 копен.

Кроме широко встречающихся указаний на отхожую пожню, в НПК отмечаются отхожие нивы. Так, например, у д. Нелози (Свинорецкий погост) есть отхожая пожня (80 копен), «да отхожая нива Фомина, пашни 2 коробь сена 10 копен»²¹. Отхожей нивой владеют крестьяне д. Великое Болото (Свинорецкий погост), причем здесь прямо указывается, что ее «пашут из Болота наездом»²². Отхожие нивы отмечаются писцами и в ряде других мест. Оснований предполагать, что под термином «нива» скрывается подсека, в данном случае не имеется, хотя бы уже потому, что размер посева невелик: нива Козлова Гарь — пол. кор., нива Ушакова — пол. кор. Характерно, что в понятие нива включается и пашня, и покос. Крестьяне д. Великое Болото занимались рыбной ловлей («А угодья под двором в реке в Шелоне рыбная ловля»). Мельницы были выстроены на небольших при-

¹⁹ НПК, т. V, стр. 498.

²⁰ НПК, т. V, стр. 511.

²¹ Там же, стр. 508.

²² Там же, стр. 511.

токах Шелони — речках Крутец и Боровенка («да под двором угодыя, на речке на Боровенке мельница»²³).

Таким образом, освоенность микрорайона была большой, а природопользование — разнообразным. Опись 1552—1553 гг. свидетельствует о хорошем экономическом состоянии крестьянского хозяйства. Указания на многочисленные починки, отхожие пожни и нивы, выставки — все это подтверждает высказанное положение. Приближение экономического кризиса не чувствуется.

У нас нет достаточных материалов, чтобы определенно говорить о том, как проявился экономический кризис в землепользовании Средне-Шелонского микрорайона. Зато книга 1576 г. рисует яркую картину запустевания земель в Дубровенском погосте, расположенном в соседнем микрорайоне по р. Удохе.

Земли многих поместьев Дубровенского погоста определяются писцами как «пустые», поросшие лесом, или занятые перелогом. Указаний на наезжую пашню немного. Характерно, что качество земли не отразилось на ее запустевании. Поросли лесом и превратились в пустоши и добрые, и средние, и худые земли. Очень показательны данные, характеризующие площади обрабатываемой и запустелой земли. По этому поводу в писцовой книге 1576 г. говорится следующее: «И всего в Дубровенском погосте за помещиком, и за монастырем, и церковныя пашни живущего 13 вытей и 8 чети, да пустого наездом пахано 18 вытей, да пустого-же непаханого 214 вытей и пяти четей с осминою. И обоего в Дубровенском погосте живущего, и что наездом пахано, и пустого 246 вытей и три чети пашни с осминою, сена 66 копен, лесу пашенного и непахенного на 5 верст с полуверстою»²⁴.

Приведенная выдержка из НПК достаточно красноречиво характеризует плачевное состояние крестьянского хозяйства в конце XVI в. Регенерация природных комплексов — физико-географическое следствие экономического кризиса в сельском хозяйстве. Как известно, в дальнейшем экономический кризис сменился подъемом народного хозяйства, что привело к расширению крестьянской запашки. На этом новом этапе крестьяне невольно столкнулись с естественным перелогом.

²³ Там же, стр. 496.

²⁴ НПК, т. V, стр. 679. Выть — окладная единица.

Западно-Ильменский ландшафт

На развитие экономики ландшафта оказали влияние:

1. Преобладание низменного плохо дренированного рельефа, обусловившего большую, по сравнению с предыдущим ландшафтом, заболоченность территории.
2. Небольшое распространение легких песчаных и супесчаных отложений.
3. Слабое развитие пойменных лугов, распространены суходольные и низинные сенокосы.

Население главным образом концентрируется по небольшим рекам (Мшаге, Луге, Веряже, Веронде и др.), а также местами по хорошо дренированным водоразделам. В пределах ландшафта расположены погосты: Лубинский, Вшельский, Березский, Боротенский, Турский, Медведский, Коситцкий, Сабельский, Сутоцкий, Васильевский.

1. Юго-западный микрорайон. Расположен в верховьях р. Мшаги и к западу от нее (погосты Боротенский, Березский, Павский). В микрорайоне распространен мелко-речно-водораздельный тип освоения. Несмотря на водораздельное положение, местность в Боротенском пог. хорошо дренирована, местами встречаются урочища на легких породах. Это способствовало большей заселенности погоста. Особенно хорошо освоенными были урочища вокруг деревень: Лазуни (40 кор., 200 коп.), Молоди (30 кор., 250 коп.), Дертина (24 кор., 120 коп.), Взвяд (17,5 кор., 80 коп.), Горб (20 кор., 300 коп.) и другие.

В Боротенском погосте на каждый крестьянский двор приходилось 5,2 кор. и 44,3 коп. сена, причем на коробью пашни — 8,4 копны сена. Эти цифры свидетельствуют о довольно высоком уровне развития крестьянского хозяйства. Вся территория погоста была занята окультуренными землями. Пустошей в книге 1498 года отмечается только три — Задорье («пуста, а в письме была обжа»), Красница и Рогоза. Они использовались крестьянами под сенокос. Так, в Задорье ставилось 200, а в Рогозе — 150 копен сена. Больших изменений в крестьянском хозяйстве книга 1498 года, по сравнению со «старым письмом», не отмечает.

В Павском погосте наибольшей запашкой отличались дд. Свины (40 кор., 200 коп.), Лежнево (44 кор., 150 коп.), Залоза (40 кор., 250 коп.), Теребыни (40 кор., 150 коп.), Турея (32 кор., 250 коп.) и др. Особенно много обрабо-

танных земель было вокруг центра погоста — с. Павы. Здесь размер посева составлял 76 кор. в 1 поле и всего крестьянами ставилось 440 коп. сена.

Таким образом, Юго-Западный микрорайон в целом хорошо был освоен в XV—XVI вв. Обращает на себя внимание большое количество накашиваемого крестьянами сена. Увеличение кормовой базы крестьянского животноводства, видимо, произошло за счет более полного использования низинных лугов.

2. Прилужский микрорайон. Расположен на севере ландшафта. Организующим центром сельского расселения являлась река Луга, вдоль которой местами протягиваются полосы песчаных и супесчаных земель.

В пределах микрорайона располагались Сабельский и Коситцкий погосты. Для изучения весьма удобен Сабельский погост, так как его территория расположена как в Прилужской, так и в водораздельной части ландшафта. Среди селений, расположенных по Луге, выделялась своей величиной д. Терebenь (Теребони). В ней было 14 дворов, размер посева составлял 66 кор., накашивалось 370 коп. сена. Изучение топографии древних поселений показало, что большинство деревень располагалось в некотором удалении от реки, так как долина Луги местами заболочена. К числу старых Прилужских селений следует, кроме Терebenя, отнести пог. Сабля, а также дд. Кораблево, Смыч, Дорогобуж и др. Деревни располагались как в левобережной, так и в правобережной части долины.

Наряду с мелко-речным типом освоения был распространен водораздельный. Особенно хорошо была освоена территория к северу и к западу от реки Луги (междуречье Луга — Райка). Например, в д. Озерово было 20 дворов, размер посева составлял 100 кор., накашивалось 400 коп. сена. Крестьяне д. Несуж (6 дворов), расположенной в центре водораздела, сеяли 30 кор. хлеба и ставили 300 коп. сена. Характерно, что даже однодворные деревни имели большие массивы окультуренных земель. Например, д. Гачи (1 двор, 4 человека) сеяли 16 кор. и ставили 70 коп. сена.

Все указанные деревни расположены в различных ландшафтных условиях: по р. Луге (Теребени, Воронино и др.), при водораздельных условиях, в некотором удалении от р. Луги (Вольни, Хрипцы, Черное), среди болот (Хотня, Хвостец), по мелким речкам и ручьям (Головская, Жар). Перечисленные селения сохранились до настоящего времени. [207]

Землепользование в дд. Сабельского погоста

Поселения	Дворы	Посев (в кор.)	Сено (в коп.)	Тип освоения
Прилужская местность				
Теребени	14	66	370	Мелко-речный
Черное	3	12	50	Мелко-речный
Мойка	2	8	100	Мелко-речный
Дорогобуж	2	13	100	Мелко-речный
Смыч	5	16	80	Мелко-речный
Воронино	4	20	90	Мелко-речный
Водораздельное правобережье				
Головская	4	13	80	Мелко-речный
Хрипцы	3	16	100	Водораздельн.
Волыни	2	17	70	Водораздельн.
Несуж	6	30	300	Водораздельн.
Хвостец	2	8	40	Водораздельн.
Колючево	2	16	60	Водораздельн.
Озерево	20	100	400	Водораздельн.
Закаменка	2	12	60	Водораздельн.
Клешно	4	20	80	Водораздельн.
Дроково	2	8	30	Водораздельн.
Сельцо	3	20	50	Водораздельн.
Жар	3	16	80	Мелко-речный
Очно	2	11	50	Водораздельн.
Водораздельное левобережье				
Хотня	2	12	40	Водораздельн.

Изучение географического распространения деревень в XVI в. показывает, что в этот период все водораздельные пространства, пригодные для жизни человека, были уже освоенными. Обращает на себя внимание большой размер посева и значительное количество накашиваемого крестьянами сена. Приведенные данные свидетельствуют об оптимальных условиях формирования культур-

ного ландшафта в рамках трехпольного земледелия. В оброке с однодворной деревни Гачи значилось «хлеба поспом 2 кор. без четвертки, три кор. без четвертки овса, кор. с получетв. ячмени, полтретьи четверти пшеницы, четвертка хмелю»²⁵. Отсутствие указаний на починки и пустоши — характерная особенность НПК. Она свидетельствует об определенной стабилизации крестьянского хозяйства.

Таким образом, в Западно-Ильменском ландшафте хорошо освоенными являлись местности: по р. Луге и Мшаге, по малым рекам (Кибе, Лютенке и др.), водораздельная территория к северу от р. Луги. Удовлетворительно был освоен Мшаго-Шелонский водораздел. Хуже всего была освоена территория между Паозерьем — на юго-востоке и р. Лугой — на северо-западе. Эта территория плохо дренирована и сильно заболочена. Редкие деревни располагались исключительно по мелким речкам — Струпинке, Веронде и другим.

Заканчивая характеристику освоенности ландшафтов Ильмень-Лужского округа, сделаем следующие выводы:

1. В целом округ характеризовался высокой степенью освоенности своих ландшафтов. Окультуренные геокомплексы располагались как в приречных, так и в водораздельных условиях.

2. Основные причины высокой освоенности — влияние издавна сложившегося здесь этноса ильменских славян, сравнительно густое население, близость Новгорода, благоприятные природные условия.

3. Большая часть антропогенных геокомплексов формировалась в связи с широким распространением трехпольной системы земледелия.

4. Наиболее разнообразное природоиспользование было характерно для Ильменского побережья.

5. В это время сложилась в основных чертах система сельского расселения.

ИЛЬМЕНСКО-ЛУЖСКИЙ ОКРУГ В XVIII ВЕКЕ

Выше уже отмечалось, что в XVII в. наблюдалось запустевание земель. О характере землепользования в округе в первой четверти XVIII в. можно составить себе представление на примере бывших владений А. В. Кикина. Последнему принадлежали земли в Коростынском и

²⁵ НПК, т. III, стр. 13.

Бурятском погостах (Южно-Приильменский ландшафт). Из описания деревень видно, что некоторые в прошлом запустелые земли стали распахиваться и превращаться в деревенские поселения (например, дд. Ионово, Ручей). С другой стороны многие деревни XVI в. продолжали оставаться пустошами в начале XVIII в. — Валтошино, Деревик, Бахматово, Конопля, Речка, Панютино и др. Всего таких пустых деревень было 24. При описании сельскохозяйственных угодий писцы сохранили старую форму письма с указанием на трехполье («в дву потомуж») и с разделением земель на пашни паханные, перелogi и «лесом поросшие». Локализация сведений о деревнях Кикина на географической карте показала, что основные центры освоения территории XV в. сохранились и в начале XVIII в.: Коростынь, Буреги, Подгощи и др. Пашни «паханные» всех существующих деревень преимущественно классифицировались как «средние» земли и реже «худые». Наибольшие массивы этих земель располагались у дд. Коростынь, Буреги, Вережица, Подгощи, Б. и М. Витонец, Ретле, Борисово и некоторые другие. В целом все Ильменское побережье было хорошо освоено.

Земли пустошей рассматривались преимущественно как «худые», т.е. оценивая земли, писцы учитывали окультуренность почв. Кроме того, в пустошах указываются «перелogi» и «пашенные леса». Всегда отмечается площадь пашни, поросшей лесом. Величина деревенских владений определяется количеством дворовых мест. Например, пустошь Деревик имеет 6 мест дворовых, худые пашни составляют 7 чети, сена 15 копен. Все пустоши с точки зрения их освоенности разделяются на: пустоши, расположенные вблизи от деревень (Конопле, Столец и другие), и пустоши, находящиеся вдали от селений, в приводораздельных условиях (Деревик, Панютино, Бахмутово и др.). Первые в прошлом представляли собой хорошо развитые деревни, вторые — были преимущественно починками или небольшими селениями. Земли ближних пустошей чаще, чем земли дальних, классифицировались как «средние». Некоторая часть земель пустошей распахивалась «наездом» крестьянами соседних деревень, но большая их часть поросла лесом. Например, в пустой деревне Конопле было пашни в 1 поле («средние» земли) 10 чети, а лесом поросло 20 чети в поле. Некоторые дальние пусто-

ши использовались преимущественно под сенокос. Например, в пустоше Бахматово распахивалось только 5 чети худых земель, но зато накашивалось 100 копен сена²⁶. Среди сенокосов явно преобладали суходольные, расположенные среди пашен («сена меж поль столько-то копен»). Многие сенокосы пустошей находились на месте заросших пашен («сена по перелогу»). Вообще состояние сенокосных угодий было неудовлетворительным: часто указываются угодья «по кустарю», «по кустарю и заполоскам» и т.п. Из пойменных лугов использовались отхожие пожни на Шелони и на берегах Тулебельского залива. Указывается небольшое количество низинных сенокосов («на болоте на Жгуте» — д. Буреге, «в болоте за Ужином» — д. Горки, «пожни по ручью» — д. М. Витонец)²⁷. Крестьяне некоторых селений расчищали новые земли — «нивки». Например, при описании земель д. Ужин отмечается, что «пашни паханные и с нивками, которые вновь расчищены промеж болот», составляют 78 дес.²⁸

Однако расчистка новых земель не была характерна для этого времени, так как было много пустошей, земли которых всегда высоко оценивались крестьянами.

В с. Коростынь у Кикина было 3 сада с яблоневыми, вишневыми и грушевыми деревьями. Из них два находились на возвышенном берегу, а один «ключевой» на ильменской террасе. Последний сохранился до настоящего времени. Около сада было посажено 500 гнезд хмеля²⁹. Указываются рыбные ловли в устье р. Шелони, озерке Мстоне, в небольших речках, где стояли езы, а также в оз. Ильмене у д. Ужин. К концу XVIII в. многие пустоши вновь превратились в деревни, население которых постепенно увеличивалось.

В Южно-Приильменском ландшафте полностью окультуренной являлась территория по оз. Ильмену и рр. Переходе, Псиже, Саватейке, а также юго-западная пришелонская часть. Здесь сформировались крупные по числу жителей селения: Горцы (100 дв.), Коростынь (106 дворов), Б. Витень (83 дв.), М. Витень (61 дв.), Борисово (83 дв.), Буреге (53 дв.) и другие³⁰. О соотношении зе-

²⁶ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951, стр. 214—228.

²⁷ Там же, стр. 225, 221.

²⁸ Там же, стр. 228.

²⁹ Там же, стр. 216.

³⁰ Топографическая карта Коростынской отчины. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19704.

мельных угодий в северной части ландшафта свидетельствуют данные по д. Устрека (23 дв., 40 людей мужского» пола — л. м. п.), усадьбы и пашни — 92 дес., покосы 30 дес., лес — 8 дес, неудобной — 5 дес.³¹ Как видно, лес и неудобные земли занимают небольшую часть земельной площади.

В деревнях Пришелонской части ландшафта соотношение между угодьями является несколько иным. Например, земли д. Любынь (25 дв., 115 л. м. п.) принадлежащей Путятину, состояли из 20 дес. усадебных, 389 дес. пахотных, 15 дес. — сенокосных, 658 дес. — занятых лесом, 16 дес. — неудобных³². Так же много леса имели крестьяне дд. Доворец, Кривицы, Усадище, Теребец и др. Покосов повсеместно было недостаточно.

Таким образом, если в северной части ландшафта культурные геокомплексы располагались сплошным массивом, то в других местах они перемежались с участками леса. Это дало нам основание выделить здесь измененные геокомплексы.

Природа Пришелонского ландшафта, особенно его приречная полоса, была сильно изменена человеком. На берегах р. Шелони было густое население, «сосредоточенное в больших деревнях»³³. Посад Сольцы насчитывал 5 каменных и 350 деревянных домов, Мусцы — 77 дворов, Заборовье — 50 дворов, ямщицкое село Мшага — 205 дворов³⁴. Хорошо была освоена также правобережная часть ландшафта, где многочисленные поселения были приурочены к мелким рекам — притокам р. Шелони. Левобережье в целом было освоено хуже, чем правобережная часть ландшафта.

Население ландшафта успешно занималось хлебопашеством. Урожай ржи «на самых лучших черноземных местах» был сам 6, пшеницы — сам 7, гороха — сам 10. Жители продавали хлеб и лен, отвозя их в Санкт-Петербург и Псков³⁵. Поля тщательно обрабатывались — «Па-

³¹ Экономические примечания. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 870, л. 85.

³² Там же, л. 94.

³³ Военно-Статистическое описание Псковской губ. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18970, л. 68.

³⁴ Топографическое описание Псковской губ. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18968, л. 2—3. Экономические примечания. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 870, л. 74.

³⁵ Топографическое описание Псковского наместничества. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18963, л. 4.

шут под рожь 3 раза, под яровой — 2 раза, под ячмень и льняное семя — по 3 раза»³⁶. Типичным примером землепользования является соотношение угодий в д. Лубье, принадлежащей Лазареву (8 дв., 14 л. м. п.): усадьбы — 3 дес., пашни — 50 дес., лес — 15 дес., неудобной — 13 дес.³⁷ В нижнем течении Шелони наиболее обширный массив освоенных земель был расположен у с. Мшага. Пашни здесь занимали 1308 дес., покосы 101 дес. Земля классифицировалась как «иловатая» с хорошими хлебами и травами. Лес был только дровяной³⁸.

Леса, особенно строевого, не хватало и поэтому его приходилось покупать в других уездах. Правда, это в большей степени относится к той части ландшафта, которая расположена в современных пределах Псковской области. Среди лесов было немало насаждений из широколиственных пород. Леса из клена, вяза, ильма, ясеня, малорослой липы указывались для района Свинорда³⁹.

Западно-Ильменский ландшафт был освоен неравномерно. Окультуренные комплексы располагались по р. Мшаге, где селения находились на расстоянии 2—3 км друг от друга, р. Сабе и р. Луге. Сравнение заселенности территории в XVI и XVIII вв. показало, что основная система поселений сохранилась прежней. Забегая вперед, отметим, что и в настоящее время указанные территории являются хорошо окультуренными. Большинство поселений существует до настоящего времени.

Восточная часть ландшафта была (и остается до сих пор) хуже освоенной, чем западная. Здесь были распространены слабо измененные комплексы с преобладанием болот и заболоченных лесов. Так, например, на водоразделе рек Видогощь и Луга преобладали пустоши, занятые главным образом лесами.

Таблица 22

**Сведения о пустошах (площади в дес. округленно,
ЦГАДА, ф. 1355, д. 870, л. 69)**

Название пустоши	Пашни	Покосы	Лес
Трубенина	21	14	784
Сидорова	18	13	1073
Веретел	46	40	983
Филипповичи	41	20	1092

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18963, л. 88.

³⁷ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 870, л. 92.

³⁸ Там же, л. 74.

³⁹ (Атлас) описным прошлого 1800 года лесам в разных дачах Новгородской губернии. ЦГИА, ф. 380, оп. 183, дд. 48, 52. [213]

Подобное соотношение между угодьями характерно и для других пустошей этой части ландшафта.

Подробное изучение карт угодий показало, что все более или менее пригодные урочища использовались человеком. Даже на небольших «островках» среди болот располагались малодворные деревни, ведущие нормальное крестьянское хозяйство.

Земли ландшафта оценивались как хорошие или реже как удовлетворительные. Например, земли с. Медведь считались как «иловатые с песком и камнем, хлеба к травы хороши, лес дровяной, местами и строевой»⁴⁰. На р. Луге хорошие земли указывались в районе д. Хрипцы: «земля песчаная, хлеба, и травы изрядны, лес дровяной»⁴¹.

Таблица 23

Соотношение между угодьями в различных дд. Западно-Ильменского ландшафта (ЦГАДА, ф. 1355, д. 870, лл. 68, 75, 77, 102)

Селение	Дворы	Л. М. П.	Усадьбы	Пашни	Покосы	Лес	Неудоб.	Всего
По р. Мшаге								
с. Медведь с деревнями	405	2109	306	8550	451	20627	14543	44477
Прилужские								
д. Скачели	46	120	17	773	187	3652	75	4704
Хрипцы	8	12	3	150	8	318	56	535
Воронино	16	77	12	396	126	169	13	716
Водораздельные								
Видогощ	10	35	3	22	350	5462	18	5855
Б. Видогощ	20	50	5	127	50	1789	158	2129
Середогощ	4	17	1	67	13	1400	69	1550

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой процент неудобных земель, хорошая обеспеченность водораздельных и некоторых прилужских деревень покосами.

В целом земледелие было неплохо развито в ландшафте. Излишки хлеба вывозились в Санкт-Петербург, а

⁴⁰ Экономические примечания. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 870, л. 75.

⁴¹ Там же, л. 102.

лен — в Нарву⁴². Урожаи ржи были сам 4, сам 5, других культур — сам 3, сам 4. Землю удобряли навозом, золой, болотной тиной, а также посредством так называемого «прятания суков». Последний способ описан Н. Я. Озерецковским в Лужском уезде⁴³. Он представляет собой разновидность подсеки, так как заключается в выжигании леса и образовании на этом месте полевого участка. Отличие состоит в том, что этот участок перед посевом вспахивался.

Среди лесов преобладали вторичные насаждения. Указаний на «строевой» лес немного. В районе с. Медведь были распространены леса из широколиственных пород: вяза, клена, ильма, ясеня, липы⁴⁴. Дубовый лес, пригодный для кораблестроения, находится к востоку от с. Уторгош⁴⁵.

В заключение следует отметить, что освоенность ландшафтов округа была в целом достаточно высокой, причем обнаруживается совершенно определенная преемственность в характере землепользования. Окультуренные комплексы преимущественно распространены в районах древнего освоения — в Южном Приильменьи и в Пришелонье. О высокой степени развития сельского хозяйства свидетельствуют хорошие для Северо-Запада урожаи и образование редких для Новгородской губернии излишков хлеба, которые вывозились за пределы округа. По сравнению с другими большую неравномерную освоенность имел Западно-Ильменский ландшафт.

ИЛЬМЕНСКО-ЛУЖСКИЙ ОКРУГ В XIX — НАЧ. XX ВВ.

Отсутствие принципиальных изменений в землепользовании является следствием господствовавшей трехпольной системы земледелия. Продолжали развиваться лесные промыслы, правда, главным образом в северной части округа.

⁴² Военно-Топографическое описание С.-Петербургской губ. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18999, л. 93.

⁴³ Н. Я. Озерецковский. Путешествия по оз. Селигеру..., стр. 35.

⁴⁴ Атлас лесов... ЦГИА, ф. 380, оп. 183, дд. 48, 52.

⁴⁵ Генеральный атлас, сочиненный из имеющихся при адмиралтейской чертежной разных годов описей всякого рода. Р. О. ГПБ, Эрмитажное собрание, № 610. [215]

В XIX в. территория округа входила в состав западной части Старорусского и юго-западной части Новгородского уездов. Здесь была, наибольшая в губернии плотность населения — 21—23 чел. на 1 кв. км. Население округа занималось сельским хозяйством. Городов в его пределах не было.

Рассмотрим освоенность отдельных ландшафтов округа, используя имеющиеся данные по волостям. Их недостаток заключается в том, что они преимущественно содержат сведения о наделной земле.

Южно-Приильменский ландшафт входил в состав Старорусского уезда. Так же как и в предыдущие периоды, он являлся хорошо освоенным. Лесистость была неравномерной. В северной части леса занимали около 10% территории (Коростыньско-Буряжский микрорайон). Интересно, что примерно такую же лесистость имела и юго-западная часть ландшафта (Славитинская волость), которая в прошлом была хуже освоенной. Больше всего лесов (35—38%) имели Виленская и Ратицкая волости, расположенные соответственно в бассейнах Переходы и Колошки. Средняя лесистость ландшафта в это время 23%. Господствовали мелколесья из березы, осины, ольхи.

Наиболее крупные населенные пункты с числом жителей 230—250 чел. находились в северной части. В наиболее лесистых волостях ландшафта на 1 деревню в среднем приходилось 95 чел.

Большая часть земельного фонда использовалась под пашню (55%), 22% от общей площади всей волости приходилось на покосы. Основными культурами в земледелии были рожь и овес. Также возделывались ячмень, лен, картофель. Среди покосов преобладали суходольные. Только в Коростыньской волости около 17% приходилось на заливные и 15% — осочные луга. (См. таблицу 24).

Таким образом, в ландшафте преобладали окультуренные и сильно измененные комплексы. Освоенность территории в XIX в. (77%) была идентичной современной (75%).

Пришелонский ландшафт входил в состав Новгородского (Шимская волость) и Старорусского (Любинская, Доворенкая волости) уездов. [216]

**Освоенность Южно-Приильменского ландшафта в XIX в.
(по оценочным данным, ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 1939)**

Микрорайоны	Волости	Лесистость	Число жителей	Колич. насел. пунктов	Средняя людность
Коростынско-Буряжский	Коростынская	10.5	8279	35	236
	Подгощская	13.0	6695	30	256
Северо-Восточный	Виленская	38.4	3933	41	96
Центральный водораздельный	Высоцкая	23.5	6606	61	108
	Ратицкая	35.5	3895	41	95
Юго-Восточный	Городецкая	21.3	8337	50	167
	Должинская	19.8	7041	46	153

Природа была сильно изменена человеком. В среднем лесистость была около 30%, причем наибольшее количество леса приходилось на территорию, расположенную к северу от Шелони. Преобладали мелколиственные леса из березы, осины, ольхи. 45% всей земли приходилось на пашни и усадьбы и около 30% — на покосы.

**Освоенность Пришелонского ландшафта в XIX в.
(ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 1939)**

Местности	Волости	Лесистость	Число жителей	Колич. насел. пунктов	Средняя людность
Правобережье	Любынская	24.5	3216	28	113
	Доворецкая	23.7	5798	45	128
Левобережье	Шимская	27.5	7265	25	290

Наибольшая часть населения Шимской волости проживала в крупных деревнях, расположенных по р. Шелони.

В целом освоенность была несколько меньшей, чем современная. В отличие от Южно-Приильменского ландшафта здесь преобладали сильноизмененные комплексы. [217]

Западно-Ильменский ландшафт целиком находился в Новгородском уезде. Территория его была освоена весьма неравномерно. Наибольшую освоенность имели прилужские волости — Косицкая и Самокражская, расположенные в пределах современного Батецкого района.

Лесистость этой местности составляла 43—47%. Преобладали смешанные леса с преобладанием ели — 9203,5 дес. Чисто хвойные насаждения встречались около д. М. Терébони (сосновые) и д. Хотобуж (еловые). Было много мелколесья и кустарника. Так, ольха занимала площадь в 4621,9 дес.⁴⁶ Дубовые леса к этому времени были вырублены. Известно, что для изготовления полозьев для саней дуб выписывался из Нижегородской губ. Были распространены и другие промыслы: изготовление деревянной посуды, граблей, дровней, сбор ивовой коры и другие.

Пашни в прилужских селениях составляли около 16%, а покосы — 34% от общей площади всей земли.

Хорошо освоена была местность по р. Мшаге. Население в Медведской волости проживало в самых крупных для ландшафта селениях — число жителей в них составляло в среднем 348 человек. Остальная территория была освоена значительно хуже. Так, например, лесистость северо-восточных волостей всюду превышала 50%, а пахотные угодья составляли около 11% от площади всей земли. Леса сильно изменены человеком. Всюду преобладали вторичные насаждения, главным образом березовые леса (220 997 дес.). Строевых лесов не было, повсеместно господствовали дровяные леса. (См. таблицу 26).

На сельское расселение оказала влияние большая заболоченность отдельных частей ландшафта. Таким образом, окультуренные комплексы в XIX в. преимущественно образовывали более или менее большие массивы только по рекам Луге и Мшаге. На остальной территории они имели мозаичное распространение. Современная средняя освоенность ландшафта 31,9% (местность по Мшаге — 100%). В XIX в. освоенность территории за счет меньшей лесистости была несколько выше (около 40—45%), но степень интенсификации земледелия и животноводства в ландшафте в настоящее время неизмеримо выше, чем в XIX в. Напомним, что по своей урожайности и надоям молока Батецкий район занимает в Новгородской области одно из первых мест.

⁴⁶ ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 1970, лл. 5—24.

**Освоенность Западно-Ильменского ландшафта в XIX в.
(ГАНУ, ф. 98, оп. 3, д. 1970)**

Местности	Волости	Лесистость	Количество населения	Колич. насел. пунктов	Средняя людность
Прилужская	Косицкая	47.8	2405	22	109
	Самокражская	43.1	4651	39	119
Северо-Восточная	Черневская	53	4940	36	137
	Тесовская	59.5	11232	82	137
По р. Мшаге	Медведская	23.3	9722	28	348
Центральная	—	—	5766	47	123

ВЫВОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ ОКРУГА

Высокая степень современной освоенности ландшафтов является в основном унаследованной от прошлых эпох. Древний возраст освоения — основная особенность ландшафтов округа. С точки зрения непрерывности антропогенных воздействий на геокомплексы территорию округа можно разделить на следующие районы:

1. Районы постоянного воздействия населения в течение всего исторического времени. Сюда относятся: северная часть Южно-Приильменского ландшафта, местность по рр. Шелони, Мшаге и Луге. Поселения непрерывно существуют на одном месте, начиная с VI—IX вв. Население, кроме сельского хозяйства, занимается промыслами: рыболовным, солеварением, гонкой плотов и другими. Благоприятные транспортные связи содействовали поддержанию хорошей освоенности территории в течение всего периода. Сложившаяся система сельского расселения не требует проведения конструктивных мероприятий. Поддержание окультуренного состояния почв — основное мероприятие по улучшению земельного фонда.

2. Районы древнего освоения, испытавшие прерывистое воздействие населения на ландшафт. Начало освоения связано с возникновением ранних славянских поселений, но в дальнейшем здесь неоднократно возникали пустоши, используемые «наездом», большинство которых [219]

вновь превращались в деревни. В периоды запустевания пахотные земли теряли плодородие, так как удобрения в наезжую пашню не вносились, зарастали лесом. К этим районам относятся территории в центральных частях Южно-Приильменского и Западно-Ильменского ландшафта. Большая их часть примыкает к районам первой группы и связана с ними в процессе общего землепользования. При условии хорошей транспортной связи с сельскохозяйственными угодьями многие селения этой группы могут быть без ущерба для землепользования перенесены в центры освоения первой группы районов.

3. Районы, образованные в связи с распространением пашенного земледелия (главным образом в XV— XVI вв.), удаленные от оживленных транспортных путей. Здесь сложились редкие центры освоения. Эти районы после периода запустевания восстановили свои сельскохозяйственные угодья и в XIX в. имели большие площади окультуренных земель (юго-восточная часть Южно-Приильменского ландшафта). Реконструкция сельского расселения должна проводиться в рамках ландшафта. Основная задача — сохранить в культурном состоянии издавна обрабатываемые земли. В целом сельское расселение округа имеет архаичные черты, но оно в основном отвечает оптимальному землепользованию. [220]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы остановимся на некоторых возможностях использования ретроспективного ландшафтного анализа для целей физической и экономической географии, истории, топонимики, а также выскажем ряд соображений по поводу прикладного значения историко-ландшафтных исследований.

1. Уточнение некоторых теоретических положений физической географии. **Понятие географического положения.** Относится к числу наиболее определенных географических понятий. Любая физико-географическая характеристика начинается с анализа географического положения района исследования, причем в основном указывается место региона в системе зонального и азонального подразделения. Признание большой роли антропогенных факторов в изменении природы заставляет нас ввести в анализ географического положения пункт об исторической области, в пределах которой находится данный объект исследования. Указание на историческую область сразу ориентирует читателя в вопросах истории освоения описываемой территории.

Понятие структуры комплекса. Как известно, в это понятие включается характер взаимоотношения между отдельными компонентами ландшафта, характер сочетания морфологических единиц, особенности сезонной ритмики. Первые две стороны структуры испытывают в староосвоенных районах земли сильное воздействие антропогенных факторов. Следовательно, изучая вопросы взаимодействия ландшафтных компонентов, необходимо устанавливать степень их переработки человеком, а все морфологические единицы подразделять на естественные и антропогенные.

Можно говорить о трех основных типах изменения человеком структуры:

а. Неизменная или слабо измененная структура — влияние человека не нарушило основные типы взаимосвязи между компонентами, господствуют природные морфологические единицы. Структуры подобного типа

[221]

разделяются на первичные и вторичные, т.е. образовавшиеся после восстановления комплекса.

б. Нарушенная структура — образованная в результате сильного воздействия населения на природу, в результате которого существенно изменились основные типы взаимосвязи между компонентами. Комплексы не находятся под влиянием постоянного антропогенного воздействия. Процессы окультуривания чередуются с периодами регенерации комплекса. Образование подобной структуры было связано с подсечной системой земледелия, с запустеванием земель, с любым нерациональным использованием природных ресурсов. Поскольку процесс восстановления структуры является медленным, причем часто прерываемым последующими воздействиями человека, нарушенные геокомплексы нередко занимают большие площади. Например, мелколиственные леса и кустарники на различных местоположениях. Такую структуру имеют измененные комплексы.

в. Преобразованная структура — находящаяся под влиянием постоянной целенаправленной деятельности человека. За длительный период образовались относительно гармоничные связи между преобразованными компонентами. К этой группе относятся окультуренные комплексы. Очевидно, что каждый тип структуры может быть подразделен на подтипы в зависимости от интенсивности антропогенных воздействий или наоборот в связи с энергией природно-восстановительных процессов. Приведенные выше классификации объективно отражают влияние этих факторов.

Структура ландшафтов разной освоенности является также различной. Например, ландшафты высокой современной и древней освоенности имеют преобразованную структуру, комплексы средней освоенности — преимущественно нарушенную и т.п.

Изменение структуры происходило главным образом под влиянием сельскохозяйственной деятельности населения. Типы земледелия рассматриваются как определенные системы взаимодействия между природой и населением, в основе которого находится понятие продуктивности земли. Изучение землепользования позволяет раскрыть сущность исторического процесса изменения геокомплексов.

Морфология геокомплексов под влиянием человека делается более сложной в одних районах и упрощается — в других.

В понятие ландшафтной структуры следует ввести дополнение о степени и времени ее изменения человеком. Например, структуру рассмотренного выше Южно-Приильменского ландшафта можно определить как преобразованную (сильно измененную), феодального возраста, с господством окультуренных комплексов.

Понятие о ландшафтных границах. Признание возможности антропогенной дифференциации ландшафта заставляет несколько уточнить понятие о характере ландшафтных границ. Известно, что последние могут быть линейные и расплывчатые, но происхождение «четкости» или наоборот «нечеткости» границ не всегда можно объяснить исходя из анализа природных компонентов. Вопрос усложняется в связи с тем, что отдельные компоненты могут иметь и природное и антропогенное происхождение (дерново-подзолистые почвы, дубравно-широколиственные, еловые и другие леса). Чаще влияние человека сближает различные ландшафты между собой, делая границы между ними расплывчатыми. Антропогенная постепенность границ особенно проявляется при выделении комплексов среднего и низкого таксономического ранга.

В отдельных случаях избирательное воздействие человека на природу подчеркивает существующие ландшафтные границы, делая их более четкими. Так, например, выделяются «ополья» на фоне лесных ландшафтов, Ордовикское плато, Каргопольская суша и т.п.

Таким образом, подразделяя ландшафтные границы, желательно подчеркивать их происхождение и изменение под влиянием хозяйственной деятельности населения.

Понятие о генезисе ландшафта и его эволюции. В генетические классификации необходимо включать антропогенные образования — почвы, фитоценозы, географические комплексы и др. В понятие эволюции включаются все изменения, обусловленные как природными, так и антропогенными процессами.

Уточнение всех перечисленных, выше понятий необходимо прежде всего для физико-географического районирования. Последнее должно опираться не только на изучение современного (а чаще — доисторического) состояния природы, но и на результатах историко-ландшафтных исследований. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что ландшафт есть начало и конец историко-ландшафтного исследования, т.е. отталкиваясь в начале от ландшафта, мы в результате исторических изы-

сканий значительно углубляем и расширяем наше представление о нем.

2. Историческая география ландшафтов и география населения. Вопросы освоения ландшафта и расселения людей по его территории изучаются сопряженно. В современной структуре сельского расселения, как это было показано выше, отражаются особенности прошлого природопользования. Таким образом, наряду с другими следует специально изучать ландшафтные факторы сельского расселения. Ландшафтная основа может быть использована для демографических карт. Выше была сделана попытка создать ландшафтную типологию сельского расселения и сельских населенных пунктов.

3. Историческая география ландшафтов и некоторые проблемы экономического микрорайонирования. Ретроспективный анализ ландшафтов сопровождается изучением вопросов хозяйственного развития исследуемой территории. Кроме того, создается серия карт — прошлой и современной освоенности ландшафтов, отдельных особенностей сельского расселения на ландшафтной основе (плотности населения, людности населенных пунктов и др.), а также составляется кадастр геокомплексов, в который включаются сведения, имеющие экономико-географический интерес. Использование этих карт и, в частности ландшафтной основы позволит более обоснованно, чем это делается сейчас, проводить границы экономических микрорайонов.

4. Историческая география ландшафтов и некоторые вопросы истории. Историки должны быть заинтересованы в выработке правильного научного представления о ландшафтах прошлых эпох, так как это позволит им более аргументированно делать выводы о развитии экономики отдельных районов. Правильный учет ландшафтного фактора в развитии хозяйства открывает перед историками возможность экстраполяции некоторых экономических явлений, т.е. способа исследования, который они применяют в слабой степени. Наконец, реконструировать географическую обстановку прошлого необходимо для того, чтобы более точно определить научную значимость, исторических источников и возможности их использования.

5. Историческая география ландшафтов и топонимика. Выше уже было показано, что многие географические

названия имеют строго локальное распространение, являясь приуроченными к определенным ландшафтам. Такая приуроченность является следствием исторического процесса освоения территории. Таким образом, изучение как отдельных топонимов, так и топонимических комплексов может проводиться в связи с ландшафтными особенностями изучаемой территории. Способ экстраполяции, примененный на ландшафтной основе, может оказать помощь в анализе микротопонимического материала.

Таким образом, результаты историко-ландшафтных исследований могут быть полезными для различных наук. Историко-ландшафтная основа может быть использована для создания карт по истории сельского хозяйства, топонимической, лексикологической и других.

6. Некоторые прикладные вопросы исторической географии ландшафтов. Мы уже отметили некоторые аспекты использования историко-ландшафтных материалов для целей других наук, многие из которых решают практически важные задачи. Ретроспективный ландшафтный анализ территории необходим для выявления реликтовых элементов ландшафта, которые подлежат охране. Реконструкция сельского расселения должна учитывать не только современную, но и прошлую освоенность территории. Задача состоит в том, чтобы сохранить в хорошем состоянии издавна освоенные геокомплексы. Вообще разработка методов рационального природопользования невозможна без знания исторических изменений, происходивших в ландшафтах. При проведении изыскательских работ необходимо учитывать антропогенные влияния населения прошлых эпох (например, старые ирригационные и мелиоративные системы, канализованные реки в городах и др.).

В заключение следует отметить, что при организации разнообразных географических, инженерно-геологических, археологических и других исследований требуется знание исторического процесса освоения человеком природы и всех изменений, происшедших на изучаемой территории за историческое время. Таким образом, перед исторической географией ландшафтов стоит целый ряд увлекательных проблем, которые ждут своего разрешения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЭИ I, II, III	Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I, М., 1952, т. II, М., 1963, т. III, М., 1964
ГВН и П	Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949
НПГ	Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. Изд. МГУ, 1966
НПК II, III, V	Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией, т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., вторая половина, СПб., 1862; т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г., СПб., 1868; т. V. Книги Шелонской пятины, СПб., 1905
Н-1, Н-2, Н-3, Н-4	Новгородские летописи — первая, вторая, третья, четвертая. Полное собрание русских летописей, т. II, IV, V. СПб., 1840—1848
Кочин. Материалы для... словаря	Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937
Срезневский. Материалы для словаря	Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка, т. I—III, СПб., 1893—1912
Ник.	Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей
ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив СССР
ЛОИИ	Архив Ленинградского отделения института истории АН СССР
Р. О. ГПБ	Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина

ФРАГМЕНТ КАДАСТРА ГЕОКОМПЛЕКСОВ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
Тип геокомплекса: холмисто-котловинный, «заозеренный».
Область распространения — Валдайская возвышенность.

Данные кадастра	Номера геокомплексов									
	1	7	9	11	12	13	15	18	19	20
Площадь в кв. км	1186	251.2	252.7	37.3	411.1	18.7	291.2	23.7	126	31.6
Количество населения	3644	1427	5063	134	9198	195	2159	285	778	37
Плотность населения (в %)	3.07	5.6	20	3.6	22.3	10.4	7.4	11.9	6.1	1.2
Количество населенных пунктов	133	30	44	4	79	3	53	3	20	2
Густота населенных пунктов на 10 кв. км	1	1	2	1	2	2	2	1	1	0.6
Людность населенных пунктов: средняя	27.4	47.5	115	34.2	116.4	65	40.7	95	38.9	18.5
до 10 чел.	26.3	20	20.4	75	8.6	—	24.5	—	10	—
10—25	39.9	20	31.8	—	12.6	33.4	26.4	—	25	50
25—50	24	36.3	20.4	—	22.6	—	22.6	33.4	35	—
50—75	4.5	16.5	6.8	—	13.9	33.3	11.3	—	10	—
75—100	2.3	—	4.5	—	10.1	33.3	5.6	—	15	—
100—125	2.3	—	2.2	25	11.3	—	5.6	33.3	5	50
125—250	0.75	3.3	6.8	—	7.6	—	3.7	33.3	—	—
250—500	0.75	3.3	2.2	—	11.3	—	—	—	—	—
500—1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
свыше 1000	—	—	4.5	—	1.3	—	—	—	—	—
Освоенность территории (в %)	18	7.9	{?}	{?}0	40.2	100	44.8	100	34.4	50

[227]

Сведения об освоенности и заселенности геокомплексов Новгородской области

Геокомплексы	Площадь, занимаемая геокомплексом	Количество населения	Количество населенных пунктов	Средняя плотность	Людность, населенные пункты (в %)										Количество населенных пунктов на 10 кв.км	Плотность населения	Освоенность территории
					до 10 чел.	10—25	25—50	50—75	75—100	100—125	125—250	250—500	500—1000	Свыше 1000			
1. Холмисто-котловинные заозеренные	3044.08	23469	381	61.50	20.0	27.7	25.0	8.9	5.3	5.3	4.2	3.1	—	0.8	1.00	2.7	30.8
2. Грядово-ложбинные	1619.28	10801	175	61.70	7.4	19.4	30.9	20.0	10.8	5.1	3.6	4.4	0.6	0.6	1.00	6.6	60.5
3. Камово-моренные	656.42	5073	45	112.70	4.4	17.6	41.8	4.4	13.2	4.4	4.4	4.4	2.2	2.2	0.60	7.7	30.9
4. Звонцы	104.22	132	2	66.00	—	—	50.0	—	50.0	—	—	—	—	—	0.20	1.2	8.2
5. Возвышенные озерно-ледниковые песчаные	781.20	4712	65	72.50	6.1	20.0	33.0	13.5	9.0	3.1	10.5	1.5	—	1.5	0.80	6.0	26.3
6. Возвышенные на бескарбонатных глинах и суглинках	4409.69	43702	810	53.90	14.0	21.1	30.6	14.5	6.9	3.9	6.9	1.7	0.5	—	1.80	9.9	48.3
7. Возвышенные на флювиогляциальных песках	5273.66	21947	348	63.06	17.2	21.5	25.6	13.5	7.4	3.4	8.9	1.7	—	0.8	0.60	4.1	14.6
8. Низменные на озерно-ледниковых глинах и суглинках	3161.04	24810	195	127.20	7.1	16.4	23.5	8.2	9.2	4.1	16.9	9.7	4.1	0.5	0.60	7.8	30.2
9. Низменные на моренных глинах и суглинках	13421.58	59062	1015	58.10	16.6	25.6	26.4	14.1	7.0	2.4	4.8	1.9	0.5	0.4	0.70	4.4	28.8
10. Низменные на озерно-ледниковых песках и супесях	8626.18	79210	822	96.30	10.4	19.8	23.1	16.3	8.9	4.9	9.7	4.9	1.3	1.1	0.80	9.2	22.1
11. Низменные на флювиогляциальных песках	1281.04	7542	83	90.80	6.0	12.0	22.8	15.6	9.6	13.2	15.6	3.6	1.2	—	0.60	5.8	22.8
12. Низменные на карбонатных моренных глинах и суглинках хорошо дренированные	2180.00	25246	356	70.90	7.0	16.9	27.8	19.3	8.1	6.7	14.3	2.2	—	0.2	1.60	11.5	75.5
13. Слабо дренированные	3808.80	22619	287	78.80	8.7	21.6	24.7	14.6	9.4	5.9	11.6	1.7	1.7	0.3	0.80	5.9	31.9
14. Поймы (селения на внутривпойменных и прибрежных грядах)	844.40	2433	25	97.30	16.0	4.0	20.0	16.0	4.0	8.0	24.0	8.0	—	—	0.29	2.8	13.0

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЛАНДШАФТОВ	
I. Развитие историко-ландшафтных идей в исторических и географических науках	9
Историко-ландшафтные идеи в исторических науках	9
Историко-ландшафтные идеи в географических науках	22
II. Историческая география ландшафтов. Предмет, методы и способы исследования	53
Место исторического ландшафтоведения в системе историко-географических наук	53
Некоторые принципиальные положения исторического ландшафтоведения	56
Методы, способы и материалы историко-ландшафтных исследований	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ НОВГОРОДСКОГО КРАЯ	
III. Основные факторы освоения ландшафтов.....	101
О естественных процессах развития природы	101
Сельскохозяйственное землепользование и его влияние на ландшафт	115
Промыслы и их влияние на ландшафт	129
IV. Общая характеристика современной и древней освоенности ландшафтов и округов Новгородской области	143
Современная освоенность ландшафтов	143
Современная и древняя освоенность ландшафтных округов	155
V. Историко-ландшафтная характеристика природного округа	173
Краткая ландшафтная характеристика	173
Современная освоенность ландшафтов	178
Топонимические свидетельства изменения природы округа	188
Ильмень-Лужский округ в раннее славянское время	189
Ильмень-Лужский округ в XV—XVI вв.	190
Ильмень-Лужский округ в XVIII в.	209
Ильмень-Лужский округ в XIX — начале XX вв.	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	221
	[228]